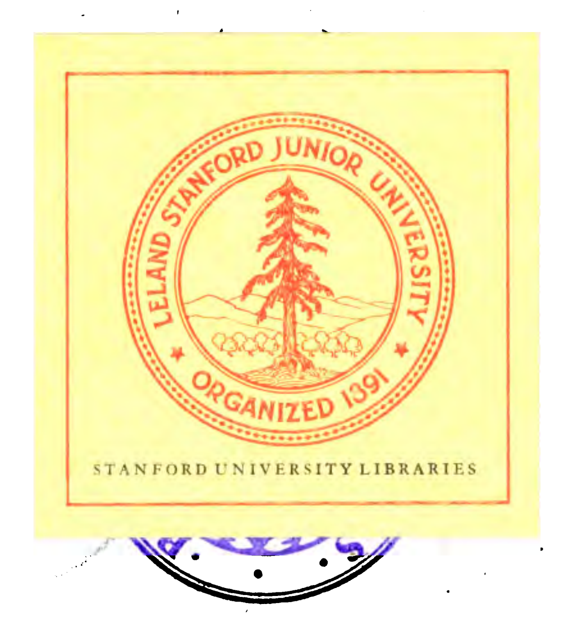

LELAND STANFORD JUNIOR UNIVERSITY
ORGANIZED 1891
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

LELAND STANFORD JUNIOR UNIVERSITY
ORGANIZED 1891
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

ИСТОРІЯ ПОЭЗІИ.

LESSON [illegible]

ИСТОРІЯ ПОЭЗІИ.

ЧТЕНІЯ

Адъюнкта Московскаго Университета

СТЕПАНА ШЕВЫРЕВА.

Томъ Первый,

содержащій въ себѣ Исторію Поэзіи Индѣйцевъ и Евреевъ, съ приложеніемъ двухъ вступительныхъ чтеній о характерѣ образованія и Поэзіи главныхъ народовъ новой Западной Европы.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА,

при Императорской Медико-Хирургической Академіи.

1835.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Ценсурный Комитетъ *три* экземпляра. Москва, Декабря 21 дня, 1835 года.

Профессоръ и Ценсоръ Иванъ Снегиревъ.

Посвятивъ свои занятія преимущественно Исторіи Словесности, я предпринялъ намѣреніе написать со временемъ полную Исторію Поэзіи, а потомъ Исторію Краснорѣчія. Предлагаемый первый томъ содержитъ въ себѣ, кромѣ двухъ вступительныхъ чтеній о характерѣ образованія и Поэзіи Западныхъ народовъ новой Европы, — общія положенія науки и Исторію Поэзіи Санскритской и Еврейской. Второе отдѣленіе будетъ содержать въ себѣ Грецію, третье Римъ, и такъ далѣе. Этѣ два отдѣленія уже написаны, но требуютъ еще отработки и пересмотра. Теперь я занимаюсь Исторіею Италіянской Поэзіи. — Каждый томъ, или лучше каждое отдѣленіе будетъ выходить и продаваться порознь, безъ объявленія подписки. Къ тому же всякое отдѣленіе вмѣститъ въ себѣ свое цѣлое: такъ Греческая, Римская, Италіянская Поэзія и прочія, издадутся каждая особенно, а вмѣстѣ составятъ полную Исторію Поэзіи.

Изученіе мое есть чисто-историческое, въ соединеніи съ философскимъ воззрѣніемъ. Но общія

изслѣдованія и положенія я позволялъ себѣ тогда только, когда онѣ могли быть основаны на событіяхъ и явленіяхъ видимыхъ. Въ сужденіяхъ я пользовался трудами Европейскихъ ученыхъ, такъ на пр. для Санскритской Поэзіи критикою Герена, для Еврейской изысканіями Гердера; но главнымъ стараніемъ моимъ было вникать самому въ произведенія Поэзіи, сколько то позволяли мнѣ собственныя мои силы и средства и на своемъ изученіи основывать, хотя нѣсколько, свое же критическое мнѣніе.

Цѣлью моего преподаванія было дѣйствовать на вкусъ юныхъ слушателей, устремлять ихъ къ историческому и положительному изученію образцовыхъ произведеній Словесности въ нихъ самихъ, не довольствуясь чужими сужденіями и не довѣряя умозрительнымъ теоріямъ, и наконецъ показать имъ, что міръ Поэзіи, этотъ идеальный міръ человѣка, не есть пустая, безцвѣтная область мечтаній и воздушныхъ призраковъ, одно произвольное созданіе фантазіи, а напротивъ, что міръ Поэзіи творится изъ матеріаловъ человѣческой же дѣйствительности, что Исторія Поэзіи есть та-же Исторія жизни человѣчества, но только взятая въ лучшія ея мгновенія. Такимъ образомъ, я старался читать Исторію Поэзіи не съ тѣмъ, чтобы завлекать пылкое воображеніе юныхъ слушателей въ область одной фантазіи, но напротивъ выводить ихъ изъ этой области, и безъ того улыбающейся ихъ воз-

расту, въ міръ существенной жизни, въ міръ Исторіи.

С. Ш.

P. S. Если просвѣщенная публика будетъ благосклонна къ моему труду и занятія мои по Университету дадутъ мнѣ къ тому время, я не замедлю выдать и слѣдующіе томы моего сочиненія.

важность этого мѣста, на которое я вступилъ; чувствую теперь на себѣ всю силу этого взора, который вы сей часъ единодушно обратили на меня, приходящаго содѣйствовать вашимъ трудамъ; чувствую, что вы этимъ взоромъ выразили мнѣ свои ожиданія, свои надежды на новую пользу отъ моихъ занятій съ вами. Да, я приношу сюда всю готовность быть вамъ полезнымъ. Страшусь только того, согласуются ли мои способы съ тѣми желаніями, которыя питаю; а я желалъ бы, чтобъ каждое слово мое, передаваемое вамъ отсюда, скрѣплено было мыслію и твердымъ знаніемъ; чтобъ каждая мысль моя была плодомъ честнаго, искренняго, полнаго занятія. Я готовъ не щадить на это ни труда, ни времени: позвольте мнѣ и отъ васъ ожидать того же. Эта взаимная увѣренность есть пища всякаго ученія.

Наблюдая современный ходъ наукъ, не льзя не замѣтить преимущественнаго господства методъ историческихъ въ изложеніи и преподаваніи оныхъ, особенно же въ тѣхъ наукахъ, предметомъ которыхъ есть человѣкъ, а не природа. Въ этомъ историческомъ направленіи ученой дѣятельности сочетались два стремленія: одно умозрительное, котораго родина есть Германія; другое эмпирическое, коего главныя представительницы суть Англія и Франція. Въ лучшихъ ученыхъ писателяхъ современнаго міра, какъ Германіи, такъ и Франціи, мы видимъ сочетаніе этихъ двухъ стремленій. Германцы от-

казывающся отъ логическихъ построеній въ наукахъ, отъ этихъ безплотныхъ скелетовъ, въ которыхъ окаменѣла самая идея; Французы перестали видѣть въ Исторіи и природѣ нескладный аггрегатъ событій и явленій. Первые предпочитаютъ теперь историческія построенія, хотя и не совсѣмъ удачныя, но обнаруживающія лучшее стремленіе. Вторые, хотя еще теряются въ мелочи явленій, но одушевляютъ ихъ мыслію и закономъ. Если бы можно было всю современную науку назвать однимъ именемъ, то прилично бы ей было, какъ мнѣ кажется, наименованіе *мыслящей Исторіи*. Въ самомъ дѣлѣ, знаніе наше тогда будетъ полно, когда Философія повѣрится Исторіею и обратно Исторія согласится съ Философіею. Пока Исторія будетъ враждебно обличать Философію въ ея смѣлыхъ начертаніяхъ—не быть Наукѣ полной. Взаимная ихъ дружба будетъ торжествомъ всѣхъ стремленій ума человѣческаго. Лучшіе современные умы пекутся о водвореніи сей дружбы. Всѣ уже сказали себѣ: Наука должна имѣть душою Философію, тѣломъ Исторію.

Такое господство историческихъ методъ въ знаніи особенно прилично нашему отечеству и требуется тѣмъ положеніемъ, въ которомъ оно находится, по образованію своему, относительно къ Государствамъ Западной Европы. Приходя послѣдніе къ дѣлу сего образованія, не должны ли мы, по внушенію здраваго смысла, прежде нежели рѣшимся на какое нибудь избраніе, исторически пройти весь путь, совершенный нашими предшествен-

никами въ образованіи человѣческомъ, по разнымъ его отраслямъ? Симъ средствомъ только, мы можемъ сохранить свою собственную самобытность и свободу избранія. Иначе, безусловно покорясь какому нибудь одному мнѣнію, имѣвшему тамъ свою исторію и свои причины, а у насъ нѣтъ, мы явимся рабскими подражателями, впадемъ въ обезьянство. Симъ средствомъ наконецъ избѣгнемъ и пагубныхъ искушеній къ предпріятіямъ невозможнымъ. Исторія преимущественно должна быть нашею учительницею, и опытъ народовъ, до насъ жившихъ, искупленный столькими жертвами, да послужитъ намъ урокомъ; да внушитъ намъ мудрую умѣренность, трудолюбивое терпѣніе и разумное избраніе. Жизнь, конечно, всегда нова; но знаніе прошлаго есть уже половина опытности.

Изъ круга наукъ словесныхъ, Исторія Словесности особенно обращаетъ на себя вниманіе ученыхъ, какъ то мы видимъ изъ множества курсовъ по этой части, и трудовъ, какъ во Франціи, такъ и въ Германіи, которыми особенно изобилуетъ вся первая треть нашего столѣтія. Всякой народъ, въ лицѣ своихъ ученыхъ, стремится отдать отчетъ себѣ и просвѣщенному міру въ произведеніяхъ своего слова. Другіе народы, имѣя большій объемъ знаній и досужее количество ученыхъ, кромѣ себя обращаютъ вниманіе и на иностранныя Словесности, въ особенности же на взаимное вліяніе народовъ между собою въ ихъ литературныхъ сношеніяхъ. Фран-

цузы, напримѣръ, оказали услуги по Исторіи Словесности Италіянцевъ и Испанцевъ, и частію Англичанъ, особенно въ томъ отношеніи, какъ Словесность Англійская имѣла вліяніе на нихъ самихъ. Нѣмцы, одаренные большимъ безпристрастіемъ и духомъ критики глубокомысленной, оказали, въ семъ отношеніи, всему литературному Европейскому міру услуги, скажу, болѣе безкорыстные, и способствовали къ разумному утвержденію національныхъ правъ Словесности каждаго народа, чему долго противилась самовластительная исключительность Французовъ, теперь только одумавшихся и признавшихъ, хотя не вслухъ, свою односторонность.—Но если переберемъ мы всѣ сочиненія по части Исторіи Словесности разныхъ народовъ, то увидимъ, что она существуетъ въ отрывкахъ, изъ которыхъ иные довольно полны, другіе же слегка набросаны. Были попытки въ Германіи дать этимъ отрывкамъ одно стройное цѣлое, но безуспѣшно. Такіе опыты представляли или простые списки словесныхъ произведеній у разныхъ народовъ, лишенные мысли и критики, какъ напр. Исторія Словесности Вахлера; или мнимое цѣлое безъ связи внутренней, въ тѣсныхъ очеркахъ, чему примѣръ есть сочиненіе Фр. Шлегеля; или построенія систематическія, въ которыхъ Исторія была жертвою системы и искажалась насиліемъ самовольной мысли, какъ наприм. Исторія Искусства Амедея Вендта и Исторія Поэзіи Аста. Успѣшнѣе были опыты, когда писатели ограничивали объемъ своего предмета, избирали какую нибудь малую частицу не-

обозримаго поля Словесности и въ ней разсматривали поочереди усилія разныхъ народовъ.

Не буду говорить о компиляціяхъ, лишенныхъ духа критики. Въ тѣхъ же сочиненіяхъ, въ коихъ сей послѣдній обнаруживается, не льзя не замѣтить двоякаго способа наблюдать Словесность. Сіи два способа принадлежатъ двумъ народамъ, которые, преимущественно передъ прочими, занимаются общею Исторіею Европейской Словесности. Прибавлю еще, что сіи способы наблюденія тѣсно связаны съ образомъ мыслей и характеромъ этихъ націй. Французы смотрятъ на Словесность въ связи ея съ обществомъ; они видятъ въ ней живое выраженіе жизни общественной. Представитель этого воззрѣнія есть Вильменъ. Симъ способомъ воззрѣнія связывается Исторія Словесности съ Исторіею политическою; оживляетъ сію послѣднюю, отражая въ себѣ Исторію современныхъ нравовъ; обличаетъ причины многихъ событій, безъ нея непонятныхъ. Но съ другой стороны не льзя не признать односторонности такого взгляда.— Эстетическое и философское воззрѣніе на Словесность здѣсь совершенно принесены въ жертву. Всѣ произведенія получаютъ важность только въ томъ отношеніи, какъ дѣйствовали на жизнь общественную. Мы не видимъ въ нихъ независимаго выраженія мысли человѣка, изъ себя развивающейся; здѣсь мысль всегда запутана въ отношеніяхъ общественныхъ, всегда жертва общества, эхо гостиной или площади, а не голосъ души. Особенно

невыгодно такое воззрѣніе для Поэзіи: мы не можемъ посредствомъ его оцѣнить произведенія въ его внутреннемъ эстетическомъ достоинствѣ; ибо Поэзію видимъ не свободнымъ искусствомъ, а служащимъ свѣту, входящимъ въ его цѣли, интриги, крайности. Это воззрѣніе однако самобытно и національно: ибо проистекаетъ изъ жизни всей Франціи, гдѣ литература была всегда богатымъ дополненіемъ общественной жизни, всегда ей служила, но никогда не существовала независимо. Сею-то стороною это воззрѣніе особенно замѣчательно. Оно не есть внушеніе мертвой науки, а выраженіе общаго образа мыслей Французовъ. Оно есть, такъ сказать, цвѣтъ критики этого народа, такъ какъ она должна была созрѣть въ немъ, согласно съ его духомъ и направленіемъ. Но не льзя не замѣтить страннаго противорѣчія, въ которомъ Французы въ сію минуту Европейской жизни находятся. Они видятъ въ Словесности отраженіе общества. Что, если-бы они примѣнили это воззрѣніе къ современному состоянію ихъ собственной литературы? Какое бы ужасное и отчаянное заключеніе должны были они вывести о современномъ обществѣ своего отечества! Между тѣмъ, не льзя предположить, чтобы общество во Франціи достигло уже до крайней степени разврата и изнеможенія. Весьма замѣчательно, что современное состояніе Словесности Французской есть событіе, противорѣчащее одностороннему взгляду ихъ господствующей теперь Теоріи. Потому оно и остается для нихъ загадкой; потому лучшіе ихъ Критики, какъ наприм.

Вильмень, всегда безмолвствовали на счетъ литературы современной и мало заботились объ ея направленіи.

Второй способъ наблюденія Словесности, принадлежащій Нѣмцамъ, есть преимущественно эстетико-философскій. Нѣмцы мало входятъ въ подробное изслѣдованіе отношеній, непремѣнно существующихъ между словомъ и жизнію народовъ. Они видятъ въ явленіи слова независимое выраженіе какой нибудь идеи и опредѣляютъ его художественный характеръ въ немъ самомъ, безусловно. Въ этомъ случаѣ они противорѣчатъ даже своей теоріи Поэзіи, въ которой началомъ поставлено, что Поэзія должна быть представленіемъ жизни. Но эту жизнь понимаютъ они или отвлеченно, или индивидуально, не относя ея къ современности. Потому опытъ и критика у нихъ не всегда бываютъ согласны съ теоріею. Германскій народъ мало развилъ въ себѣ жизнь общественную: онъ болѣе живетъ семейно и разрозненно. Такая жизнь, можетъ быть, особенно способствовала къ развитію его всеобъемлющей учености, которая впадаетъ иногда въ крайность отвлеченности. Отсюда-то проистекаетъ сей идеальный взглядъ Германцевъ на Словесность, образуя противоположность съ практическимъ взглядомъ Французовъ. Но здѣсь же источникъ и тому великому безпристрастію Германскому, тому умѣнію переселяться мыслію въ характеры иныхъ народовъ, которое дало Германцамъ исключительное право именоваться создателями истинной критики.

Изъ примѣра Нѣмцевъ мы видимъ, что свойственно всякому младшему народу, за другими идущему въ словесномъ образованіи, увлекаясь трудами своихъ предшественниковъ въ ономъ, покоряться ихъ вліянію, пока не разовьется свое самобытное стремленіе, пока не скажется своя мысль въ родномъ словѣ. Такъ мы безкорыстно занимаемся произведеніями Словесности всѣхъ предшествовавшихъ намъ народовъ, хотя и не имѣемъ, какъ Нѣмцы, досужаго на то количества ученыхъ. Уже и потому, что мы любимъ безотчетно заниматься словомъ иностраннымъ, уже и по этой простой причинѣ, слѣдуетъ намъ привести эти неправильныя занятія въ стройное ученіе, дать имъ строгую и полную форму науки. Но кромѣ сей съ перваго взгляда бросающейся причины, есть другія еще важнѣйшія. Наша Словесность, не смотря на недавнее свое существованіе, уже успѣла подвергнуться, прямо или посредственно, вліянію почти всѣхъ, ей предшествовавшихъ, такъ, что оцѣнить вполнѣ достоинство произведеній собственнаго слова и объяснить явленіе ихъ, со всѣми стихіями, въ нихъ вошедшими, мы не можемъ, безъ предварительнаго изученія Исторіи слова иноземнаго. Почему, напримѣръ, наша Поэзія началась съ Сатиры и Оды? Почему она сначала подверглась Французскому, потомъ Германскому вліянію? — Подобные вопросы и другіе не могутъ быть иначе рѣшены. Проходя Исторію своей Словесности со времени ея Европейскаго періода, мы безпрестанно должны обращаться къ Европѣ и тамъ искать причины явленій,

у насъ совершенно не имѣющихъ корня. Ибо ни одна Словесность, можетъ быть, въ такомъ маломъ объемѣ, не представляетъ такого сплетенія многоразличныхъ вліяній. — Сверхъ того, будущее направленіе нашей Словесности можетъ быть разумно обезпечено отъ подражательности, всегда ни къ чему не приводящей, отъ ложныхъ попытокъ системы, единственно однимъ мудрымъ и живымъ познаніемъ того, что наши предшественники до насъ дѣлали, познаніемъ, которое, одно, можетъ привести насъ къ безошибочному избранію и къ утвержденію нашего собственнаго образа мыслей въ общемъ дѣлѣ Словесности.

Не имѣя всѣхъ средствъ къ тому, чтобы самимъ собою непосредственно наблюдать произведенія слова у всѣхъ иноземныхъ народовъ, мы должны большею частію принимать на вѣру то, что̀ они намъ сообщаютъ о себѣ или о другихъ. Какъ прежде глазами Французовъ смотрѣли мы на произведенія словесныя, такъ нынѣ смотримъ на нихъ, по большей части, глазами Нѣмцевъ. Наше самобытное воззрѣніе послѣдуетъ тогда, когда мы, устранивъ посредниковъ, отказавшись отъ всякаго предварительнаго мнѣнія, или лучше, предубѣжденія, внушеннаго намъ нашими западными сосѣдями, обратимся прямо сами къ произведеніямъ слова и повѣримъ на дѣлѣ все то, что̀ намъ о нихъ было сказано и нами сначала принято на вѣру. Для такого подвига необходимо намъ богатое и живое изученіе языковъ иноземныхъ, какъ древ-

нихъ, такъ и новѣйшихъ, къ чему и природа дала намъ способности, и наше мѣстное положеніе предлагаетъ средства. Необходимо также отбросить ложную мысль, которая иногда беретъ господство надъ нашими трудами. Мы думаемъ, что всѣ факты уже собраны, что опытъ уже сдѣланъ — и спѣшимъ къ однимъ результатамъ, предполагаемъ неизвѣстное намъ извѣстнымъ. Это оптическій обманъ, въ который вводитъ насъ Европа: ибо мы часто живемъ ея жизнію и обольщаемся чужими пріобрѣтеніями. Да, опытъ сдѣланъ, но не нами, а наука требуетъ недовѣрія. Въ ней ничего нѣтъ вреднѣе какъ чужая опытность. Факты собраны, но мы должны перебрать ихъ, а не вѣрить на слово, для того, чтобы вѣрно и по своему оцѣнить ихъ. Подвигъ великій: пріобрѣтеніе своей опытности. Вотъ къ чему я призываю васъ, М.М. Г.Г! Намъ необходимы трудъ неутомимый, терпѣніе и мудрое безпристрастіе. При такихъ условіяхъ мы можемъ имѣть надежду со временемъ даже опередить нашихъ предшественниковъ: ибо владѣемъ бо́льшими чѣмъ они средствами и чуждаемся всякаго односторонняго направленія, чему они всѣ безъ исключенія подвержены. Въ ихъ ветхой опытности заключается, можетъ быть, и богатство ихъ и немощь; въ нашей молодой свѣжести — наша нищета и надежда.

Всякой изъ Западныхъ Европейскихъ народовъ, Словесностью которыхъ мы будемъ заниматься по преимуще-

ству, имѣетъ свою особенную физіогномію, свои особенныя нравственныя и физическія свойства, и живетъ своею особенною жизнію. Развивая въ этой жизни свою личность, свою индивидуальность, онъ живетъ для себя, но дѣйствуетъ для всего человѣчества. Всякая изъ сихъ націй есть лице въ общественной жизни Европы, и есть идея на общемъ собраніи человѣчества, идея, воплощенная самымъ Промысломъ для Его сокрытой цѣли. Всякая нація какъ лицо преходитъ; какъ идея — безсмертна. Греція и Римъ давно уже трупы; но идеи, въ нихъ олицетворенныя, живутъ во всемъ образованномъ человѣчествѣ.

Сія-то идея, подъ которою я разумѣю всю нравственную жизнь народа, взятую въ ея главномъ стремленіи, ни въ чемъ такъ сильно и такъ прочно не отпечатлѣвается, какъ въ его Словесности. И такъ, чтобы понять слово народа, мы должны постигнуть душу и жизнь его, должны вникнуть въ его направленіе, въ черты его нравственной физіогноміи, въ его характеръ, свойства физическія, климатныя, однимъ словомъ, во всѣ стихіи, изъ которыхъ творится его духовное, человѣческое бытіе. — Тогда только мы одушевимъ слово народа его же мыслію, и откроемъ ту точку зрѣнія, съ которой можно будетъ видѣть особенность его Словесности.

Чтобъ опредѣлить эту точку зрѣнія для нашего предмета, т. е. для Исторіи Словесности *новыхъ народовъ*

Западной Европы, переберемъ теперь тѣ страны оной, которыя суть главныя представительницы Европейскаго образованія; пройдемъ ихъ въ томъ же самомъ порядкѣ, въ какомъ онѣ слѣдовали одна за другою на поприщѣ Исторіи слова; постараемся означить главное направленіе каждой изъ сихъ странъ въ обще-европейскомъ образованіи, и потомъ посмотримъ, какимъ образомъ эта душа народа, эта главная мысль каждаго изъ нихъ выражалась въ произведеніяхъ его Словесности и особенно въ созданіяхъ Поэзіи. Этѣ страны будутъ Италія, Испанія, Англія, Франція и Германія. Всѣ онѣ, вышедъ одна за другою изъ колыбели среднихъ временъ, изъ этого хаотическаго, первобытнаго ихъ міра въ міръ новый, постепенно развивали, каждая свою индивидуальность и въ ней свое особенное человѣческое назначеніе. Каждая изъ нихъ вложила въ общую массу Европейскаго образованія свой собственный вкладъ. Всѣ онѣ суть жрицы, служащія Провидѣнію для Его цѣли, Провидѣнію, ими ведущему человѣковъ къ метѣ совершенства. Всѣ онѣ, въ своихъ произведеніяхъ слова, представили особыя, оригинальныя созданія, и эта ихъ особенность есть выраженіе ихъ собственной жизни, и тѣ изъ сихъ созданій истиннѣе, прекраснѣе, способнѣе дѣйствовать на все человѣчество, на которыхъ ихъ нравственная жизнь отпечатлѣлась полнѣе, многостороннѣе.

Италія, озаренная блескомъ красоты своей, предшествовала своимъ сестрамъ на пути образованія, и, бо-

гашая наслѣдсшвенною силою, вышла впереди ихъ, изъ шучнаго міра древносши. Въ ней исшлѣлъ эшопъ колоссальный, роскошный, великолѣпный шрупъ древняго Рима; эшошъ, по видѣнію пророка, чешвершый звѣрь, *страшный* и *крѣпкій*, кошорый, своими желѣзными зубами пожравши и скопивъ въ себѣ всѣ сокровища древняго міра, палъ подъ ударами варваровъ сѣвера и подъ гнешомъ своей собсшвенной чувсшвенносши. Въ Ишаліи же, въ сшѣнахъ Колоссея, гдѣ Римскій народъ упоялъ свою плошскую душу зрѣлищемъ крови человѣческой, въ сихъ же сшѣнахъ, оскверненныхъ прихошью общенароднаго развраша, возсіялъ Хрисшіанскій духъ въ первыхъ мученикахъ. Ихъ вопли за Хрисша скоро превращились въ шоржесшвенные гимны побѣдишельной Вѣры. На кровавыя игры Колоссея, учреждавшіяся въ чесшь боговъ ложныхъ, нисходилъ духъ Бога исшиннаго, и боролся съ Римскою плошью, и поборолъ ее. — Ишалія назначена была служишь Европейскою прекрасною колыбелью Богу, рожденному въ ясляхъ Виѳлеема. Съ Аппеннинскихъ хребшовъ сшашилась ша Божесшвенная вода крещенія, ша вода жизни, кошорая упишала всю дикую ниву Европы и угошовила на ней обильную жашву.

Безчисленные миссіонеры разнесли изъ Ишаліи благовѣсшіе Божіе по всѣмъ концамъ Европы. Ишаліи принадлежишъ *религіозное образованіе* западныхъ Европейскихъ народовъ. По удаленіи древняго Императорскаго пресшола изъ Рима въ Визаншію, въ Ишаліи воздвигся но-

вый тронъ духовный, новая власть, и около сего трона образовалась вся западная Церковь, какъ особенное царство, которое долго составлялось изъ своихъ стихій и развило свое полное самобытное существованіе только въ XI вѣкѣ, при Григоріи VII. Съ IV вѣка, во всѣ среднія времена Европы, Италія держала надъ Западомъ скипетръ духовной власти — и средоточіемъ ея собственной жизни и вмѣстѣ корнемъ жизни Европейской была жизнь *религіозная.*

Но въ Италіи, какъ я сказалъ уже, хранились остатки отъ *полмертвой роскоши* древняго міра, остатки отъ этого пира пресыщенной чувственности, пира, украшеннаго всѣми прелестями древней художественной жизни. Древность, кончивъ свое бытіе и погребши во тьмѣ вѣковъ всѣ ужасы, запечатлѣвшіе особенно послѣдніе вѣка ея кончины, древность отошла въ благопріятное для себя отдаленіе и явилась какимъ-то очаровательнымъ, чуднымъ призракомъ, безъ крови на себѣ, безъ яркаго слѣда чувственныхъ страстей своихъ, въ однихъ изящныхъ, дивно-высокихъ очертаніяхъ. Всѣ эти онѣмѣвшіе мраморные храмы съ чудесными колоннами и фризами; всѣ эти мраморные боги, обличенные во лжи истинною Вѣрою; всѣ эти форумы, безгласные скелеты жизни когда-то гремѣвшей; всѣ лики мужей обоготворенныхъ народомъ; эта громада Колоссея, сложенная по легкимъ очертаніямъ изящнаго циркуля; этотъ Пантеонъ, апоѳеоза всего древняго міра; всѣ эти мраморы, гробницы,

обелиски, колонны, статуи, водопроводы — наконецъ это слово роскошное, это слово, крѣпкое какъ мраморъ и обработанное рѣзцами столькихъ геніальныхъ поэтовъ: всѣ эти сокровища древняго міра, хранившіяся въ Италіи, не говорили ни сколько чувству религіозному, чувству совершенно новому, Христіанскому, небесному; но говорили другому чувству, чувству болѣе земному, но сладчайшему изо всѣхъ земныхъ чувствъ, чувству прекраснаго, и вызывали его на поприще творчества, на жизнь дѣятельную. Вмѣстѣ съ этимъ чувствомъ прекраснаго древность внушала новому народу Италіи и чувство патріотическое, національное, чувство жизни. Всѣ эти сокровища ея были стяжаніемъ ея высокихъ, славныхъ, дѣятельныхъ предковъ: на изящныхъ памятникахъ отпечатлѣвалась и блистательная жизнь ихъ, богатая подвигами, и это небо всегда равно прекрасное, и эта почва обильная мраморомъ, и эти очертанія изящной природы. Чувство прекраснаго и чувство національнаго, вызванныя долгимъ наблюденіемъ наслѣдія древности и слившіяся вмѣстѣ, захотѣли дѣйствовать, обратиться въ силу, возвратить, оживить эту мертвую древность во всемъ ея великолѣпіи. Но какое же было къ этому средство? Какимъ образомъ возможно было это возвращеніе? Жизнь одна и таже никогда не повторяется въ Исторіи человѣчества всегда новой, безконечно-разнообразной по тайному закону Провидѣнія. Италія часто покушалась возобновить древность въ своей жизни дѣйствительной; но ея усилія всегда оставались

безуспѣшны. Трупъ Коло ди Ріэнци, этого Антикварія и народнаго трибуна въ XIV вѣкѣ, трупъ, истерзанный народомъ у лѣстницы Капитолія, свидѣтельствовалъ безплодность сихъ покушеній въ среднемъ вѣкѣ. Буйныя Вакханаліи Рима въ концѣ прошлаго столѣтія свидѣтельствовали тоже самое. Міръ дѣйствительный Италіи не принималъ въ себя древней жизни: и такъ это возобновленіе древности могло только совершиться въ мірѣ идеальномъ. Когда человѣкъ, питающій въ себѣ какую нибудь мысль, не въ силахъ привести ее въ дѣйствіе: онъ даетъ ей форму искусственную, пишетъ Романъ, Трагедію, Поэму, и несбыточное въ жизни олицетворяетъ въ мірѣ фантазіи. Такова была Италія. Стремленіе возсоздать міръ древній нашло на истинный путь въ мірѣ художественномъ. Римская древность, плодъ дѣятельныхъ сыновъ Лаціума, образовала въ новомъ народѣ Италіянскомъ художника. Чувство прекраснаго и національнаго, воспитанныя ею въ семъ народѣ, образовали въ немъ силу *художественную*.

Это новое направленіе должно было согласиться съ начальнымъ, коренным направленіемъ Христіанской Италіи, т. е. *религіознымъ*. Сіе послѣднее, по праву старшинства своего, подчинило себѣ направленіе художественное. Это подчиненіе не было насильственное: Религія была жизнію — и потому дала свою душу искусству. Эта Религія была стихія совершенно новая, совершенно противная духу древности; но она имѣла въ себѣ

силу претворить эту древность въ новое, въ свое, Христіанское. Древность языческая принесла Религіи всѣ свои изящныя сокровища на служеніе Богу Вышнему — и молила упрочить бытіе ихъ высокимъ ея освященіемъ. Западная Католическая Религія благоволила принять сіи сокровища, и, посылая свои внушенія художникамъ, воспитаннымъ древностію, претворяла сіи дары въ храмы, статуи, картины, и украшалась изящнымъ великолѣпіемъ. — Но на этихъ украшеніяхъ не могли изгладиться слѣды чувственной древности, совершенно противные Христіанскому духу. Эти дары отзывались своимъ языческимъ происхожденіемъ, и древній паганизмъ могъ гордиться тѣмъ, что своею роскошью ослѣпилъ духовное око Религіи запада. Сія послѣдняя сначала позволила искусству служить себѣ, а потомъ уступила ему права свои. Западная Католическая Религія, въ первые вѣка нашей эры противодѣйствовавшая чувственности міра древняго, снова подчинилась его вліянію, когда онъ предсталъ ей въ новомъ прельстительномъ видѣ ея служителя-художника. Такимъ образомъ направленіе *религіозное* Италіи перешло въ *художественное*, которое съ одной стороны вывело ее изъ богословскаго уединеннаго созерцанія въ міръ прекрасной жизни, а съ другой, по несчастному закону крайности, ввело ее снова въ чувственность и въ послѣдствія оной: въ дремоту бездѣйствія, въ безсиліе изнѣженности, чему сама Италія дала имя *dolce far niente*.

Испанія съ перваго поверхностнаго взгляда, кажется, во многомъ сходится съ Италіею, въ ея религіозномъ и художественномъ направленіи, и будто бы служитъ ей дополненіемъ. Правда, что сіи оба направленія господствовали въ Испаніи; но если мы вникнемъ пристальнѣе въ ея физіогномію, то увидимъ, что она развила ихъ въ себѣ сторонами совершенно противоположными тѣмъ, какими Религія и искусство развиты были въ Италіи.

Испанія, вмѣстѣ съ Европейскою Германскою и Христіанскою стихіею, приняла въ себя стихію восточную, начало Магометанское. Арабскій міръ былъ тѣмъ же для Испаніи, чѣмъ языческій древній міръ былъ для Италіи. Отъ того-то все въ ней приняло совершенно иной характеръ.

Арабы, въ теченіе всей средней эпохи, были образователями Испаніи: — сначала, одолѣвъ ее силою тѣлесною, они долго господствовали надъ нею и своимъ образованіемъ. Такъ продолжалось до самыхъ временъ Изабеллы, которая, первая, обратила Испанію къ Европѣ и стала вводить въ свою страну все Европейское. Но не смотря на то, Арабскій духъ навсегда напечатлѣлся на нравственномъ характерѣ Испаніи. Арабы, воспитавшіе въ кочевой жизни свои физическія силы и созванные вдругъ словомъ Магометовымъ въ одну массу народа, быстро изъ Азіи черезъ Африку простерли свои завоеванія въ Европу до Пиренеевъ, гдѣ встрѣтили отпоръ новаго Европейскаго міра. Съ тою же быстротою завоевали

они и науки древности. Матеріальная религія, вооруженная мечемъ, дѣйствовала не такъ прочно для вѣковъ и для образованія человѣчества, какъ Религія духовная, вооруженная словомъ; но дѣйствовала быстрѣе. Она-то сообщила Арабамъ этотъ духъ силы дѣятельной и вмѣстѣ духъ крайности, чрезмѣрности, преувеличенія во всемъ, этотъ духъ быстраго дѣйствія, позволяющаго себѣ всѣ средства, этотъ полетъ коня Арабскаго по степямъ Аравіи и Африки. Сей-то духъ, сей-то внутренній толчокъ Арабы передали Испанцамъ. Въ этомъ заключалось начало Магометанское, принятое Испаніею.

Христіанская Религія, заключающая въ себѣ начало самое мирное, дѣйствующая однимъ словомъ и крестомъ, въ Испаніи обращалась въ фанатизмъ религіозный, въ крайность изступленія. Въ Италіи, Религія имѣла всегда болѣе практическое и художественное направленіе. Италія во всемъ любила умѣренность, средину; Испанія все преувеличивала. Истина сего замѣчанія очевидна въ характерѣ монашескихъ Орденовъ, вышедшихъ изъ той и изъ другой стороны. Доминикъ, основатель Ордена Доминиканцевъ - проповѣдниковъ и учредитель Инквизиціи, былъ сынъ Испаніи. Изъ нея вышли всѣ ужасы этого тайнаго судилища, которое съ такою богохульною дерзостію похищало наименованіе *святаго*. Въ Испаніи запылали костры ея, auto-da-fé, — и Религія Христіанская дѣйствовала не водою оживляющею, а огнемъ мертвящимъ. Современникъ Доминика и другъ его, Фран-

цискъ, учредитель Ордена нищеты и трудолюбія, былъ сынъ Италія. Въ его средствахъ поддержать Католическую Церковь вы видите начало, совершенно противоположное Доминикову: примѣръ безпорочной жизни, отрекшейся отъ всего земнаго. Въ то самое время, какъ Доминикъ возбуждалъ Крестовый походъ противъ секты Албійцевъ и проливалъ кровь Христіанъ, отпадшихъ отъ Западной Церкви, въ то самое время смиренный Францискъ дѣйствовалъ простою проповѣдью, духовными гимнами, примѣромъ житейскимъ, воспринятіемъ на себя ранъ Христовыхъ. Изъ Испаніи вышелъ этотъ дворянинъ Бискайскій, этотъ современникъ Лютера и его противодѣйствіе, создатель того страшнаго Ордена, который своею невидимою сѣтью опуталъ всю Европу и есть тайная пружина большей части ея событій въ XVI и XVII вѣкѣ. Въ Испаніи же только могла явиться эта шестнадцатилѣтняя дѣвушка, которая, начитавшись легендъ, плѣнилась страданіями первыхъ Мучениковъ и побѣжала къ Маврамъ, чтобы принять отъ нихъ страданія за Христа, — эта вдохновенная Тереза. Всѣ Ордена въ Испаніи имѣли болѣе политико-фанатическое направленіе; въ Италіи напротивъ житейское, практическое. Таковъ особенно Орденъ *униженныхъ*, принесшій великую пользу промышленности Италіянской, и другіе, которыхъ назначеніе было всегда воспитаніе юношества, вспомоществованіе бѣднымъ, сиротамъ, призрѣніе больныхъ и тому подобное.

Испанія, одна изъ Христіанскихъ державъ, войною дѣйствовала за Христа, если исключимъ войны Карла Великаго противъ Саксонцевъ, имѣвшія особенныя свои причины. Она, одна, употребляла орудіе Магомета, мечъ, на распространеніе той Вѣры, которой завѣтное слово есть миръ и любовь. Какъ кроваво разыгрался ея религіозный фанатизмъ въ Америкѣ! Какъ оскверненъ былъ ею святой подвигъ Колумба! Какъ дикое некрещенное человѣчество, въ лицѣ Монтезумы, торжествовало надъ образованными Христіанами!

Духъ рыцарства, имѣвшій источникомъ начало Германское, ни въ какой странѣ Европы не достигалъ такой крайности, какъ въ Испаніи. Я уже не говорю объ Италіи, гдѣ онъ никогда не господствовалъ сильно. Въ Испаніи онъ сочетался съ этою стихіею Востока, которая все возводила въ степень, все преувеличивала, всему придавала свою матеріальную силу. Въ Испаніи рыцарство, какъ и Религія, перешло въ свой фанатизмъ. Кастилланская честь сдѣлалась притчею всѣхъ народовъ западной Европы. Это чувство чести перешло впослѣдствіи въ чувство аристократическое и въ чувство народной гордости. Испанія образовалась подъ преимуществомъ аристократическаго начала; Италія напротивъ подъ преимуществомъ плебейскаго. Вотъ почему сія послѣдняя никогда не могла сосредоточиться, тогда какъ Испанія слилась воедино и образовала такую сильную политическую державу.

Художественное направленіе Испаніи получило также свою особенность отъ Арабскаго начала. Когда мы будемъ примѣнять черты нравственной физіогноміи каждаго изъ главныхъ Европейскихъ народовъ къ ихъ Словесности, мы увидимъ, какъ фантазія Испанцевъ отличается тѣмъ же преувеличеніемъ, какъ и восточная, и не имѣетъ нисколько той идеальности, той гармоніи, того размѣра стройнаго, какіе характеризуютъ фантазію Италіянцевъ. Это особенно видно въ Архитектурѣ и Поэзіи Испанцевъ: ибо въ Живописи они не могли имѣть учителями Арабовъ, вовсе не живописцевъ, и потому должны были слѣдовать Италіянскимъ образцамъ. Но Живопись за то образовалась у нихъ гораздо позднѣе, т. е. тогда, когда уже Европейская стихія стала болѣе и болѣе входить въ Испанію и подавлять Арабскую.

Художественное направленіе въ Италіи подъ конецъ показало корень своего языческаго происхожденія, ввело се въ чувственность, обезсилило, изнѣжило. Въ Испаніи этого мы нисколько не видимъ: ибо въ Испаніи оно имѣло другой корень — Маврское сильное начало. Въ Испаніи искусство возбуждало своими порывами къ дѣятельности; оно сильно вызывало всѣ чувства жизни, всѣ страсти. Оно питало силы народа, оно поддерживало его фанатизмъ.

Такимъ образомъ ясно, что всѣ Европейскія стихіи въ Испаніи сочетались съ стихіею восточною и образовали какой-то особый міръ, преувеличенный, міръ возве-

денный въ степень, міръ фанатизма, міръ огненный. Такъ и *религіозно-художественное* направленіе, которымъ Испанія имѣетъ сходство съ Италіею, получило совершенно иной характеръ, по свойству того начала, съ которымъ оно сочеталось.

Народы южныхъ странъ Западной Европы, богато надѣленные дарами отъ природы, любятъ только украшать жизнь свою. Имъ досугъ предаваться и религіознымъ созерцаніямъ и художественной дѣятельности. Мало требуется отъ нихъ труда на удовлетвореніе нуждъ и потребностей. Не такъ счастливы народы Сѣвера, вскормленные подъ туманами и снѣгами, эти сыны нужды и труда, эти пасынки суровой природы.

Взглянемъ теперь на *Англію*, — и мы увидимъ истину этого замѣчанія. Между тѣмъ какъ досужій Италіянецъ, этотъ баловень природы, два раза въ году получающій отъ нея жатву — въ своихъ каштановыхъ и оливныхъ лѣсахъ, въ своихъ лимонныхъ и апельсинныхъ рощахъ, въ своихъ виноградныхъ садахъ, могъ всею душою, свободною отъ земныхъ заботъ, предаваться искусству, о чемъ долженъ былъ думать Англичанинъ — на своей почвѣ, обиженной природою, въ своихъ лѣсахъ безплодныхъ, на землѣ, со всѣхъ сторонъ одѣтой моремъ? На этомъ бѣдномъ сынѣ Албіона сбылась самая простая, но премудрая истина: нужда есть первая наставница человѣка. Обведите кучу муравьевъ маленькимъ рвомъ, наполните его водою, проложите маленькій мостикъ: увидите, какъ

догадливые и смышленные муравьи найдутъ тотчасъ сообщеніе съ твердою землею. Вотъ въ природѣ символъ Англіи, этого чуднаго острова, этого, по выраженію Шекспира, *драгоцѣннаго камня въ серебряной оправѣ океана*, откуда возсіяла вся эта Европейская живая промышленность и торговля. Англія не имѣла у себя богатаго наслѣдія преданій, опытовъ и произведеній отъ древности. И природа, и предки ее одѣлили. Бѣдность даровъ природы, нужда должна была вызвать умъ не на отвлеченную, не на идеальную, а на вещественную дѣятельность. Предпріимчивый и изобрѣтательный духъ Норманновъ, слившійся съ прочнымъ, степеннымъ, трудолюбивымъ духомъ Англо-Саксовъ, взлелѣянныхъ также безплодными лѣсами Германіи, соотвѣтствовалъ этому вызову. Въ борьбѣ этихъ двухъ противуположныхъ между собою народовъ, столь долго продолжавшейся, выработался нравственный характеръ Англійскаго народа. Капиталисты Норманны, цари моря въ среднихъ вѣкахъ, ввели въ Англію торговлю и аристократію; бѣдняки Англо-Саксы, удручаемые Норманнами, дѣломъ рукъ создали промышленность. Въ этихъ двухъ народахъ олицетворены двѣ стихіи Англійской жизни.

То, что Италія въ миніатюрѣ видѣла у себя въ Венеціи, находившейся въ томъ же положеніи относительно къ прочимъ землямъ Италіи, какъ Англія — то совершилось въ сей послѣдней, въ большемъ, Европейскомъ размѣрѣ. Англичанинъ, по необходимости, долженъ былъ ско-

рѣе своихъ Европейскихъ товарищей удобрить землю, промыслить торговлю, превратить ладію въ оснащенный корабль, завести поселенія, пріобрѣсти себѣ магазины въ другихъ странахъ, превзойти богачей своихъ братьевъ дѣломъ рукъ, выдумать машины, растворить пары, окрылить ими корабли и проч. Сія-то вещественная жизнь Англіи образовала въ ней ту силу *промышленную*, которая всѣ силы физическія и нравственныя, всѣ дары природы и изысканія науки обращаетъ на житейскую пользу, на обогащеніе способовъ жизни, и дѣлаетъ изъ Англіи государство промышленно - торговое. И сія - то промышленная сила была великимъ источникомъ того *практическаго смысла* Англичанъ, который проникъ во всю духовную жизнь сего народа; который добирается до всего ощупью, путемъ зрячаго опыта; который въ лицѣ Бакона вѣритъ однимъ только пяти чувствамъ; который на политическомъ поприщѣ, въ лицѣ Питта, дѣйствуетъ съ медленною осторожностію, вопрошая опыты жизни; который подчиняетъ свободную фантазію поэта строгому изученію Исторіи и жизни въ ихъ подробностяхъ.

Англія не имѣла у себя поэтической древности, которая могла бы возбудить въ ней идеальное созерцаніе. Художественная дѣятельность въ ней не процвѣтала. Потому и Религія въ Англіи никогда не сочетавалась съ искусствами, всегда чуждалась ихъ, не обращалась также въ отвлеченный мистицизмъ, какъ въ Германіи, а со-

единясь съ главнымъ направленіемъ Англійскаго народа, получила практическое, житейское примѣненіе, перешла въ строгій пуританизмъ, въ положительное исполненіе на дѣлѣ словъ Священнаго Писанія. Такимъ образомъ Религія вошла непосредственно въ нравственность народа, сдѣлалась обычаемъ житейскимъ. Наука въ Англіи никогда не восходила до отвлеченныхъ, идеальныхъ началъ, а шла путемъ опыта и вела всегда къ практикѣ. Воспитаніе дѣтей, особенно физическое, процвѣтающее всегда тамъ, гдѣ жизнь опытна и дѣльна, достигло въ Англіи совершенства. Однимъ словомъ, всѣ вѣтви человѣческой жизни въ Англійскомъ народѣ свидѣтельствуютъ это *практическое, промышленное* его направленіе, составляющее главную черту его нравственной физіогноміи.

Германія, воспитанная въ дикихъ и туманныхъ лѣсахъ своихъ, еще въ первоначальной своей жизни, по древнему сказанію Тацита, не любила заключать величества боговъ своихъ въ образы человѣческіе, не хотѣла ограничивать неизмѣримое стѣнами; но освящая лѣса свои, именовала божествомъ, ихъ *отвлеченный*, таинственный ужасъ, и созерцала его единымъ внутреннимъ благоговѣніемъ духа. Какъ оправдался этотъ краткій, но рѣзкій намѣкъ великаго сказателя, зрѣвшаго одинъ только малый зародышъ той идеальной жизни, которую въ новомъ мірѣ такъ богато раскрыла Германія!

Въ ея лѣсахъ, еще въ первобытной жизни ея разбросанныхъ племенъ, одушевленныхъ самороднымъ чувствомъ

личной независимости, заключался зародышъ того феодализма, который въ среднемъ вѣкѣ покрылъ своими зймками и разъединилъ всю Европу. Удивительно, что и въ настоящемъ бытѣ своемъ, развивши уже въ такой полнотѣ свое Европейское назначенiе, Германiя, передъ всѣми странами Европы преимущественно, сохранила живыя черты того феодализма, который зачала въ себѣ. Эта разрозненность ея, которую замѣтилъ еще Тацитъ, характеризуетъ ее и теперь. Феодальная и семейная жизнь Германцевъ препятствовала всегда ихъ общественному соединенiю въ одну крѣпкую массу, развитiю ихъ жизни политической; но устремляла ихъ болѣе къ жизни внутренней, сосредоточенной въ себѣ, однимъ словомъ, къ жизни умственной.

Сначала, въ религiозномъ и ученомъ своемъ образованiи, Германiя послѣдовала за старшею своею сестрою. Религiя сочеталась въ ней сперва съ художествомъ; но сiе послѣднее образовалось не изъ Италiянскаго начала, а изъ Византiйскаго, и потомъ изъ самороднаго начала Германiи. Она не имѣла у себя языческой древности: потому искусство въ ней не могло перейти въ крайность чувственности, какъ въ Италiи; оно имѣло источникъ болѣе чистый—простую природу; оно было въ должныхъ границахъ передъ Религiей; но когда сiя послѣдняя свергла съ себя оковы католическiя, вмѣстѣ съ тѣмъ она отринула даже и тѣ формы, которыя Германское искусство заимствовало изъ своей природы.

Изученіе древнихъ изъ Италіи перешло въ Германію; но имѣло на нее совершенно противоположное вліяніе и привело ее къ совершенно другимъ послѣдствіямъ—къ раздору съ своею учительницею. Въ то самое время, какъ древность, плѣняя своими изящными формами художественный умъ Италіи, увлекала Католическую Религію на югѣ въ оковы чувственности; возвращала Италію болѣе и болѣе къ давно-истлѣвшему ея язычеству; отучала даже отъ народнаго языка:—въ то самое время, эта же древность совершенно другою стихіею дѣйствовала на Германію: она дѣйствовала на нее своимъ духомъ, духомъ свободнымъ. Греческая Словесность, еще въ древнемъ мірѣ давшая первый неудержный толчокъ Европейскому и слѣдовательно человѣческому образованію, въ новомъ мірѣ Европы оказала туже самую услугу. Она пробудила умъ Германскій и дала ему смѣлость начать борьбу съ этою мертвою, догматическою схоластикою среднихъ вѣковъ, которою Арабы, комментаторы Аристотеля, опутали всю Европу. Греческая Словесность, заключавшая въ себѣ зародышъ человѣческаго совершенствованія, заслужила потому названіе *науки*, по преимуществу *человѣческой* (гуманизма). Гуманизмъ пришелъ въ раздоръ со Схоластикою. Подвижники перваго были Германскіе Филологи; защитники второй — католическіе духовные, ибо на Схоластикѣ утверждалось догматическое ученіе Западной Церкви. Скоро ученый споръ перешелъ въ религіозный. Филологія въ Гер-

маніи была зарею Протестанскаго ученія. Іоаннъ Рейхлинъ былъ предшественникомъ Мартина Лютера.

Такимъ образомъ Протестантское ученіе въ Германіи было чадомъ науки. Университеты отошли отъ монастырей. Религія приняла въ себя раціональное начало. Характеръ догма основнаго, утвержденнаго, который отличаетъ католическое ученіе, былъ сокрушенъ протестантизмомъ. Протестанское ученіе, плодъ науки, въ свою очередь сдѣлалось ея корнемъ въ Германіи, когда, послѣ долгой кровавой борьбы, оно утвердило свое политическое бытіе.

Германцы всегда стремились къ тому тайному отвлеченному началу, которое еще ихъ предки религіознымъ чувствомъ предощущали въ дикихъ лѣсахъ своихъ, исполненныхъ ужаса. Германцы, въ этомъ постоянномъ стремленіи, освободили мысль отъ всякихъ оковъ и создали эту самобытную, эту отвлеченную, эту полную *Науку*, независимую отъ жизни, въ себѣ самой содержащую и основаніе и цѣль свою, эту науку, размежеванную какъ обширное и стройное царство, но которая однако начинаетъ теперь въ главныхъ мыслителяхъ снова склоняться къ Религіи и чувствуетъ всю тяжесть своего одинокаго существованія въ пространствахъ воздушныхъ, всю тяжесть своего излишняго возвышенія надъ землею. Сіе-то *ученое* направленіе Германіи образовало изъ сей страны одинъ огромный Университетъ, снабженный безчисленными библіотеками—одинъ всеобъемлю-

щій міръ учености, воздвигнутый дивными трудами среди Европы, отколѣ, мысль человѣческая свободно возносится къ небеснымъ началамъ всякаго знанія.

Пока Россія еще не входила въ Европейское семейство Государствъ, не Германія, а *Франція* занимала средину на западѣ Европы. По своему мѣстному положенію, она призвана была служить какимъ-то средоточіемъ въ духовномъ образованіи странъ западной Европы, и къ ней въ самомъ дѣлѣ примыкали и тяготѣли всѣ онѣ, какъ будто къ магниту. Еще Карлъ Великій далъ Франціи это мѣсто, когда своею державною силою сшивалъ на живую нитку всю эту разностихійную Европу, которая послѣ его смерти такъ скоро распилась и образовала этотъ разрозненный, феодальный міръ, еще до Карла въ ней созрѣвшій. Франція, бывшая узломъ дѣйствій Карла, и впослѣдствіи не измѣнила своему мѣсту, ей назначенному великимъ геніемъ. Еще Карлъ призывалъ въ нее ученыхъ Англіи и Италіи для водворенія первоначальнаго религіознаго образованія въ грубомъ ея народѣ. Алкуинъ съ береговъ Британіи принесъ въ нее свой богословско-практическій умъ и былъ первымъ ея учителемъ. Діаконъ Павелъ, Петръ Пизанскій, сыны Италіи, были также призваны въ нее Карломъ. Сильнымъ магнитомъ общественной жизни, Франція и впослѣдствіи привлекала къ себѣ первѣйшихъ ученыхъ Европы, и Парижъ рано сдѣлался столицею католическаго богословія на Западѣ.

Чувство личной независимости, зародышъ Европейскаго феодализма, рано сочеталось во Франціи съ чувствомъ *общественности*. Въ то самое время, какъ въ Германіи феодализмъ развивалъ болѣе семейную жизнь и разрознивалъ народы—въ то самое время, на югѣ Франціи, Провансъ изъ своихъ феодальныхъ замковъ развивалъ жизнь общественную. Провансъ былъ средоточіемъ этой жизни для всего юга Европы, для Италіи и Испаніи. Изъ его-то открытыхъ замковъ, при сильномъ вліяніи Дворовъ, вышла эта веселая, свѣтская, общественная жизнь, этотъ изящный міръ рыцарства, поэзіи и трубадуровъ. Здѣсь явились эти блистательныя судилища любви, гдѣ поэзія украшала жизнь и отъ нея требовала наградъ своихъ. Во Франціи созданы и подведены подъ законы эти великолѣпные турниры, этотъ блистательный зародышъ нашихъ безцвѣтныхъ собраній и съѣздовъ, эти турниры, гдѣ рыцарство Французское развило законы общежитія, гдѣ женщины вошли впервые въ свои общественныя права и украсили своимъ очаровательнымъ присутствіемъ одинокую жизнь нашего пола. Однимъ словомъ, во Франціи образовалась вся эта общественная жизнь среднихъ вѣковъ, которая изъ нея впослѣдствіи перешла во всѣ страны. Одушевясь этою роскошною, изящною жизнію, заиграла и любовная Провансальская лира, столь звучная, столь богатая мелодіею, эта лира трубадуровъ, которая дала первый строй и величавой лирѣ Италіи, и огненной лирѣ Испаніи; которая черезъ сѣверъ Франціи имѣла вліяніе и на суровую Англію, и

проникла своими звуками въ крѣпкіе за̀мки Германіи. Провансальскій языкъ, всѣхъ болѣе близкій къ первоначальному общему языку средней Европы, къ языку Романскому, былъ въ среднія времена общественнымъ языкомъ народовъ Запада, какъ теперь языкъ Французскій. Трубадуры съ своими пѣснями разнесли его повсюду.

Когда Франція, собравшись во-едино, образовалась монархически при Людовикѣ XI, тогда общественная жизнь ея блистательнѣе развилась около пышнаго Двора Франциска I. Своего полнаго цвѣта достигла эта придворно-общественная жизнь при Людовикѣ XIV; Дворъ его былъ общество Франціи—и эта общественная сила, въ которой сливались во-едино и народъ и Король, достигла такого могучаго вліянія на Европу, что общество Франціи сдѣлалось обществомъ всей Европы. Тогда-то наложила она на всѣ страны Европейскія и свой языкъ, и свою Словесность, и формы своей дипломаціи, и формы своей свѣтской жизни.

Во всѣхъ періодахъ исторіи Франціи мы видимъ, что народъ Французскій преимущественно развивалъ въ своей жизни *общественное* направленіе и создалъ *общежительность* новаго міра Европы. Всѣ прочія нравственныя силы во Франціи служили всегда жизни общественной и политической. Франція несетъ на себѣ то неизгладимое пятно, что она первая употребила западную Религію для своихъ политическихъ видовъ, и при Филиппѣ IV

сдѣлала изъ католической Церкви всего Запада свой приходъ въ Авиньонѣ.—Наука и Словесность во Франціи никогда не дѣйствовали свободно, а всегда служили для цѣлей общественной жизни, и какъ часто истина и красота нарушались для этихъ цѣлей!—И теперь во Франціи трибуна всегда въ раздорѣ съ каѳедрою; ученые мужи безпрестанно отвлечены отъ науки обществомъ и политикою; поэты—рабскіе услужники современнаго вкуса, испорченнаго развратомъ и пресыщеніемъ.

Это *общественное* направленіе Французскаго народа основано на глубокомъ чувствѣ его національнаго эгоизма. Во Французѣ общее чувство человѣка слито тѣсно съ чувствомъ его народнымъ: другими словами, человѣкъ и Французъ въ немъ слились во-едино: Франція есть идеалъ для Француза. Всякой изъ ея гражданъ увѣренъ, что будто человѣчество тогда только будетъ совершенно, когда пройдетъ черезъ Францію. Всякой изъ Французовъ не иначе и понимаетъ человѣчество, какъ черезъ призму своей Франціи.

Этотъ эгоизмъ національный, слитый съ чувствомъ человѣчества, сжимаетъ народъ Французскій въ одну крѣпкую массу и образуетъ въ немъ силу твердую. Но въ этомъ же чувствѣ эгоизма Французскаго заключается и чувство исключительности, односторонности, чувство оскорбительное для всѣхъ другихъ націй, чувство враждебное человѣческому совершенствованію. Хотя

Французскіе ученые и увѣряютъ, что Франція уже отказалась отъ своей исключительности, что она теперь охотно воспріемлетъ въ себя все, приготовленное другими народами; но въ этихъ увѣреніяхъ кроется та мысль, что всѣ труды другихъ народовъ тогда сдѣлаются общимъ человѣческимъ достояніемъ, когда пройдутъ черезъ руки Франціи. Голосъ этихъ ученыхъ космополитовъ Франціи не есть еще голосъ народа, а голосъ нѣсколькихъ лицъ. Они думаютъ, что Франція назначена къ тому, чтобы въ одной себѣ соединить всѣ плоды Европы; но ея собственное исключительно *общественное* направленіе съ одной стороны, съ другой же крайность эгоизма національнаго всегда будутъ препятствіемъ этому соединенію.

И давно ли Франція, подвигнутая исполиномъ, рожденнымъ на огненной землѣ юга, хотѣла наложить иго своей національности на всѣ народы и превратить весь міръ человѣчества въ себя? Но какая страна, своими снѣгами и своимъ оружіемъ, охладила и пресѣкла это стремленіе, и, младшая изъ всѣхъ, была всѣхъ великодушнѣе и избрала девизомъ: *всякому свое*?

Плоды Европейскаго образованія можетъ соединить въ себѣ разумнымъ избраніемъ только страна свѣжая, молодая, сильная, такая страна, которая мало участвовала въ жизни Европейской и слѣдовательно не вынесла съ собою никакихъ пристрастій, не приняла никакого односторонняго направленія. Эта страна близка намъ!

Мы видѣли, какимъ образомъ каждая изъ главныхъ странъ Европы, которыя подлежатъ моему изслѣдованію, развили въ жизни свое особенное направленіе и какъ изъ него опредѣляется нравственная физіогномія каждой. Это направленіе, сказалъ я, ни въ чемъ такъ не отпечатлѣвается, какъ въ произведеніяхъ слова, которое есть выразитель духа. Разсмотримъ, какимъ же образомъ эта мысль каждаго изъ Европейскихъ народовъ выражалась въ его словѣ.

ЧТЕНІЕ ВТОРОЕ

(Вступительное).

ХАРАКТЕРИСТИКА ОБРАЗОВАНІЯ ГЛАВНЫХЪ НАРОДОВЪ НОВОЙ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ.

Повтореніе вкратцѣ предъидущаго.—Дополнительныя замѣчанія о другихъ народахъ. — Европейскій эклектизмъ и препятствіе къ оному.—Обращеніе къ предмету.—Оправданіе.— Общая черта новой Словесности въ отличіе отъ древней.— Самородное начало Европейской Словесности. — *Италія.* — Религіозное направленіе ея первоначальной Поэзіи. — Лиро-символическій Эпосъ — Типы лирическіе и Новелла. — Романтическій Эпосъ. — Упадокъ. — Лирическая Драма. — Возобновленіе. — Главный характеръ Поэзіи Италіянской.— Фантазія Италіянская.— Формы Поэзіи. — Характеръ языка.— *Испанія.*— Романсъ.— Рыцарскій Романъ.— Романъ-Пародія. — Драма-Легенда. — Выраженіе Испанской Поэзіи. — *Англія.* — Баллада.— Образованіе языка.— Драма-Лѣтопись.— Дидактическая и Описательная Поэмы.— Романъ Практическій.—Романъ Историческій.—Фантазія Англіи.—Характеристика выраженія. — Связь Поэзіи съ общественною жизнію во *Франціи.* — Откуда объясняется современное состояніе Французской Поэзіи?—Свойства Словесности Французской: даръ разсказа и желаніе дѣйствовать. —Сказки.— Записки.— Журналы.— Аллегорическое и поучительное направленіе Французской Поэзіи средняго вѣка.— Комическое есть самородное произведеніе Франція. — Застольная пѣсня. — Характеръ Драмы.— Вліяніе Словесности Французской на Европу. — Противодѣйствіе *Германіи.* — Лессингъ. — Значеніе критики въ Германіи. — Характеръ Словесности Германской.

Въ прошедшій разъ мы видѣли, какимъ образомъ всякой изъ главныхъ народовъ Европы въ своей жизни раз-

вивалъ свое собственное назначеніе, ознаменовавъ всѣ стихіи оной печатью особеннаго направленія. — Составимъ теперь краткій результатъ нашей бесѣды. *Италія*, предшественница другихъ странъ, раскрыла сначала *религіозную* жизнь, а потомъ, по вліянію своей древности, жизнь *художественную*, во всемъ ея великолѣпіи. — *Испанія* согласовалась съ Италіею въ главномъ ея направленіи; но сочетавши въ себѣ всѣ новыя Европейскія стихіи не съ древнею, а съ Арабскою стихіею, съ Магометанскимъ матеріальнымъ началомъ, образовала на концѣ запада міръ совершенно особый, какую-то смѣсь Европы съ Востокомъ, гдѣ все Европейское преувеличивалось, гдѣ Религія духовная перешла въ фанатизмъ Магометанскій. — *Англія* на сѣверѣ, обиженная природою, въ долгой борьбѣ богачей и моряковъ Норманновъ съ бѣдными и трудолюбивыми Англо-Саксами, образовала *промышленно-практическое* направленіе. — *Германія*, еще въ дикихъ лѣсахъ своихъ искавшая отвлеченнаго начала, при содѣйствіи разрозненной феодальной семейной жизни, которая въ ней зачалась, изъ нея вышла въ Европу и теперь даже характеризуетъ сію страну, при свѣтѣ Греческой древности, свободною мыслію, расторгла оковы Схоластики среднихъ вѣковъ, отрѣшилась отъ католицизма, создала *Науку* и развила преимущественно *ученое* направленіе. — *Франція*, въ среднія времена занимавшая тоже мѣсто, какое занимаетъ теперь Германія, т. е. средину Европы, по своему мѣстному положенію, и по направленію, данному ей еще Карломъ Великимъ,

была средоточіемъ жизни Европейской, и изъ стихій феодализма образовала общественную жизнь среднихъ вѣковъ, которая потомъ при Дворѣ Людовика XIV раскрылась еще блистательнѣе и сдѣлалась общественною жизнію цѣлой Европы.

Такимъ образомъ Искусство, Наука, Общество и Промышленность, эти четыре главныя и необходимыя явленія человѣческаго бытія, олицетворяются для насъ въ Европейской жизни народовъ. Этотъ мертвый оставъ, созданный Германскимъ Любомудріемъ, оставъ всего духовнаго человѣка, воплотится передъ нами, оживетъ, когда мы будемъ его созерцать въ главныхъ народахъ-образователяхъ запада Европы. Такимъ образомъ отвлеченная идея пріемлетъ живое лицо народа; мертвая наука переходитъ въ жизнь, въ Исторію.

Но не думайте, чтобы такъ легко было уловить это главное направленіе, эту единую мысль, эту душу народа во всѣхъ дѣйствіяхъ его жизни; чтобы такъ свободно можно было подвести подъ одинъ общій итогъ всѣ плоды его разнообразной духовной дѣятельности. Чѣмъ болѣе вы станете вникать въ каждый изъ главныхъ Европейскихъ народовъ отдѣльно, — тѣмъ болѣе будете находить разногласія, тѣмъ болѣе замѣтите оттѣнковъ, до безконечности разнообразныхъ. Вы сначала потеряете совершенно изъ рукъ эту нить, которую захотите провести сквозь лабиринтъ всей его жизни, всѣхъ стихій, въ нее вошедшихъ. Всякой народъ заключаетъ въ

себѣ еще столько малыхъ народцевъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ опять свою особенную черту физіогноміи, препятствующую вамъ слить его нераздѣльно съ цѣлымъ. Западъ Европы, въ особенности, отличается этимъ безконечнымъ разнообразіемъ передъ прочими частями свѣта. Въ такомъ маломъ объемѣ, подъ общею одеждою, подъ общими формами жизни Европейской, онъ представляетъ неуловимо-разнообразныя черты нравственной физіогноміи народовъ. Таковъ бываетъ всегда характеръ образованія, вполнѣ развитаго всѣми своими сторонами.

Означая духовную характеристику каждой изъ главныхъ Европейскихъ націй, я не упомянулъ о многихъ другихъ народахъ; но они по большей части составляютъ или дополненіе къ главнымъ Европейскимъ народамъ, или счастливое сліяніе ихъ качествъ. Такъ, напримѣръ, Португальцы имѣютъ большое сходство съ Испанцами. Сначала, они и составляли часть сего народа. Но впослѣдствіи, почувствовавъ въ себѣ силу и самобытность, отдѣлились отъ Испанцевъ и смѣлыми подвигами на морѣ, предпріимчивостью, также одушевленною религіознымъ фанатизмомъ, ознаменовали свое бытіе въ Европѣ. Швейцарцы соединяютъ въ себѣ частію Французовъ, частію Нѣмцевъ, частію Италіянцевъ. Но всѣ этѣ стихіи приняли въ Швейцаріи особый характеръ по физическимъ свойствамъ ихъ страны. Нигдѣ климатъ и природа не производили такого сильнаго нравственнаго вліянія на человѣка, какъ въ Швейцаріи; нигдѣ Монтескье, побор-

никъ климатнаго вліянія, такъ не оправдывается, какъ на примѣрѣ Швейцаріи. Федеральное ея образованіе было слѣдствіемъ ея мѣстности; ея независимость есть плодъ, воспитанный ея снѣжными и ледяными горами. — Голландцы на сѣверѣ соединяютъ въ себѣ промышленное торговое начало Англичанъ съ ученымъ направленіемъ Нѣмцевъ. — Датчане, по своему образованію, по своей Словесности, служатъ дополненіемъ Германцевъ. — Шведы, хранящіе въ себѣ чистую Скандинавскую стихію, еще не совсѣмъ разгаданную въ наше время и составляющую предметъ изслѣдованія многихъ современныхъ ученыхъ, отдѣляются отъ Германскаго народа своимъ собственнымъ характеромъ, не смотря на свойство ихъ племенъ. Хладный и скудный дарами природы сѣверъ всегда воспитывалъ въ народахъ вещественныя силы, всегда возбуждалъ въ нихъ предпріимчивый духъ и тѣмъ развивалъ промышленное и практическое ихъ направленіе. Напримѣръ, сѣверная Германія была всегда промышленнѣе, чѣмъ южная, какъ и сѣверная Франція въ сравненіи съ Франціею южною. Симъ-то практическимъ направленіемъ отличаются и Шведы въ своей умственной дѣятельности отъ Германцевъ. Естественныя науки имѣли у нихъ столь великихъ эмпирическихъ изслѣдователей, какъ-то Линней, Берцеліусъ и Фризъ, тогда какъ въ Германіи онѣ подчинялись болѣе умозрѣнію.

Я не говорю о Славянскихъ народахъ, ибо ихъ Литература не имѣла самобытнаго дѣйствія на западѣ Евро-

пы, а напротивъ подчинялась влїянїю Европейской. — Упомяну только о нѣкоторыхъ пограничныхъ народахъ, кои представляютъ большею частїю счастливое слїянїе качествъ двухъ нацїй, слїянїе, особенно выгодное для частныхъ лицъ въ современномъ эклектическомъ образованїи Европы. Такъ, напримѣръ, въ Италїи, съ одной стороны, Пїемонтцы соединяютъ Италїянское съ Французскимъ и болѣе отличаются общественною и промышленною дѣятельностью, чѣмъ прочїе Италїянцы; съ другой стороны, Миланцы роднятъ Италїянское съ Германскимъ. Этому влїянїю Миланъ обязанъ тѣмъ, что онъ теперь есть столица Словесности Италїянской. Такъ во Францїи, Альзасъ роднитъ Нѣмцевъ съ Французами. Въ Германїи, Тироль и Баварїя заимствуютъ художественное направленїе Италїи, которому содѣйствуетъ влїянїе католицизма. Такимъ образомъ между народами мы видимъ множество оттѣнковъ, которые сливаютъ одинъ народъ съ другимъ непримѣтно,—и этѣ яркїя, условныя, крашеныя черты, которыми на географическихъ картахъ рѣзко отдѣляются народы отъ народовъ, страны отъ странъ, вовсе не существуютъ на самомъ дѣлѣ.

Пограничные народы, представляющїе счастливое смѣшенїе качествъ отъ нацїй, различныхъ характеромъ, и служащїе какъ-бы проводниками между главными народами, свидѣтельствуютъ намъ, что образователи Европы со временемъ помѣняются взаимно своими сокровища-

ми, и всякое образованіе изъ частныхъ кассъ перейдетъ въ общую кассу человѣчества. Начало этому мы видимъ уже въ современномъ бытіи народовъ. Но односторонее направленіе каждаго изъ образователей, бывшее сильною причиною его полнаго успѣха въ той части, для коей онъ призванъ, — вмѣстѣ съ симъ благомъ содержитъ въ себѣ неизбѣжный вредъ исключительности, ограниченности, пристрастія къ своему. Въ этомъ-то заключается главное препятствіе обще-Европейской образованности.

Перейдемъ теперь собственно къ нашему предмету и разсмотримъ, какимъ образомъ главное направленіе духа народовъ-образователей западной Европы отражалось въ ихъ Словесности. Преимущественно я покажу, какимъ образомъ оно отражалось въ Поэзіи: ибо сначала я Поэзію избираю средоточіемъ нашихъ изслѣдованій. Прежде нежели приступлю къ этому, постараюсь предупредить возраженіе, которое мнѣ могли бы сдѣлать. Въ прошедшей моей бесѣдѣ съ вами, я порицалъ односторонность Французскаго взгляда на Исторію Словесности, а особенно взгляда Вильменя, который видитъ въ произведеніяхъ слова одно выраженіе общественной жизни и смотритъ всегда на поэта въ зависимости его отъ общества, вообще отъ внѣшнихъ вліяній. Скажутъ, можетъ быть, мнѣ, что мой взглядъ сходится однако съ этимъ Французскимъ взглядомъ; что я также вижу въ Поэзіи и въ Словесности отраженіе жизни.... Жизни, но

не исключительно общественной, а той жизни духовной, той изъ стихій жизни человѣческой, которою преимущественно любитъ житъ народъ. Я желалъ бы уловить въ словѣ народа тайную мысль его, центръ всѣхъ его дѣйствій; я желалъ бы подслушать въ его словѣ этотъ основный звукъ души, который взятъ имъ изъ глубины ея и который онъ вѣрно проводитъ въ общей гармоніи всего человѣчества. Всякой поэтъ истинный, поэтъ, понятый своимъ народомъ, непремѣнно уловляетъ этотъ звукъ и за весь народъ свой выражаетъ въ словѣ его душу.

Словесность новыхъ народовъ Западной Европы, какъ и все образованіе, отличается отъ Словесности древняго міра большею сложностію своихъ стихій. Въ Словесности древней мы видимъ одно начало; въ Словесности новой напротивъ два, а именно: начало самородное, дикое, которое имѣетъ источникомъ жизнь Скандинавскихъ и Германскихъ племенъ, населившихъ Европу, — и начало прививное, идеальное, древнее, которое осталось отъ Римскаго и Греческаго міра въ наслѣдіе Италіи и отъ нея перешло во всѣ страны Европы. Начало самородное, дикое, развилось въ Словесности, разумѣется, гораздо ранѣе, т. е. послѣ первобытнаго хаоса среднихъ временъ, во время и послѣ Карлова вѣка, и господствовало въ теченіи средней эпохи. Оно имѣло въ Европѣ два узла или два средоточія: одно западное, другое сѣверо-восточное. Сценою перваго была Франція: сначала Провансъ, по-

томъ Нормандія, а явленіемъ онаго Провансальская или Лангедокская Поэзія, и Романо-Валлонская или Лангедуйская. Здѣсь образовались всѣ формы Поэзіи среднихъ вѣковъ, всѣ лады романтической лиры,—и оттуда перешли въ Италію и Испанію. Сѣверо-Восточная самородная Поэзія Европы заключалась въ Эпопеѣ Германской (*Niebelungen-Lied*), и въ сѣверныхъ Сагахъ, въ Скандинавской Эддѣ, въ этой дивной и полной Космогоніи туманнаго сѣвера.

Въ семъ-то первоначальномъ, самосозданномъ мірѣ Европейской Поэзіи уже начали обозначаться нравственные характеры націй; но самостоятельно развились они тогда, когда плодотворное идеальное начало древности изъ Италіи навело свой прекрасный волшебный свѣтъ на всю Европу.

Италія, какъ я сказалъ въ первой моей бесѣдѣ съ вами, въ началѣ своей жизни Европейской развивала религіозное направленіе. Согласно съ этимъ, вся ея умственная и словесная дѣятельность сосредоточивалась около Богословія. Вся Литература ея, до самаго XIV вѣка, есть преимущественно Богословская,—и органъ ея есть Латинскій языкъ. Когда Провансальская лира подала ей голосъ, звучавшій чувствомъ любви романтической, Италія запѣла на языкѣ народномъ; но дерзала соглашать свои любовныя пѣсни съ своимъ духовнымъ направленіемъ, освящала земную любовь и пѣснь объ ней мистическимъ

знаменованіемъ. Таковъ характеръ канзонъ первыхъ ея поэтовъ, которые подъ чертами своихъ возлюбленныхъ олицетворяли высокіе небесные лики Богословія и Философіи. Между тѣмъ древняя Поэзія въ лицѣ Виргилія, освященнаго также мистическимъ Христіанскимъ значеніемъ,— явилась Италіи во всей своей силѣ, во всей своей роскоши и великолѣпіи, и вызывала ее на великую, всеобъемлющую Пѣсню. Тогда-то вся эта Богословская система міроученія, со всѣми своими древними и новыми стихіями, это чудное сліяніе Религіи, Поэзіи и Науки, подъ сильнымъ внушеніемъ древняго богатаго слова, нашла выраженіе художественное и явилась въ *миро-символическомъ* дивномъ *Эпосѣ* Данта, въ этой *Божественной Комедіи*, которая въ одной поэтической рамѣ объемлетъ весь міръ среднихъ вѣковъ. Въ этомъ *Богословскомъ Эпосѣ* средняго вѣка, въ этой энциклопедической Поэмѣ, которая представляетъ типъ единственный, типъ одинокій, не могшій повториться въ другой разъ,— Религія, Поэзія и Наука сочетали воедино свой голосъ, и тройственный ликъ ихъ, раздавшись изъ лона вдохновенной Италіи, подвигъ всю Поэзію средняго вѣка. Такимъ образомъ Поэзія въ Италіи началась подъ освященіемъ Религіи,— и языкъ народный тогда лишь дерзнулъ признать свою самобытность, когда возмогъ высказать міру вдохновенными словами высокія истины ея ученія.— Но когда Поэзія, совершивъ такой подвигъ, почувствовала въ себѣ силу и самостоятельность, — она отдѣлилась отъ Религіи. Она увлекалась болѣе и болѣе идеаль-

ною древностію; она занимала у нея эту силу, эту оконченную красоту выраженія, это идеальное начало, котораго не было въ самородномъ дичкѣ Поэзіи Европейской. Подъ внушеніемъ этой древности она пересоздала у себя всѣ новыя формы Романтической лирики, созданныя въ Провансѣ: *Сонетъ*, *Канзону*, *Балладу* и *Сестину*. Она отъ Трубадуровъ переняла *Новеллу* и разсказала ее изящною прозою, устами Боккаччіо. Наконецъ, послѣ многихъ усилій, послѣ долгой борьбы языка народнаго Италіянскаго съ древнимъ Латинскимъ, отшучиваясь отъ сего послѣдняго легкими, веселыми октавами, — она изъ стихій самороднаго Романа среднихъ вѣковъ, Романа, внушеннаго Рыцарскимъ міромъ, окончательно создала и усовершенствовала этотъ блистательный идеальный *Романтическій Эпосъ*, эту Рыцарскую Поэму, еще шутливую, еще нестройную въ Аріостовомъ Орландѣ, и изящно-правильную, стройную, въ Освобожденномъ Іерусалимѣ Тасса. Таковы-то прекрасные типы Италіянской Поэзіи, которые подлежатъ нашему разбору. Впослѣдствіи она, увлекшись изученіемъ древности, отстала отъ своего народнаго языка; промѣняла роскошную октаву на праздные гекзаметры Латинскіе; отреклась отъ романтической души; отринула преданія жизни среднихъ вѣковъ; создала себѣ міръ миѳологическій, пастушескій, — міръ ложный и пустой; довела изящное выраженіе до изысканности; убила свой творческій духъ; схватилась за однѣ формы; стала подлаживать ихъ подъ формы лирики Пиндара и Горація; но чуждая силы и

мужества сихъ поэтовъ, не понимавшая ихъ духа, она только изнѣжила языкъ. Изъ этого лирическаго стремленія родилась *лирическая Драма* Метастазія, — и Поэзія стала гордиться тѣмъ, что она служитъ своими звуками музыкѣ, что она нѣжитъ и лелѣетъ слухъ. Это рабское униженіе поэзіи Италіянской довело ее до постыднаго мнѣнія о ней, что она годится только для пѣнія; что Италіянскій языкъ есть языкъ пустыхъ, но сладкихъ звуковъ; что современный типъ поэзіи Италіянской есть жалкое libretto оперы. Но были въ Италіи мужи, чувствовавшіе эту изнѣженность языка, это немощное его состояніе. Чтобы дать ему силу, надо было возвратиться къ его начальному каммеръ-тону, къ источнику его силы, къ этой рудѣ, откуда онъ вышелъ крѣпкій и бодрый, надо было возвратиться къ Данту. Алфіери, воспитавши себя изученіемъ Божественной Комедіи и Тита Ливія, замыслилъ этотъ подвигъ: онъ далъ крѣпость языку; но въ его усиліяхъ видно было напряженіе, — и форма его Трагедіи, въ которой думалъ онъ совершить свой подвигъ, была фальшивая. По слѣдамъ Алфіери пошелъ Монти, образователь новой Миланской школы поэтовъ. Онъ положилъ въ основаніе оной Божественную Комедію. Дантъ сдѣлался предметомъ всеобщаго изученія. И это сильное воспоминаніе о Дантѣ, забытомъ на столь долгое время, вновь воскресило поэзію на сѣверѣ Италіи.

Изъ этого краткаго очерка поэзіи Италіянской мы видимъ, что она существовала свободно, независимо отъ

жизни общественной, когда отдѣлилась отъ Религіи. — Въ Поэмѣ Данта она имѣла еще политико-дидактическое направленіе и потому многое заимствовала отъ жизни; но всему умѣла однако сообщить идеальное, художественное освященіе. Въ Петраркѣ она одушевилась его личнымъ чувствомъ. Въ Аріостѣ и Тассѣ она одушевлялась минувшими преданіями. Современные намѣки составляютъ малые и неважные эпизоды въ ихъ Поэмахъ. Въ Италіи, самая жизнь искала въ искусствѣ лучшихъ мгновеній своихъ, искала въ немъ и наслажденія, и благородной славы.

Главный характеръ всѣхъ прекраснѣйшихъ типовъ Поэзіи, какіе намъ представляетъ Италія, есть идеальная красота. Фантазія Италіянская есть фантазія чистая, свободная, идеальная. Она есть достойная питомица природы, осчастливленной небомъ, и древности художественной. Она въ новомъ мірѣ есть достойная преемница фантазіи Греческой. — Греція и Италія, этѣ страны, цвѣтущія подъ лучшею полосою неба, и какъ прекрасныя перси земли, опоясанныя ея лазурнымъ поясомъ, Средиземнымъ Океаномъ, назначены были къ тому отъ Промысла, чтобы сладкимъ млекомъ своимъ воспитать человѣчество Европы въ двухъ его колыбеляхъ, древней и новой, и возбудить въ немъ чувство красоты, зародышъ всего благороднаго въ мірѣ человѣческомъ. Греція и Италія — эстетическія воспитательницы Европейскаго человѣка. Изъ нихъ сосалъ онъ питательное млеко перваго ученія.

Подъ ихъ высокія пѣсни пробудился въ немъ духъ безконечнаго совершенствованія. Въ сихъ-то странахъ, жизнь и Поэзія обнялись два раза, въ волшебномъ раю природы.

Фантазія Италіянская отличается тою же гармоніею, стройностію, правильностію, умѣренностію, какими блистала фантазія Греческая и какими плѣняетъ природа Италіи. Во всѣхъ впечатлѣніяхъ, ею производимыхъ, постигнутъ таинственный законъ равновѣсія всѣхъ движеній души человѣческой. Ужасенъ, мраченъ Дантовъ адъ; но кто кромѣ Данта, среди этихъ ужасовъ, умѣетъ живописать картины самыя граціозныя, умиляющія душу? Кто умѣетъ растворять этотъ ужасъ состраданіемъ?— Кромѣ сказанныхъ свойствъ, фантазія Италіи отличается *ясновидѣніемъ*, которое превращаетъ перо Поэта въ самую роскошную кисть, уловляющую живыми оттѣнками колорита всѣ подробности жизни и природы, всѣ мгновенія совершающагося дѣйствія. Это ясновидѣніе фантазіи воспитано въ Италіянцахъ ихъ открытою жизнію, всегда дружною съ небомъ, Поэзіею древнею, памятниками языческой пластики, и наконецъ живописью, самороднымъ искусствомъ Италіи. Все это вмѣстѣ дало Италіянской Поэзіи эпическій или живописный характеръ, какъ мы то ясно увидимъ въ ея произведеніяхъ.

Формы Поэзіи, или созданныя самою Италіею, или пересозданныя идеально изъ дикихъ формъ Поэзіи Прован-

са, ознаменованы также печатью красоты стройной и оконченной. Такова Дантова *терцина*, или *третья рима*, отличающаяся силою и звучностью, эта безконечная цѣпь, этотъ лабиринтъ римъ, изъ котораго могъ выйти со славою только языкъ Италіи. Таковы эта полная, стройная *октава*, предметъ зависти всѣхъ другихъ народовъ; этотъ *Сонетъ*, круглая, отработанная, ёмкая, миніатюрная рамка для поэтической мысли, для сосредоточеннаго, одинокаго чувства. Таковъ этотъ одиннадцати-сложный стихъ, безъ рифмы, полнѣйшая разнообразнѣйшая форма новой драмы. Всѣ страны Европы отдали пальму Италіи, какъ первой художницѣ, въ изящныхъ формахъ ея Поэзіи: потому что всѣ онѣ приходили къ ней по очереди за этими формами и всѣ отъ нея заимствовали свѣтъ красоты идеальной.

Наконецъ, ни одинъ Европейскій языкъ не заключаетъ въ себѣ такихъ художественныхъ стихій, какъ языкъ Италіянскій. Въ немъ, съ удивительнымъ согласіемъ, сочетались два главные элемента человѣческаго языка—живопись и музыка. Онъ однимъ словомъ рисуетъ цѣлую картину, огромное дѣйствіе. Способность производить отъ всякаго существительнаго глаголъ даетъ ему роскошныя краски для живописанія дѣйствія. Этотъ древній, точный, живописующій эпитетъ, этотъ вѣрный пластическій аттрибутъ имени, сохранился со всею чистотою въ Поэзіи Италіянской. Гармоническое равновѣсіе между гласными и согласными, самое ясное и открытое произ-

ношеніе, основанное на естественномъ устройствѣ человѣческаго голоса, опредѣленность каждаго звука, даютъ этому языку первенство и въ музыкальномъ отношенія.

Выраженіе Италіянскаго языка свидѣтельствуетъ о своемъ корнѣ, объ изящномъ древнемъ словѣ. Подобно какъ въ новыхъ зданіяхъ Италіи, вы видите колонны, фризы, капители, барельефы древности: — такъ точно и въ языкѣ Италіянскомъ вы плѣняетесь прекрасными развалинами языка Виргиліева. Поэзія древняя сообщила выраженію идеальную красоту; но въ этомъ же заключалась первоначальная причина и удаленія отъ простоты, причина изысканности, всегда неизбѣжной тамъ, гдѣ происходитъ заимствованіе чужаго, гдѣ стихія дѣлается сложною. Такъ случилось впослѣдствіи, когда выраженіе осилило духъ; одно и то-же явленіе повторилось въ двухъ искусствахъ, преимущественно заимствовавшихъ формы отъ древняго: въ Зодчествѣ и въ Поэзіи.

Легкость поэтическихъ формъ, какъ будто созданныхъ вмѣстѣ съ языкомъ Италіи, сдѣлала ея Поэзію достояніемъ простаго народа. Въ этомъ заключался также ея упадокъ. Все запѣло сонетомъ, все заговорило стихами. Этотъ изящный сонетъ, еще не давно звучавшій вновь на Германской и Англійской лирѣ, этотъ сонетъ сдѣлался пошлымъ, площаднымъ родомъ Поэзіи въ Италіи.

Искусство стихотворное такъ теперь легко для Италіянцевъ, что ремесленники, пастухи, сочиняютъ сонеты,— сонеты, которые для насъ сѣверяковъ составляютъ неодолимую трудность, которые всѣ извѣстны на перечетъ въ нашей литературѣ.

И такъ, во всѣхъ типахъ и формахъ Поэзіи Италіянской, въ характерѣ ея фантазіи, языка и выраженія, мы видимъ, съ какою свободою и полнотою напечатлѣлся ея преимущественно *художественный* характеръ.

Испанія, наравнѣ съ Италіею, заимствовала изъ Прованса начало своей Поэзіи; но изъ всѣхъ ея формъ усвоила себѣ преимущественно форму *Романса*, въ размѣрѣ трохея или хорея.—Этотъ Романсъ сдѣлался вскорѣ національнымъ стихомъ Испаніи; онъ былъ каммеръ-тономъ ея Поэзіи,—и къ нему опять возвратилась она впослѣдствіи, когда, протекши періодъ вліянія классическихъ формъ Италіи, она взялась снова за свое родное и послѣдовала стремленію національнаго духа. Въ этомъ *Романсѣ*, какъ въ живой изустной пѣсни народа, увѣковѣчивались всѣ подвиги рыцарской жизни, которая такъ блистательно и такъ дѣятельно развивалась въ Испаніи. Пѣсня народная была вѣнцомъ славы рыцарей, подвизавшихся на полѣ чести. Сія-то пѣснь народная заключала въ себѣ духъ воинственный, духъ дѣятельный, духъ чести и славы. Поэзія въ Италіи украшала только жизнь; безсиленъ былъ ея голосъ и въ устахъ вдохновеннаго

Данта, чтобы соединить Италіянцевъ однимъ чувствомъ. Въ Испаніи же, Поэзія вызывала жизнь своею пѣснію на поприще дѣйствія. Въ сихъ-то народныхъ пѣсняхъ, въ сихъ-то романсахъ, сохранилась память этого великаго Кампеадора, этого героя чести и славы, Родриго Діаса де Биваръ, извѣстнаго болѣе подъ Арабскимъ прозвищемъ Сида или *безъимяннаго* рыцаря. Желаніе славы, свойственное дѣятельному народу, создало и лѣтопись Испанскую; но и здѣсь фантазія украшала преданія: Исторія занимала блескъ отъ Поэзіи. Изъ сихъ-то поэтическихъ лѣтописей, изъ сихъ-то Романсовъ, подъ вліяніемъ фантастической Арабской сказки, явился въ Испаніи *Рыцарскій романъ*, этотъ блистательный міръ волшебства, гдѣ чудесному нѣтъ границъ; гдѣ вся жизнь пролетаетъ, какъ рядъ яркихъ призраковъ волшебнаго фонаря; гдѣ все возможно; гдѣ всѣ страны, всѣ народы, всѣ имена смѣшаны; гдѣ небо, земля и океанъ согласились на всякое чудо. Таковъ Амадисъ Галліи, произведеніе Испанскаго воображенія. Рыцарскіе романы, столь согласные съ этою неутомимою, ненасытною фантазіею Испанцевъ, достойною питомицей фантазіи Арабской, нигдѣ такъ не распространились, нигдѣ такъ не дѣйствовали на жизнь народную, какъ въ Испаніи.

Вотъ что̀ объясняетъ происхожденіе Донъ-Кихота Сервантесова, который былъ противодѣйствіемъ этому фантастическому роду, увлекавшему умъ въ пустоту

празднаго мечтанія, въ исканіе приключеній чудесныхъ.— Чтобы разрушить этотъ міръ призраковъ, надо было его пародировать, надо было превратить эти волшебные замки въ простые трактиры, исполиновъ-рыцарей въ вѣтреныя мельницы; искателей чести и славы одѣть въ ржавыя, изношенныя латы, покрыть шлемомъ полукартоннымъ, посадить на клячу; однимъ словомъ, изъ потомка Сида сдѣлать Донъ-Кихота. Такой *Романъ-Пародія* соотвѣтствовалъ современной жизни Испанцевъ, которые уже дали тогда бо́льшее поприще своему дѣятельному, неутомимому духу, этой пламенной жаждѣ славы и чести, и пустились въ моря открывать земли, покорять народы. . . . .

Еще до Серванteса, Испанія вышла уже изъ своего Арабскаго міра и стала воспринимать въ себя все новое, классическое образованіе Европы. Къ тому обратила ее Изабелла съ своего престола, озареннаго блескомъ красоты женской и просвѣщенія. Испанская Поэзія стала тогда вводить Италіянскія формы, изучать идеальное выраженіе древности. Но вѣрная своему національному духу, слишкомъ преданная еще своимъ Арабскимъ стихіямъ, она не легко подчинялась сему вліянію. — Всѣ произведенія Поэзіи Испанской въ Италіянскомъ ея періодѣ носятъ на себѣ печать этого насильственнаго чужаго вліянія; все это ложные, не свои типы, обличающіе своею холодностію не народное происхожденіе. Тщетно хотѣла она перенести къ себѣ высокій Романтическій

эпосъ. Но это была уже не Арабская сказка, не Рыцарскій Романъ, любимецъ Испаніи. Этотъ Эпосъ принялъ у нея видъ сухой Исторіи. Онъ лучше удался ея сосѣдкѣ Португалліи, которая, отдѣливъ свою жизнь отъ Испанской, совершивъ свои подвиги, образовала изъ Испанскаго нарѣчія языкъ особенный, самобытность коего утверждена высокимъ Эпосомъ Камоэнса.

Другой формы, не эпической, требовала народная жизнь Испаніи, когда, вышедъ изъ своего тѣснаго круга, явилась она на поприщѣ дѣятельности всемірной—формы, которая соотвѣтствовала бы этому дѣятельному ея духу,—формы драматической. Но духъ этой драмы не могъ быть духъ чисто историческій, какъ драмы Англійской. Онъ долженъ былъ ознаменоваться печатью религіознаго вдохновенія, лирическаго порыва, въ фанатическомъ народѣ Испаніи. Гдѣ пылали костры, гдѣ совершались ужасные auto da fè,—тамъ представлялись и вдохновенные autos sacramentales, отличающіеся какимъ-то фанатизмомъ восторга, вмѣстѣ поэтическаго и религіознаго. Такъ явилась эта набожная драма, эта *Драма-Легенда*, которой главная пища суть подвиги вѣры, чести и любви. Такова была драма, созданная Сервантесомъ, которую усовершенствовалъ Лопе-де-Вега и особенно Калдеронъ, оба поэты, воины и монахи, заключавшіе въ себѣ всѣ три стихіи Испанской жизни: религіозную, воинственную и художественную.

По предложеннымъ родамъ Поэзіи Испанской мы можемъ заключить, что и фантазія Испанцевъ, какъ ихъ Религія, переходила въ какой-то фанатизмъ, который Романсомъ возбуждалъ въ Рыцаряхъ сильное чувство чести, священною Драмою воспитывалъ въ Испанцахъ чувство народной гордости. Фантазія Испанская, какъ и восточная, чуждалась гармоніи, строгаго размѣра, коими отличается фантазія Италіянцевъ: она любила все преувеличивать. Таковы вдохновенные характеры мучениковъ и Рыцарей Калдерона; таковы высокіе подвиги вѣры и чести въ его драмахъ; таковы наконецъ запутанныя интриги, страсти съ ихъ безконечными сплетеніями, въ Испанскихъ Комедіяхъ. Поэзія Италіянская отъ древней приняла преимущественно эпическій характеръ, спокойный; даже лирика Петрарки отличается ровнымъ чувствомъ любви, незнающей бурнаго порыва. Въ Поэзіи Испанской напротивъ, видна преимущественно лирическая стихія, порывъ Арабскій: это замѣтно даже и въ романсовомъ или хореическомъ метрѣ ея драмъ. Оба юго-западные полуострова Европы раздѣлили между собою Эпосъ и Лиру.

Выраженіе Италіянскаго языка носитъ на себѣ печать изящной древности; выраженіе Испанское блещетъ яркими, преувеличенными, пестрыми красками своенравнаго Востока; оно всегда выискано, кудряво, исполнено странныхъ сравненій. Эти узоры словъ, эту пеструю ткань метафоръ, можно очень справедливо сравнить съ

причудливыми арабесками, которые, какъ извѣстно въ исторіи искусства, заимствованы отъ роскошныхъ узорчатыхъ ковровъ Востока. Вникните въ сравненія Испанскія: они никогда не придуманы, они не плодъ размышленія, напротивъ они всегда внезапны: это молніи фантазіи; это падучія звѣзды въ мірѣ воображенія, которыя вдругъ загораются; они плодъ этого дара изобрѣтенія, этой способности, для которой только на Нѣмецкомъ языкѣ я знаю достаточное слово, этого Witz, которое у насъ переводятъ слабо остроуміемъ. Способность сія есть собственность Востока: она кладетъ на всѣ его изобрѣтенія печать внезапности, какъ будто-бы онѣ съ неба упали. Таковы и сравненія Поэзіи Испанской и восточной.

Взгляните потомъ на эти безконечныя игры риѳмою, которыя любитъ Испанская Поэзія. Эта риѳма, въ продолженіи сотни стиховъ однообразно звучащая на концѣ каждаго изъ нихъ; эта монотонія звука, подъ которую любитъ замечтаться Мавръ или Испанецъ; эти риѳмы въ началѣ стиха и въ концѣ, иногда и въ срединѣ и въ концѣ; эти акростихи не буквъ, но цѣлыхъ заглавныхъ словъ, составляющихъ свою особенную рѣчь, — словомъ, всѣ эти безконечныя трудности стихосложенія, не заключающія въ себѣ никакой идеальной красоты, показываютъ только причудливость фантазіи Испанской, незнающей конца своимъ играмъ и затѣямъ, показываютъ,

что она есть достойная питомица своенравной фантазіи Востока.

Перейдемъ отъ юга на сѣверъ. Народы сѣвера, какъ я сказалъ уже, рано испытавшіе нужду, ранѣе узнали и существенность жизни, ранѣе стали стремиться изъ міра волшебства къ міру дѣйствительному, къ положительному.—*Англія* долго не могла имѣть своей собственной Словесности, потому что долго не могла утвердить своего языка. Продолжительная борьба Норманновъ съ Англо-Саксами вела за собою борьбу языка Французскаго съ языкомъ Англійскимъ. Наконецъ національный языкъ побѣдилъ; но эта побѣда совершилась вполнѣ не прежде первой половины XV столѣтія, не смотря на то, что еще въ XIV вѣкѣ Англія имѣла своего писателя Чосера, который давалъ уже художественныя формы Англійскому языку. Но всѣ эти усилія были еще безуспѣшны.

Баллады, эти сѣверные романсы, были первоначальною формою Поэзіи Англійской. Романы рыцарскіе также вошли въ Англію. Но и въ романахъ и въ балладахъ, и въ стихотворныхъ легендахъ и въ сатирическихъ сказкахъ, Англичане, какъ замѣчаетъ Вильмень, любили извлекать изъ чудеснаго Поэзіи какія нибудь практическія нравоучительныя истины. Чосеръ, еще до Сервантеса, уже смѣялся надъ нелѣпостями рыцарскихъ сказокъ. И чудесное любили направлять Англичане къ какой нибудь

Сатирѣ, давать ему аллегорическое значеніе, трактовать его юмористически.—Воображеніе Англичанъ, отъ природы не пылкое, не любило разыгрываться: оно требовало и отъ Поэзіи чего-то существеннаго, историческаго.

Когда языкъ трудами Чосера, и потомъ Спенсера, устроилъ свои художественныя формы по образцамъ Италіянскимъ; когда при Генрихѣ VIII и наконецъ при Елисаветѣ, духъ націи Англійской почувствовалъ свою силу; когда въ слѣдствіе религіозныхъ споровъ, драма, начавшаяся священными мистеріями, какъ и повсюду въ Европѣ, обратилась на свѣтскіе предметы, а духъ національный сталъ увлекать ее въ живой міръ отечественной Исторіи: тогда-то явилась самородная форма Поэзіи Англійской, эта *Драма-Лѣтопись*, драма въ собственномъ смыслѣ, которая, послѣ многихъ опытовъ, созрѣла наконецъ подъ перомъ геніальнаго Шекспира. Только Англичанину, только великому практику и эмпирику, могла придти мысль развернуть передъ собою лѣтописи своего народа и другихъ, изъ мертвыхъ буквъ переносить лица и дѣйствія на поприще жизни и все прошедшее развивать передъ вашими очами въ полной, живой картинѣ настоящаго, такъ какъ вы бы сами участвовали въ жизни минувшей.—Вотъ истинное значеніе Шекспировой драмы, которая есть драма по преимуществу.

Сія-то *Драма-Лѣтопись* дала Англійской Поэзіи направленіе *Историческо*, ее особенно отличающее. Про-

шедши періоды разныхъ вліяній, она къ нему-же опять возвращалась въ нашемъ столѣтіи.

Другое направленіе Поэзіи Англійской, которое также началось рано и проистекаетъ изъ духа Англійскаго народа, есть направленіе *дидактическое* и ему близкое *описательное*, имѣющее родство съ историческимъ. Это дидактическое направленіе, одушевленное религіозными чувствами и мнѣніями, съ бо́льшимъ поэтическимъ блескомъ явилось въ Потерянномъ Раю Мильтона. Послѣ Мильтона развивали его Дрейденъ, Попе и Томсонъ. Ни одна Словесность не изобилуетъ такимъ множествомъ *дидактическихъ* и *нравственно-описательныхъ поэмъ*, какъ Словесность Англійская. Съ нею въ этомъ поспоритъ одна Французская, однако уступитъ ей тѣмъ болѣе, что Франція въ этомъ случаѣ увлеклась сама примѣромъ Англіи. Это *дидактическое* направленіе наклоняло многихъ Поэтовъ и къ Сатирѣ, и дало нравоучительный характеръ Англійской Комедіи Шеридана.

Попе, главный подвижникъ этого дидактическаго направленія и вмѣстѣ глава классической школы, хотѣлъ положить въ основаніе Словесности изученіе древнихъ, но не совсѣмъ еще понятыхъ. Его усилія были очень полезны для Англійскаго языка и выраженія. Но вмѣстѣ съ Попевымъ дидактико-классическимъ вліяніемъ, въ одно и то-же время, развивалось *практическое, національное* стремленіе въ Романѣ. Ричардсонъ, глава этого направ-

ленія, былъ современникъ Попе. Романъ, прежде жившій на югѣ, въ мірѣ Рыцарства и фантазіи, волшебный Романъ, сокрушенный Сервантесомъ, получилъ въ Англіи совершенно практическое направленіе, избралъ своею сферою жизнь дѣйствительную. Ричардсонъ ввелъ его въ кругъ домашней семейной жизни, со всѣми ея подробностями. Многочисленное поколѣніе романистовъ въ Англіи давало роману разные оттѣнки и направленія, однако всегда вѣрныя его главному практическому характеру. Но наконецъ этотъ романъ достигъ своей зрѣлости въ *Романѣ Историческомъ*, въ Романѣ Валтеръ-Скотта, гдѣ Шекспиръ сочетался, такъ сказать, съ Ричардсономъ, исторія политическая съ жизнію семейною. Этотъ романъ навелъ даже Исторію на истинный путь: отъ него ведетъ свое начало современное лучшее поколѣніе бытописателей Франціи.

Драма Лѣтопись, *Романъ практическій*, *дидактическая*, *описательная Поэма*, типы, собственно созданные Англичанами, характеризуютъ совершенно фантазію Англійскую. Зародышъ всѣхъ этихъ образцовъ Поэзіи въ самой жизни Англіи. Но я ничего не сказалъ объ идеальной лирѣ Байрона и Мура, и всей этой школы, которая отходитъ отъ практическаго стремленія. Но въ этой школѣ, особенно въ Поэзіи Мура и въ произведеніяхъ Байрона, видно вліяніе восточной Поэзіи. Изученіе памятниковъ Словесности Индійской и Персидской, распространенное учеными оріенталистами Англіи, ув-

лекло фантазію Поэтовъ въ міръ идеальный, въ міръ Востока. Впослѣдствіи, лира Байрона подверглась отчасти и Италіянскому вліянію: онъ любилъ и изучалъ Данта. Но не жизнь Англійская внушала пѣсни этому Поэту, который жилъ въ раздорѣ съ своимъ отечествомъ. Его фантазія за своимъ вдохновеніемъ, за дивными пѣснями, летала въ Грецію, въ Испанію и Италію. — Духъ же собственно Англичанина явился въ его Чайльдъ-Гарольдѣ и особенно въ Донъ-Жуанѣ, въ этой *поэмѣ-путешествіи*, въ этой Одиссеѣ XIX вѣка, гдѣ и страсти, и страданія жизни человѣческой исчерпаны до дна; гдѣ она представлена во всей полнотѣ своего несчастія; гдѣ идеальный Поэтъ является великимъ практикомъ въ познаніи бѣдствій и страстей человѣческихъ.

Фантазія Англійская любила всегда подчинять свои созданія жизни дѣйствительной; она не хотѣла возносить эту послѣднюю въ какой-то міръ надземный, идеальный; если-жь и устремлялась къ идеальному, то оно болѣе переходило въ карикатуру, въ charge. Фантазія Англійская почти во всѣхъ ея писателяхъ нераздѣльна отъ юмора: въ нихъ присутствуетъ болѣе или менѣе юморизмъ, начиная отъ Шекспира до Валтеръ-Скотта. Зародышъ этого юмора заключается, можетъ быть, въ климатномъ, физическомъ свойствѣ Англичанъ, какъ это показываетъ и самое слово humour. Это есть какое-то особенное расположеніе духа, въ которомъ всѣ предметы подвергаются произволу нашего своенравія, въ ко-

шоромъ и великое умаляется, и малое увеличивается. Этотъ юморъ, столь дружный съ фантазіею Англійскою, этотъ юморъ, рожденіе Англійскаго климата, бываетъ главнымъ виновникомъ того, что идеальное въ искусствѣ Англійскомъ переходитъ въ преувеличеніе. Поэзія Англійская чужда художественной идеальности, какую мы нашли въ Поэзіи Италіянской; но она глубока, потому что черпаетъ на днѣ самой жизни, — а жизнь, расчерпнутая глубоко, жизнь разгаданная, жизнь, которой тайна постигнута, всегда есть Поэзія. — Поэзія Англійская есть по преимуществу зеркало жизни, но зеркало не льстящее, не украшающее, а самое вѣрное. Въ немъ жизнь отражается со всѣмъ своимъ прекраснымъ и отвратительнымъ. Такова жизнь въ драмахъ Шекспировыхъ. Потому-то Англіи предназначено было навести Европейскую Поэзію на путь истинный, возвратить ей дружбу съ жизнію и природою, когда она, увлекшись подражаніемъ, утратила духъ жизни.

Языкъ Англійскій и поэтическое его выраженіе явно свидѣтельствуютъ, что идеальная красота не можетъ быть признана существеннымъ характеромъ Англійской Поэзіи. Вникните особенно въ выраженіе праотца ея, Шекспира: оно тамъ и сильно, и прекрасно, гдѣ говоритъ имъ простая природа; но тамъ, гдѣ заговорила поэзія, выраженіе натянуто, изыскано; переходитъ въ странную метафору, въ игру словъ, въ каламбуръ; языкъ всегда закудрявленъ, завитъ—и похожъ на эти вычурныя

кружева, фрезы и прочія украшенія въ костюмахъ XVI вѣка.

Слѣдуя тому порядку, въ которомъ я представилъ вамъ, Мм. Гг., характеристику народовъ, надлежало бы мнѣ теперь говорить о Германіи, а потомъ о Франціи. Но въ Исторіи Словесности Германія вышла на поприще Европейской жизни послѣ Франціи, тогда какъ въ исторіи политической она предшествовала Франціи своею реформаціею.

Ни въ какой странѣ не было такой связи, такихъ близкихъ сношеній, такого тѣснаго взаимнаго вліянія между общественною жизнію и Словесностію, какъ во Франціи. Общество Франціи въ феодальныхъ зáмкахъ, на турнирахъ, на судилищахъ любви: тамъ и Поэзія, въ видѣ трубадура, вьется около красавицъ, въ толпѣ Рыцарей; она поетъ сирвенты, канзоны, баллады и тензоны. Она разсказываетъ чудныя волшебныя сказки и романы, и тѣмъ разнообразитъ скуку феодальной жизни зáмковъ.

Общество Французское при Дворѣ—и Поэзія тамъ же. Сначала является она въ видѣ камердинера Франциска I, въ видѣ Clément Marot, — является въ лакейской. Потомъ, подъ милостивымъ покровительствомъ Двора, входитъ въ придворную гостиную, это—поэзія напудренная, поэзія въ парикѣ и камзолѣ, поэзія педантка, знающая по-

Гречески и по-Лашынѣ, всегда съ веселою эпиграммою на усшахъ или съ сладкимъ мадригаломъ.

Общесшво Франціи — на площади,—и Поэзія шамъ же, въ образѣ сшрашной Немезиды, съ бичемъ въ рукѣ, буйная и развращная.

Поэзія Французская всегда слѣдовала за общесшвомъ, но не всегда вѣрно его оппражала: она иногда служила ему шолько дополненіемъ, выражала шолько одну его сшорону.

Omсюда объясняешся современное сосшояніе Поэзіи Французской. Общесшво Франціи успокоилось уже послѣ своихъ бурь и волненій, но эшошъ духъ буйсшва и безначалія, духъ разрушишельный, бурный, изъ дѣйсшвишельной жизни перешелъ въ жизнь идеальную, въ міръ Словесносши. Всѣ ужасы, кошорые прежде Французы кровожадными очами созерцали на площадяхъ Парижа, совершаюшся шеперь на сценѣ, въ романахъ и проч. Всѣ впечашлѣнія, пошрясающія душу, разрушающія весь сосшавъ ея, перешли изъ жизни въ произведенія Поэзіи. Таковъ харакшеръ современной изящной Словесносши Франціи: она есшь ошсѣдъ ошъ буйной жизни переворошовъ, дурная сыпь на шѣлѣ Франціи, кошорою, можешъ быть, выходяшъ всѣ вредные соки ея народа. Можешъ быть, эшошъ буйный словесный міръ, эшошъ сонъ, исполненный ужасовъ, и сильными впечашлѣніями пошрясающій душу Французовъ, необходимъ для шого, чшобы

отвести ихъ страсти, всегда готовыя вспыхнуть, отъ какого-нибудь новаго волненія. Можетъ быть, въ этихъ кровавыхъ романахъ Французы вычитаютъ свои буйныя побужденія, и страшный, мятежный кошмаръ трагедій и повѣстей отвратитъ ихъ отъ новой ужасной дѣйствительности.

Общественность Французовъ, имѣвшая такое вліяніе на ихъ Поэзію, сообщила ей два свойства: во первыхъ, даръ разсказа, даръ повѣствованія, неотъемлемую принадлежность всякаго общественнаго человѣка, и качество, общее почти всѣмъ Французамъ; во вторыхъ, желаніе дѣйствовать словомъ на общество, быть ему полезнымъ, или руководить его, или по крайней мѣрѣ обращать на себя его вниманіе. Этотъ даръ разсказа, эта страсть говорить и вмѣстѣ это искусство говорить, сначала обнаружились въ романѣ среднихъ вѣковъ; но потомъ, особенно въ безчисленномъ множествѣ волшебныхъ повѣстей и сказокъ, перенесенныхъ съ Востока во время Крестовыхъ походовъ. Потомъ, когда фантазія успокоилась, когда общество обратилось къ существенностямъ жизни; — тогда эта страсть разсказывать, передавать, обнаружилась во множествѣ лѣтописей и особенно Записокъ, частныхъ біографій, которыми ни одна Словесность такъ не богата, какъ Словесность Французская. Этѣ огромныя библіотеки Мемуаровъ суть плодъ сообщительности Французовъ, раздраженнаго тщеславія частныхъ лицъ, которыя и по смерти хотятъ жить въ

обществѣ, въ потомствѣ. Этотъ же даръ слова, это умѣнье говорить, сдѣлало изъ языка Французскаго общественный языкъ Европы: — ибо на немъ только выражаются всѣ неуловимые оттѣнки общежитія, всѣ утонченности свѣтской жизни.

Огромная журнальная дѣятельность, посредствомъ которой быстро сообщаются мнѣнія, знанія, открытія, событія жизни, посредствомъ которой наука дѣлается общенароднымъ достояніемъ, отсюда же имѣетъ свое начало. Наконецъ, здѣсь же корень этой *свѣтской Повѣсти*, лучшаго современнаго рода Поэзіи, который есть живой, яркій снимокъ съ какого-нибудь мгновенія жизни, легкій летучій листокъ изъ ея многотомнаго и запутаннаго романа.

Второе свойство Литературы Французской: желаніе дѣйствовать на общество, рано обнаружилось во Франціи, въ аллегорическомъ и поучительномъ направленіи ея Поэзіи. Таковы поэмы Французскія средняго вѣка. Въ нихъ фантазія является не свободною, не чистою, но всегда хочетъ дать всякому образу значеніе, идею, обратить его на пользу жизни. Фантазія Французская долго сохраняла этотъ характеръ нравоучительницы: отъ того она сдѣлалась суха, безплодна, скучна, потому что приняла въ себя стихію разума, ей совершенно враждебную, можно сказать, убійственную.—Стихія разума тогда только не мертвитъ фантазіи, когда переходитъ

въ остроуміе; въ дидактическомъ направленіи одно только спасеніе для Поэта—насмѣшка, сатира, комедія, эпиграмма. Словомъ, тогда только нравоучитель дѣлается Поэтомъ, когда смѣшитъ и издѣвается. Вотъ зародышъ комической стихіи въ народѣ Французскомъ; она есть противодѣйствіе мертвой аллегорической и нравоучительной стихіи, истекшей изъ общественнаго направленія Французской Словесности.

Рано обнаружилась эта страсть къ комическому, къ смѣшному, во Французскомъ народѣ. Вильмень весьма глубокомысленно замѣчаетъ, что въ первобытныхъ началахъ Поэзіи Французской, все важное, все серіозное, все чувствительное было безцвѣтно, бездушно, безжизненно; что единственно комическое оживлено было душою народною; что Комедія была самороднымъ плодомъ Французской почвы. Таковъ въ самомъ дѣлѣ этотъ Avocat Pathelin, первоначальное произведеніе Французской Таліи. Послѣдствія оправдали совершенно это начало. Нигдѣ комическіе роды Поэзіи такъ не процвѣтали, какъ во Франціи. Изъ прочихъ родовъ Поэзіи, родъ еще удавшійся во Франціи, есть застольная пѣсня, внушаемая бокаломъ шампанскаго, этого общественнаго вина; это есть также самородное произведеніе общежительной націи, есть выраженіе ея собственныхъ мгновеній.

Общественное направленіе Поэзіи во Франціи предлагало большое поприще для Драмы, и въ самомъ дѣлѣ ни-

гдѣ драма не имѣла такого безконечнаго репертуара, какъ во Франціи. Но къ сожалѣнію, духъ этой драмы былъ всегда ложный, исключая Комедію. Трагедія увлекалась всегда желаніемъ произвести сильное впечатлѣніе, мѣтила на эффектъ, смѣняла тонъ Поэзіи на тонъ ораторской напыщенной рѣчи.

Своего назначенія дѣйствовать на общество, Словесность Французская достигала уже въ XVII вѣкѣ, но достигла совершенно въ XVIII. Въ этомъ вѣкѣ, Исторія Французской Словесности тѣсно соединяется съ Исторіею политическою. — Она дѣйствовала преимущественно тѣмъ разрушительнымъ орудіемъ, тѣмъ комическимъ ядомъ, тою насмѣшкою, которая была ея свойствомъ природнымъ. — Сей-то ядъ обратила она на многія злоупотребленія, на устарѣлые предразсудки, но вмѣстѣ съ тѣмъ и на все святое, коренное, неприкосновенное. Человѣкъ, жившій уединенно, жившій въ маленькомъ замкѣ около Женевы, человѣкъ, отличавшійся вѣчнымъ сарказмомъ, который, кажется, сама природа какъ будто нарочно приковала къ лицу его, вдали отъ общества, дѣйствовалъ на него каждымъ своимъ словомъ, каждою чертою пера. Это былъ геній Французскаго общества, геній-Мефистофель XVIII вѣка.

Тогда-то Франція, надоживщая свою общественную силу на всю Европу, возъимѣла на нее вредное, пагубное вліяніе и своею Словесностію, какъ орудіемъ своего об-

щества. Тогда-то дала она всѣмъ народамъ Европы формы своей такъ называемой классической Поэзіи. Эта классическая Поэзія во Франціи образовалась тогда, когда вліяніе древняго классицизма снова обуяло всю Европу, убило духъ новой Поэзіи Христіанскаго вѣка и ввело въ нее однѣ холодныя формы, какія-то безусловныя правила вкуса и разсчитанное выраженіе. Французская Поэзія была главною подвижницею этого вліянія. Общественный духъ Франціи такъ сильно дѣйствовалъ на Европу, что Французы вмѣстѣ съ формами своего общества наложили на другіе народы и формы своей Поэзіи, и это искусство, столь чистое, столь свободное, стало сковано цѣпями общежитія.

Тутъ-то ознаменовалась односторонность, исключительность Французской націи, которая захотѣла на всю Европу наложить иго своей собственной національности — и свои классическія ошибки, посредствомъ силы общественной, заставила признать образцовыми произведеніями.

Какая же страна, первая, возстала противъ Франціи; послала на ея исключительность и поверхностную ученость свое мудрое безпристрастіе и ученость многостороннюю, и какъ прежде освободила Европу отъ Аристотеля комментованнаго Арабами, такъ въ другой разъ освободила ее отъ Аристотеля комментованнаго Французами,—какъ прежде произвела Реформацію въ западной

религіи, такъ послѣ произвела реформацію въ Наукѣ и Словесности? — Это *Германія*, родина Науки и Философія. Лессингъ былъ Мартиномъ Лютеромъ новаго словеснаго преобразованія.

Его именемъ начинается Европейскій періодъ Германской Словесности. Я не говорилъ о первоначальномъ періодѣ ея Поэзіи, въ которомъ однако уже была замѣтна наклонность къ мысли, къ религіозному, мистическому мечтанію или къ нравоучительной шуткѣ, наклонность, совершенно истекающая изъ сосредоточеннаго духа этой глубокомысленной націи. Послѣ первыхъ своихъ самородныхъ Поэтовъ, Германія имѣла вліяніе Италіянскихъ формъ, потомъ вліяніе Французское; рано изобиловала, по преимуществу передъ другими странами, переводною Литературою, какъ изобилуетъ теперь Россія, какъ изобилуетъ ею всякая страна, позднѣйшая въ образованіи. Но собственно классическій Европейскій періодъ Германской Словесности начинается именемъ Лессинга.

Замѣтьте это, Мм. Гг. На первой страницѣ Исторіи Греческой Словесности вы читаете имя Гомера: какъ далеко отъ него имя Аристотеля! — На первой страницѣ Исторіи Италіянской Словесности яркими буквами блещетъ имя Данта: какъ далека отъ него критическая Академія della crusca! Здѣсь Поэты — первые создатели слова. Такъ бываетъ всегда въ словесностяхъ первоначальныхъ. Напротивъ, въ позднѣйшей Литера-

турѣ Европы, которая назначена къ тому, чтобы произвести возрожденіе, законъ нарушенъ, и Критикъ есть предводитель и начинатель поэтическаго слова.

Великимъ Поэтамъ Германіи предшествовало блистательное поколѣніе глубокомысленныхъ критиковъ. Въ то время, когда Кантъ размежевывалъ науки критикою чистаго разума, — въ то время Лессингъ размежевывалъ искусства : ибо всѣ границы ихъ были перемѣшаны отъ ложнаго направленія. Винкельманъ изучалъ и опредѣлялъ истинный характеръ изящной древности. Гердеръ простиралъ свой гуманическій взглядъ на искусство и Поэзію всѣхъ народовъ, хотѣлъ все это обнять однимъ сильнымъ Германскимъ чувствомъ, всему дать мѣсто въ своей родной Германіи и приготовлялъ тотъ эклектизмъ, который сдѣлался одною изъ отличительныхъ чертъ Германской Поэзіи.

Такимъ образомъ трудами этихъ великихъ критиковъ и многихъ другихъ, образовалась эта *ученая*, *критическая* и *эклектическая* Словесность Германіи. Въ Германіи Поэзія была сладкимъ плодомъ науки. Шиллеръ и Гёте послѣдовали за Критиками и оправдали въ своихъ произведеніяхъ гаданія своихъ предшественниковъ, — и какіе яркіе слѣды положила Наука, этотъ корень Германской Поэзіи, на ея произведенія !

Всякое твореніе Шиллера не знаменуетъ ли на себѣ печати долгаго, глубокаго изученія? На днѣ каждаго изъ

его созданій всегда лежитъ, какъ глубоко зарытый кладъ, какая нибудь основная Философская мысль, отъ коей онъ черпаетъ свое поэтическое вдохновеніе.—Гёте, въ этомъ отношеніи, болѣе освободилъ фантазію отъ мысли, чѣмъ Шиллеръ; однако главное его произведеніе, и вмѣстѣ національный типъ всей Поэзіи Германской, его Фаустъ, не носитъ ли на себѣ рѣзкой печати идеи самой отвлеченной? Конечно, въ тѣхъ формахъ, которыя Гёте заимствовалъ отъ другихъ народовъ, онъ достигъ удивительнаго отвлеченія фантазіи. Онъ такъ легко, такъ свободно переносится ею въ изящныя формы древней Поэзіи, въ звучный сонетъ, въ октаву Италіи. Но и здѣсь мы видимъ, что эта свобода и легкость его — плоды изученія. Въ послѣднихъ своихъ произведеніяхъ Гёте впалъ въ символическое, въ мистическое, въ аллегорію — и тѣмъ еще болѣе обнаружилъ, что Поэзія Германская была плодомъ Науки.

Если фантазія Италіянская носитъ на себѣ характеръ художественной идеальности, Испанская характеръ восточной изобрѣтательности, Англійская печать юмора, Французская печать остроумія: то фантазія Германцевъ есть, по преимуществу, глубокомысленная.

Такимъ образомъ, Германская Словесность, заключивъ Исторію Словесности Европейской, образовала ученое эклектическое направленіе; размежевала всѣ роды, всѣ стили; уничтожила ложное и пустое; перенесла въ свой

роскошный садъ, взлелѣянный ея трудами, всѣ произведенія другихъ странъ; возрастила ихъ у себя и ученымъ образомъ утвердила національныя права каждой Поэзіи; но, можетъ быть, обнаружила излишне-враждебное пристрастіе противъ Французовъ, и сама впала въ крайность своей мертвой и отвлеченной учености.

ЧТЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Обширное значеніе Исторіи Словесности вообще.—Разборъ Исторіи Словесности Л. Вахлера.—Я отдѣляю для себя часть: Исторію Изящной Словесности.—Объемъ ея.—Исторія Из. Словесности Фридриха Шлегеля. — Я отдѣляю Исторію Поэзіи отъ Исторіи Краснорѣчія.—О Поэзіи.—Два ученія.—Противъ Нигилистовъ.—Противъ Матеріалистовъ.—Слова Жанъ-Поля.—Заключительный выводъ.

Посредствомъ Слова человѣкъ выражаетъ всякую, собственно ему, какъ человѣку, принадлежащую жизнь, а именно: умственную, нравственную и художественную, во всѣхъ безконечно различныхъ видахъ и направленіяхъ. Посредствомъ слова выразивъ эту жизнь для себя, передаетъ онъ ее и потомству. Слово есть выразитель и проводникъ всего человѣческаго образованія. Человѣчество живетъ въ народахъ: такъ и слово человѣческое живетъ въ языкахъ.—Отсюда мы видимъ, какъ обширно, какъ необъятно значеніе Исторіи Словесности. Все чтó только отъ первыхъ звуковъ слова человѣческаго до настоящей минуты, все чѣмъ только отъ первыхъ словъ Адама, если-бы мы могли знать ихъ, до послѣдняго номера самаго позднѣйшаго журнала выразили свою человѣческую жизнь на безчисленныхъ языкахъ и нарѣчіяхъ: Индѣйцы, Персы древніе, Китайцы, Египтяне, народы Арамейскіе или

средней Азіи, Финикіяне, Евреи, Греки, Римляне, Арабы, Скандинавы, Персы новые, Провансальцы, Италіянцы, Испанцы, Португальцы, Шотландцы, Англичане, Французы, Нѣмцы, Богемцы, Поляки, Русскіе и проч. и проч.,— все это входитъ въ полную Исторію Словесности. Потому ею объемлются: Исторія языковъ въ самыхъ первыхъ ихъ началахъ; Исторія всѣхъ наукъ, какъ словеснаго выраженія жизни умственной человѣка, во всѣхъ ихъ безконечно-разнообразныхъ отрасляхъ; Исторія законодательствъ, какъ словеснаго выраженія нравственной дѣятельности человѣка; наконецъ Исторія Краснорѣчія и Поэзіи, какъ выраженія гражданской и эстетической его жизни въ словѣ. Мы теряемся въ этой массѣ слова человѣческаго! Для такой полной Исторіи Словесности не собраны еще и матеріалы: всякой ученый, занимаясь своею наукою и слѣдовательно Исторіею оной, трудится надъ сею полною Исторіею Словесности. Видя изъ этого, что такая многообъемлющая наука есть общій трудъ всѣхъ ученыхъ, мы усматриваемъ отношеніе, которое всѣ науки имѣютъ къ ней самой. Мы видимъ, что всѣ онѣ содержатъ въ ней свой удѣлъ, свою часть, ибо всякая наука имѣетъ свою Литературу. Кому слово не нужно? Кому не нужна такая обширная Исторія Литературы? — Въ такомъ-то обширномъ объемѣ понималъ Исторію Словесности Нѣмецкій Профессоръ, Людвигъ Вахлеръ, и начерталъ ученымъ образомъ составленную по народамъ, эпохамъ, по разнымъ отраслямъ духовной дѣятельности человѣка, номенклатуру писателей и

ихъ сочиненій, съ полнымъ и вѣрнымъ означеніемъ годовъ и заглавій. Сочиненіе такого объема не могло, разумѣется, имѣть отчетливаго духа критики (*). Оно приняло видъ библіографіи, или видъ всемірнаго, но неполнаго каталога. Идеалъ такого сочиненія былъ бы именно всемірный каталогъ Литературы: къ этому идеалу приближается каталогъ, напримѣръ, Парижской или Геттингенской Библіотеки. Но неизмѣримо далеко отъ него отстоитъ сочиненіе Вахлера. Это родъ каталога Грефова, распредѣленнаго по матеріямъ. Здѣсь вы находите: исторію училищъ всякаго рода, ученыхъ Обществъ, книгопечатанія, газетъ и журналовъ, библіотекъ, потомъ національной Словесности: подъ этимъ разумѣется Исторія Поэзіи и Краснорѣчія въ обширнѣйшемъ смыслѣ; — потомъ встрѣчаете Исторію учености; это всеобщая литературная энциклопедія: — здѣсь содержится литература всѣхъ наукъ, въ слѣдующемъ порядкѣ: Энциклопедія, Филологія, изученіе восточныхъ языковъ: Еврейскаго, Сирійскаго, Арабскаго, Еѳіопскаго, Персидскаго, Армянскаго, Коптскаго; изученіе разныхъ живыхъ языковъ и нарѣчій Азіи, Африки и Америки; — далѣе слѣдуютъ Исторія въ обширномъ смыслѣ, т. е. всеобщая Исторія человѣчества, древняя, средняя и новая, Исторія Европейскихъ государствъ каждаго отдѣльно, Церковная Исторія, — Географія, Статистика, Хронологія, Генеалогія, Гераль-

(*) Handbuch der Geschichte der Litteratur von D. Ludwig Wachler. Zweyte Umarbeitung. Leipzig. 1822 — 1824. 4 части.

дика, Нумизматика, Дипломатика;—вдругъ Философія, — Политическія науки, Хозяйственныя, Педагогика, Математика, чистая и прикладная, какъ то: Механика, Гидростатика, Навтика, Оптика, Астрономія, Военныя науки, Естественныя науки: Физика, Химія, Естественная Исторія, Зоологія, Ботаника и Минералогія отдѣльно, Медицина со всѣми ея сложными частями, включая даже и скотоврачеваніе; Юриспруденція, Ѳеологія съ своею Апологетикою, Догматикою, Полемикою и проч. и проч. Это энциклопедическое воззрѣніе сходится нѣсколько съ воззрѣніемъ Тирабоски въ его Исторіи Италіянской Словесности. Онъ обыкновенно начинаетъ краткимъ очеркомъ Исторіи политической, потомъ предлагаетъ исторію того, что государи сдѣлали въ пользу наукъ; послѣ исторію Университетовъ, школъ, Академій, библіотекъ, книгъ, открытія древностей, путешествій, потомъ наукъ, какъ то: Богословія, Философіи, Математики, Медицины, Юриспруденціи гражданской и духовной, наконецъ Изящной Словесности, куда входитъ Исторія, иностранные языки, Поэзія Италіянская, Латинская, Грамматика и Риторика, Краснорѣчіе и изящныя искуства. Такой объемъ, не смотря на неправильность распредѣленій и сбивчивость понятій, возможенъ еще для Исторіи Словесности въ одной странѣ; но всю Словесность міра обнять въ такомъ размѣрѣ есть мысль несбыточная. Въ такомъ случаѣ, гораздо лучше и удобнѣе прибѣгать къ формѣ Атласовъ и всемірныхъ картъ, какъ напр. Атласъ Лесажа для Всемірной Исто-

ріи. Такого рода Атласъ для именъ составленъ теперь во Франціи Гмъ де-Манси подъ названіемъ: Atlas historique et chronologique des littératures. Paris, 1830.

Изъ сей-то всеобъемлющей Исторіи Словесности, я отдѣляю ту часть Исторія слова человѣческаго, въ которой изъ трехъ вышеозначенныхъ дѣятельностей выражается исключительно дѣятельность художественная, и избираю ее предметомъ своихъ занятій. Я не считаю нужнымъ здѣсь объяснять вамъ, что́ такое художественная или эстетическая дѣятельность человѣка? Предполагаю, что это должно быть совершенно вамъ извѣстно изъ лекцій Эстетики. Слово, какъ явленіе или форма эстетической жизни, есть цвѣтъ всего слова человѣческаго и называется словомъ изящнымъ. Посему-то *Исторія изящной Словесности*, исключительная область моихъ занятій, возвышается, по значенію своего предмета, надъ прочими частями Исторіи Словесности и образуетъ независимую и самостоятельную науку.

Поэзія и Краснорѣчіе суть два исключительныя проявленія изящнаго слова. Онѣ различаются между собою не по формѣ, а единственно по цѣли. Поэзія есть искусство самобытное; въ ней слово служитъ красотѣ; оно есть живая ея форма; оно выходитъ здѣсь на степень жизни свободной, самостоятельной. Краснорѣчіе-же употребляетъ изящное, украшенное слово, для цѣли жизни ученой или гражданской. Здѣсь изящество слова усту-

паетъ первенство истинѣ и убѣжденію. Краснорѣчіе бываетъ Ученое, Историческое и Ораторское. Всякая наука имѣетъ потребность въ словѣ какъ орудіи; всякая наука имѣетъ свою Словесность. По сему Краснорѣчіе Ученое должно быть сокращено въ своихъ предѣлахъ, когда вводится въ область Исторіи Изящной Словесности: иначе мы впадемъ снова въ туже необъятность предмета, о которой прежде говорили. Поелику всѣ науки сосредоточиваются около Философіи и отъ нея заимствуютъ свое направленіе; къ тому же и явленія изящной Словесности подвергаются ея вліянію: то въ Исторіи Словесности ограничиваютъ область Ученаго Краснорѣчія разсмотрѣніемъ сочиненій философовъ, сообщавшихъ главное направленіе умственному міру человѣка. Изъ прочихъ же наукъ обращать можно особенное вниманіе на Теорію изящной Словесности, какъ науку всѣхъ ближе относящуюся къ предмету нашей Исторіи и всегда непосредственно подвергавшуюся философскому воззрѣнію вѣка. Такимъ образомъ, Фридрихъ Шлегель въ своей Исторіи Словесности предметы ея ограничиваетъ: Философіею, Исторіею, Краснорѣчіемъ въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. ораторскимъ, и наконецъ Поэзіею, во всѣхъ ея видахъ (*). Исторія каждаго изъ этихъ предметовъ, входящихъ въ Исторію Словесности Шлегеля, предлагается у него совершенно отдѣльно, и ни-

(*) Исторія древней и новой Литтературы. Соч. Фридриха Шлегеля. Переводъ съ Нѣмецкаго. Двѣ части. С. П.бургъ 1830.

сколько не показано взаимное ихъ вліяніе другъ на друга. По тому-то сочиненіе Шлегеля представляетъ одну только мнимую наружную связь, а внутренней не имѣетъ.

Ф. Шлегель не систематикъ: онъ не слѣдуетъ примѣру другихъ Нѣмцевъ и не силится вбить Исторію Словесности въ тѣсную рамку какого нибудь умственнаго логическаго построенія. Такъ дѣлаетъ напр. Астъ въ своей Исторіи Поэзіи и другіе. Шлегель нападаетъ вообще на Нѣмецкій систематизмъ; онъ не любитъ его. Онъ негодуетъ также на исключительныя Нѣмецкія теоріи о формахъ Поэзіи; находитъ, что гораздо-бы было важнѣе опредѣлить теорію содержанія Поэзіи, ибо этою теоріею опредѣлились-бы отношенія между Поэзіею и жизнію, которыя составляютъ главную тайну науки Поэзіи, тайну неразгаданную. Сочиняя свою Исторію Словесности, онъ имѣлъ въ виду пособить этому недостатку. Вотъ его собственныя слова:

«Опредѣлить истинное и точное отношеніе Поэзіи къ настоящему и прошедшему: вотъ задача, касающаяся до самой глубины, до внутренней сущности искусства. Вообще наши теоріи, кромѣ нѣкоторыхъ общихъ, пустыхъ и почти всегда ложныхъ воззрѣній на искусство и на прекрасное, кромѣ такихъ же опредѣленій, ни къ чему неведущихъ, — содержатъ по большей части разсужденія о формахъ Поэзіи, которыхъ знаніе хотя и необ-

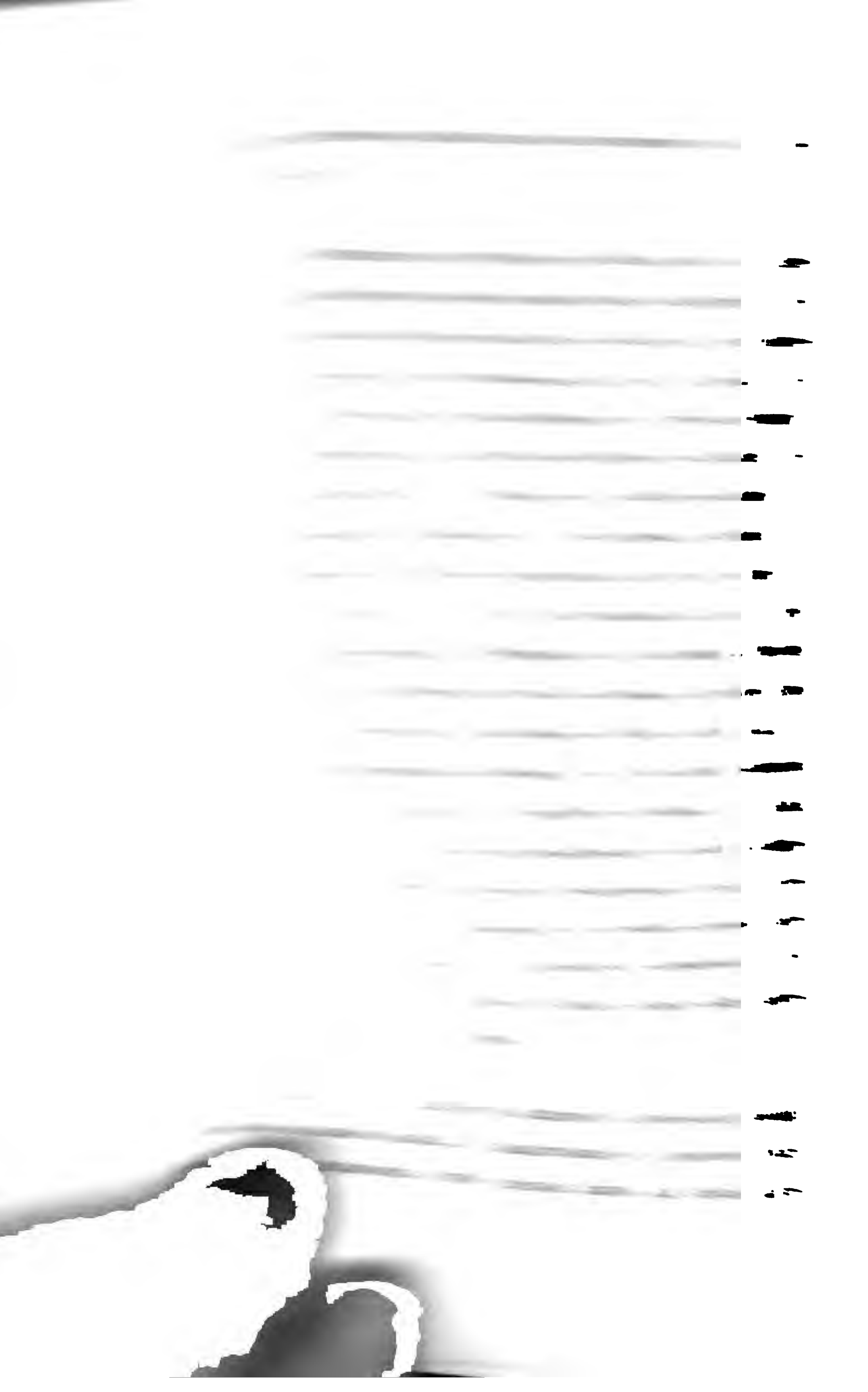
ходимо, но весьма недостаточно. Теорія же Поэзіи въ отношеніи къ содержанію едва ли существуетъ, хотя она несравненно была бы важнѣе: ибо ею опредѣлялось бы отношеніе Поэзіи къ жизни. Въ предлагаемыхъ чтеніяхъ я старался пособить этому недостатку и излагалъ такую теорію вездѣ, гдѣ только встрѣчалъ къ тому поводъ.» Такое устраненіе отъ теоріи было причиною того, что книга Шлегеля потеряла въ мертвой связи, но за то выиграла въ жизни. Я не предложу вамъ теперь полнаго и подробнаго разбора всего сочиненія Шлегеля; но постараюсь предостеречь васъ только отъ несправедливыхъ, однако иногда привлекательныхъ его мнѣній, которыя проистекаютъ въ немъ отъ его вѣры, отъ его личнаго образа мыслей, отъ мнѣній, такъ сказать, его религіозной совѣсти.—Ф. Шлегель былъ сначала протестантъ, но потомъ обратился къ католицизму, который принялъ въ немъ, какъ въ Нѣмцѣ, мистическое направленіе. Онъ новообращенный Католикъ, Мистикъ и Богословъ. Въ его душѣ не остыло еще это борeніе, въ слѣдствіе котораго онъ оставилъ вѣру Протестанскую для Католической. Еще горячи въ его душѣ впечатлѣнія отъ занятій Богословіемъ. Все это отразилось въ немъ, какъ критикѣ, и мѣшало его безпристрастію. Отъ того онъ въ Исторіи Слова видитъ символъ Исторіи Слова вѣчнаго, какъ онъ самъ говоритъ въ концѣ своего сочиненія. Отъ того въ его лицѣ мѣшаются Критикъ и Мистикъ. Отъ того онъ часто теменъ и недоступенъ для Русскаго переводчика.

Изъ этого господствующаго Западно-Католическаго образа мыслей проистекають многія его сужденія; напр. отчужденіе его отъ Реформаціи, устраненіе отъ Якова Бёма и мысль о невозможности народной философіи, мысль совершенно Католическая. Калдеронъ у него первый поэтъ и даже выше Шекспира, потому что выражаетъ идею апоѳеозы Христіанской; потому что Калдеронъ, какъ Испанецъ, католикъ — фанатикъ и Лирикъ. Въ Дантѣ порицаетъ Шлегель грубость Гибеллина и строптивую вражду противъ Папы. — Онъ видитъ возможность спасенія міра въ новой школѣ Ламенне (*), къ которой онъ самъ принадлежалъ, а въ поэзіи Ламартина выраженіе обновленнаго истиннаго современнаго духа. — Для него Гёрресъ, извѣстный Мюнхенскій Профессоръ, Іезуитъ и ревностнѣйшій поборникъ католицизма въ Германіи, есть въ высшей степени ея писатель національный. Боссюэту онъ отдаетъ преимущество передъ прочими писателями Франціи, все по той же причинѣ, т. е. какъ краснорѣчивому поборнику католицизма. — Шекспиръ у него только поэтъ естества, но непостигшій совершенной загадки жизни, и уступаетъ Калдерону, какъ поэту вѣры, постигшему въ глазахъ Шлегеля сію загадку. Здѣсь чувство Католика мѣшаетъ чувству безпристрастнаго критика. Вообще о философіи Ф.

(*) Т. е. въ прежней его школѣ, а не въ новой, уничтожающей вѣру.

Шлегель судитъ немилосердо. Самого Канта онъ порицаетъ. — Имъ руководствуетъ идея сильная и прочная: начало истинной философіи онъ видитъ въ подчиненіи знанія Вѣрѣ, философіи Откровенію; но къ сожалѣнію, эта идея приняла въ немъ одностороннее католическое направленіе.

Отъ открытій на Востокѣ, отъ занятій древностями и вѣроученіями Индіи онъ ждетъ также пользы для распространенія Католической Религіи. Можетъ быть, здѣсь уже чувство ученаго завлекало его въ какія-то мечты несбыточныя. Для него вся Поэзія есть Романтическая, ибо должна быть выраженіемъ любви или высшаго стремленія духа человѣческаго. Словомъ, Нѣмецко-Католическій мистицизмъ положилъ свою печать на все это сочиненіе, и этой-то односторонности взгляда должно остерегаться и не совсѣмъ довѣрять Шлегелю тамъ, гдѣ въ его мнѣніи проглядываетъ или можетъ проглянуть Католикъ. Во всѣхъ прочихъ его воззрѣніяхъ ему можно слѣдовать. Не льзя не замѣтить однако, что Исторія древней Словесности у него очень слаба въ сравненіи съ Исторіею новой Романтической Словесности. Особенно Греческіе писатели всѣ характеризованы слабо. Это проистекаетъ отъ того, что онъ болѣе устремлялся на занятія такъ называемою Романтическою Литературою или Литературою среднихъ вѣковъ, ибо онъ былъ однимъ изъ главныхъ поборниковъ возобновленія Романтической Поэзіи въ Германіи, и отъ школы

сорѣчіе и Поэзія, не по однимъ законамъ, въ народахъ развиваются: къ тому же и явленія ихъ разнообразны. Съ другой стороны, сосредоточившись въ Исторіи одного предмета, гораздо легче и удобнѣе развивать около него Исторію и тѣхъ, которые имѣютъ съ нимъ сношеніе. А предметовъ, которые входятъ въ сношеніе съ Исторіею Поэзіи, какъ увидимъ мы ниже, довольно.

Ограничивъ предметъ своихъ занятій Исторіею Поэзіи, я постараюсь предварительно создать себѣ идеалъ такой Исторіи, олицетвореніе котораго будетъ постояннымъ предметомъ трудовъ моихъ; а для этого я долженъ прежде изложить мои мысли о Поэзіи.

Опредѣлить значеніе Поэзіи есть все тоже, что опредѣлить ея отношеніе къ жизни. Въ этомъ-то состоитъ главная задача: потому-то Поэзія гораздо лучше, многостороннѣе опредѣляется въ Исторіи своей, нежели въ Эстетикѣ. Въ этомъ отношеніи слова Шлегеля, которыя я привелъ прежде, совершенно справедливы. Всякое опредѣленіе мертво. Поэзія будетъ трупомъ, формулою, если мы захотимъ заключить ее въ границы тѣснаго опредѣленія. Надобно оживить ее въ себѣ, ее почувствовать, узрѣть ее; надобно, чтобы мертвое опредѣленіе перешло въ живое ея созерцаніе, чтобы теорія Поэзіи перешла въ ея Исторію.

Вообще всѣ способы смотрѣть на Поэзію раздѣляются на два главныя, совершенно противоположныя другъ

другу воззрѣнія. Одни говорятъ, что Поэзія есть самобытное, ни отъ какихъ внѣшнихъ обстоятельствъ независящее, безусловное твореніе человѣческаго духа. Сюда относится ученіе всѣхъ Идеалистовъ Нѣмецкихъ. Всѣ Нѣмецкія Эстетики,—кромѣ Жанъ-Полевой, которая есть на нихъ Сатира, разрушающая всѣ системы,—всѣ Эстетики, имѣютъ, по большой части, это воззрѣніе. Жанъ-Поль называетъ такого рода Идеалистовъ—*Нигилистами*, потому что они хотятъ создать міръ Поэзіи изъ ничего.

Другаго рода воззрѣніе, совершенно противоположное первому, говоритъ, что Поэзія есть вѣрное подражаніе жизни, рабская копія съ природы. Такого рода эмпириковъ называетъ Жанъ-Поль матеріалистами: ибо они искусство приковываютъ, такъ сказать, къ веществу, къ матеріи. И то и другое воззрѣніе ошибочно. Обѣ этѣ крайности системъ уже не существуютъ въ такой силѣ, какъ прежде; онѣ стали сближаться между собою. Однако еще большіе слѣды и той и другой видны въ теперешнемъ воззрѣніи на Поэзію, и слѣды этихъ теорій отразились во многихъ школахъ искусства, во многихъ произведеніяхъ.

Разберемъ первое воззрѣніе Жанъ-Полевыхъ Нигилистовъ и представимъ все что̀ можно сказать противъ нихъ. Поэзія, по ихъ ученію, есть исключительное произведеніе духа человѣческаго. Развернемъ Исторію: ибо

законъ, который не оправдывается главными ея явленіями, несправедливъ. Вникните въ Поэзію величайшихъ поэтовъ, каковы Гомеръ, Дантъ и Шекспиръ: это первое и самое блистательное тройственное созвѣздіе на богатомъ небѣ Поэзіи! Не видимъ ли во всякомъ ихъ стихѣ слѣдъ того, что они жили; что они глубоко изучали природу; что они проникли въ міръ дѣйствительный до самой сокровеннѣйшей его глубины; что они въ немъ все замѣтили отъ Бога до червя? Какъ на всѣхъ ихъ произведеніяхъ горятъ слѣды этой жизни! Развернемъ біографіи поэтовъ, эти лучшія, занимательнѣйшія страницы Исторіи Поэзіи. Отъ темныхъ преданій объ жизни Гомера, этого генерическаго лица, намъ осталось только, что онъ былъ кочующій пѣвецъ-нищій и слѣпецъ. Первое говоритъ противъ Нигилистовъ, второе за нихъ. Видно и сочинители біографіи Гомеровой имѣли это двоякое мнѣніе. Не посредствомъ ли этой кочующей жизни Гомеръ такъ глубоко изучилъ людей и природу? Прочитавши Иліаду и Одиссею, мы, по внушенію здраваго смысла, должны непремѣнно согласиться съ этимъ: чтобы такъ разсказывать сраженія, — чтобы съ такою подробностію описывать раны, надо было непремѣнно Гомеру или Гомерамъ бывать въ сраженіяхъ, самому ихъ видѣть, самому ранить и быть ранену. Чтобы такъ изобразить путешествіе по морямъ, чтобы такъ разсказывать всѣ подробности этого странствія, надо непремѣнно Гомеру быть самимъ Одиссеемъ. Гомеръ, если и ослѣпъ, то послѣ: онъ жилъ и видѣлъ, и потомъ ослѣпъ , и все видѣн-

ное имъ прежде, перенесъ въ Поэзію. Вотъ величайшій символъ того, что̀ есть Поэзія. Краткое темное преданіе объ Гомерѣ есть лучшее ея опредѣленіе.

Вникните въ жизнь Данта: не въ своемъ ли изгнаніи изощрялъ онъ въ себѣ этотъ вѣрный взглядъ на природу? Не изъ источника ли несчастія, этого глубокаго источника жизни, почерпнулъ онъ свою Поэзію? Не выстрадалъ ли онъ ея внѣ своей Флоренціи?—Взгляните на этого бѣднаго Камоэнса: онъ въ юности влюбленъ страстно и несчастно; онъ солдатъ и морякъ; онъ въ первомъ сраженіи теряетъ глазъ; несчастный въ отчизнѣ, ѣдетъ въ восточную Индію; онъ въ изгнаніи на островѣ Макао; въ одной рукѣ, по его же словамъ, у него книга, въ другой мечъ; въ одной перо, въ другой шпага! Вотъ символъ истиннаго Поэта! На одинокой скалѣ острова, на берегу моря, онъ воспѣваетъ подвигъ Васко де Гамы! Вотъ кабинетъ Поэта!—Возьмите Шекспира: если-бы онъ не прошелъ всей лѣствицы жизни общественной отъ смиреннаго дома отца его, который продавалъ шерсть, до чертоговъ Елисаветы, вышелъ ли бы изъ него этотъ великій практикъ?—Возьмите Тасса и Мильтона! Какими страданіями была искуплена ихъ Поэзія! Возьмите этого Байрона, который жилъ еще на глазахъ нашихъ. Не изъ его ли жизни текла его Поэзія? — Гёте самъ говоритъ, что первою его поэтическою школою были мастерская ремесленника, тронная Государей, Государственные архивы во Франкфуртѣ. Вездѣ вы видите, что По-

эты жили; что имъ нужна была жизнь; что въ ней черпали они Поэзію; что они самые вѣрные сыновья и друзья природы. Жанъ-Поль прекрасно выражается: «для чистаго прозрачнаго стекла Поэта необходимо нужна подкладка темной жизни: тогда только это стекло онъ превратитъ въ зеркало, отражающее жизнь.»

Возьмите еще примѣры другаго рода. Отъ чего, напримѣръ, эпическая Поэзія, требующая подробнаго и вѣрнаго описанія предметовъ, требующая опытовъ, наблюденій, никакъ не удается молодымъ людямъ, не привыкшимъ еще къ подробностямъ, потому что глаза ихъ не остановились ни на чемъ? Для этого нуженъ опытъ, ударъ жизни. Всѣ эпическіе Поэты довершали свои Поэмы уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ. Отъ чего, напримѣръ, Романы, родъ, также близкій къ эпическому и требующій непремѣнно житейской опытности, нисколько не удается литературной молодежи, ни во Франціи, ни у насъ? Онъ требуетъ опытности личной. Всѣ Романисты стали писать въ зрѣлыхъ лѣтахъ. Валтеръ Скоттъ принялся за Романъ 35-ти лѣтъ. Манзони также. Ричардсонъ долго былъ типографщикомъ и велъ большую переписку для своего заведенія, прежде нежели принялся за Клариссу, за Романы въ письмахъ.—Отъ чего молодые люди скорѣе увлекаются лирическимъ родомъ? Отъ чего ихъ трагедіи изобилуютъ лиризмомъ? Отъ того, что лиризмъ не требуетъ никакихъ запасовъ природы и жизни; онъ льется изъ души собственной, хотя и здѣсь глубина Поэзіи

требуетъ глубины жизни, глубины ранъ и ощущеній душевныхъ. Отъ чего молодые люди любятъ летать своимъ воображеніемъ въ неизвѣстныя страны, въ Италію, въ Грецію, на Востокъ, и тамъ искать идеальныхъ сюжетовъ? Отъ того, что тамъ легче строить воздушные замки.—Отъ чего въ своихъ Романахъ или Поэмахъ они любятъ выводить героемъ живописца или поэта? Потому что ему легче вложить свои собственныя мысли и ощущенія.

Жизни, жизни требуетъ Поэзія. Жанъ-Поль говоритъ: «молодому человѣку лучше должность въ службѣ, чѣмъ книга; въ старости обратное. Молодой человѣкъ, во цвѣтѣ силъ, извлекаетъ часто природу изъ Поэмы, вмѣсто того, чтобъ изъ природы извлекать Поэму». Должно заранѣе вникать въ эту жизнь, въ эту природу. Исторія и природа—двѣ великія наставницы Поэта. Въ нихъ тайна Поэзіи. Ихъ-то изучать надо.

Перейдемъ къ *Матеріалистамъ*. Они также неправы: Исторія также сильно обличаетъ во лжи ихъ односторонній взглядъ на Поэзію. Ихъ обличаютъ біографіи тѣхъ же самыхъ Поэтовъ, которыхъ я привелъ въ доказательство противъ Нигилистовъ. Поэзія не есть рабская копія съ природы и жизни: въ ней съ полною свободою дѣйствуетъ фантазія человѣческая. Эпическая Поэзія отличается какимъ-то удивительнымъ спокойствіемъ, ровностію духа въ Поэтѣ: этому должна бы

соотвѣтствовать и жизнь Поэта. Напротивъ: большая часть Эпическихъ Поэтовъ вели самую бурную, самую несчастную жизнь, какъ-то: Гомеръ, Дантъ, Камоэнсъ, Тассъ и Мильтонъ.—Драматическая Поэзія отличается отъ эпической сильными движеніями дѣятельныхъ страстей, кровавыми, внезапными катастрофами, однимъ словомъ, бурею жизни. И чтоже? Большая часть драматиковъ вели жизнь тихую, спокойную, счастливую. Таковы Софоклъ, Еврипидъ, Лопе-де-Вега, Гёте. Самый Шекспиръ, кромѣ перваго побѣга, былъ вообще очень счастливъ въ жизни. Этотъ страшный Викторъ Гюго, который своими кровавыми сценами производитъ судороги во всемъ партерѣ и одною чертою пера поднимаетъ его съ мѣста, этотъ Гюго, говорятъ, есть очень кроткій и добрый отецъ семейства. Какимъ-же образомъ жизнь бурная Эпическихъ Поэтовъ переходитъ въ спокойное созерцаніе, напротивъ жизнь спокойная Драматиковъ выражается въ буряхъ Поэзіи?—Какъ разрѣшить это противорѣчіе, если не предположить свободной творческой силы въ фантазіи человѣка, которая по своему претворяетъ данныя отъ жизни и природы?—

Темно преданіе объ Гомерѣ, что онъ былъ слѣпецъ, но о Мильтонѣ мы знаемъ точно, что онъ ослѣпъ. Гдѣ же, если не въ духѣ своемъ, созерцалъ онъ то, что представилъ въ Поэзіи? Дантъ не изобразилъ ли намъ міра невидимаго, міра подземнаго и небеснаго, котораго вѣрно онъ не видалъ тѣлесными очами? Гдѣ же создался

этотъ міръ, гдѣ онъ принялъ образъ стройнаго и цѣлаго міра, если не въ его духѣ?

Отъ чего одна и таже природа, одна и таже жизнь, въ разныхъ Поэтахъ отражается различнымъ образомъ? Не показываетъ ли это свободнаго творчества души человѣческой?—Отъ чего, когда насъ бьетъ лихорадка страсти, мы писать стиховъ не можемъ?—Возьмите Лирическую Поэзію: не вся ли она льется изъ свободныхъ движеній души человѣческой? Конечно и она требуетъ жизни внутренней: но отъ чего Лира одного Поэта всегда уныла, задумчива, не смотря на то, что онъ веселаго характера? У другаго же бываетъ напротивъ.

И какъ не признаться, какъ не согласиться, если мы вѣримъ въ безсмертіе души, что многія тайны, многія тайны жизни мы предчувствуемъ, постигаемъ прежде, нежели онѣ намъ откроются; что мы часто разгадываемъ многое въ жизни, прежде нежели проживемъ это? Отсюда сочувствіе наше съ ближними, отсюда сочувствіе поэтическое, отсюда сочувствіе съ міромъ невидимымъ, надземнымъ.—«Поэзія, говоритъ Жанъ-Поль, можетъ близко подлетать къ одинокой душѣ и слышать самое тихое ея слово, которымъ она выражаетъ свое безконечное горе или радость: будь же она Шекспиромъ и скажи намъ это слово. Какъ часто человѣкъ, въ бурѣ страсти, не слышитъ голоса собственной души своей:—но этотъ голосъ да не укроется отъ Поэзіи, какъ самый нѣмой вздохъ не

утаится отъ Божества! Развѣ нѣтъ извѣстій о другомъ мірѣ, которыя доносятся къ намъ на крыльяхъ Поэтовъ? Развѣ нѣтъ міра, который начинается тамъ, гдѣ уже нѣтъ человѣка,—міра, который мы предчувствуемъ? Взгляните на умирающаго, одиноко лежащаго въ своей мрачной пустынѣ: около него стоятъ живые, вдали, какъ низкія облака на небосклонѣ, а онъ одинокій въ своей пустынѣ живетъ и умираетъ: мы ничего не знаемъ о его послѣднихъ мысляхъ, о его послѣднихъ видѣніяхъ; но Поэзія своимъ лучемъ, какъ молніей, разсѣчетъ мракъ пустыни, и мы проглядываемъ въ послѣдній часъ одинокаго.»

А какимъ образомъ объяснимъ мы идею, которая незримо присутствуетъ во всякомъ великомъ произведеніи Поэзіи и соединяетъ его въ одно стройное цѣлое, даетъ ему и значеніе и цѣль, если не признаемъ свободной творческой силы въ духѣ человѣка?

Довольно, кажется, противъ Матеріалистовъ. И тѣ и другіе неправы. «У Нигилиста, какъ говоритъ Жанъ-Поль, нѣтъ вещества, а потому нѣтъ и оживленной формы; у Матеріалиста вещество не оживляется и потому также нѣтъ формы: въ обѣихъ крайностяхъ исчезаетъ Поэзія. У Матеріалиста въ рукахъ глыба земли, но онъ не можетъ вдунуть въ нее души оживляющей; Нигилистъ хочетъ оживить душою, но нѣтъ у него этой глыбы. Истинный Поэтъ, въ сочетаніи искусства и природы, будетъ дѣйствовать подобно устроителю парка,

который къ своему искуственному саду умѣетъ присоединить всѣ окрестности природы; но эту ограниченную природу онъ окружитъ безконечностью идеи, и природу посредствомъ мысли перенесетъ въ небо».

Въ этихъ неопредѣленныхъ, поэтическихъ словахъ Жанъ-Поля заключается разгадка тайны. Жизнь, природа даютъ богатое вещество Поэту; но идея художественная, идея безсмертная есть собственность безсмертной души его.

ЧТЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Дополнительныя замѣчанія къ предъидущему. — Какъ въ Поэзіи отражается жизнь народовъ? — Какъ въ Поэзіи отражается жизнь Поэта? — Идеалъ Исторіи Поэзіи. — Польза національная. — Преимущество Исторіи Поэзіи надъ Піитикою. — Раздѣленіе. Три главныхъ періода. — Этнографическое дополнительное раздѣленіе. — Причины, побуждающія меня предложить Исторію Поэзіи вообще. — Первый вопросъ въ этой наукѣ. — Разныя мнѣнія о началѣ Поэзіи. — Первое начало ея въ созданіи языка. — Поэтическіе элементы языка человѣческаго.

Въ прошедшій разъ, ММ. ГГ., я не успѣлъ извлечь одного полнаго результата изъ всего сказаннаго мною противъ двухъ противоположныхъ и одностороннихъ воззрѣній на Поэзію. Время не позволило мнѣ надлежащимъ образомъ округлить этотъ результатъ, уничтожить противорѣчія и сомнѣнія, какія могли бы въ васъ возникнуть, и наконецъ примѣнить этотъ результатъ къ Исторіи Поэзіи, потому что изложеніе мое, какъ я вамъ сказалъ прежде, должно быть и въ теоретическихъ вопросахъ чисто-историческое. Вы могли замѣтить, что самый вопросъ о Поэзіи я старался вамъ рѣшать практически, приводя событія, развертывая безпрестанно Исторію: ибо дѣло мое—Исторія, а не Теорія.

Прошивъ Нигилисшовъ Жанъ-Поля, которые ошвергаюшъ участіе внѣшняго міра въ Поэзіи, я привелъ біографіи славнѣйшихъ Поэшовъ, которые вели жизнь самую бурную, исполненную превращносшей. Прошивъ Машеріалисшовъ, которые ошвергаюшъ свободное творчество въ Поэзіи, я привелъ также историческое событіе: жизнь поэтовъ эпическихъ и драматическихъ, находящуюся въ обратномъ отношеніи къ ихъ Поэзіи. Эпики, по большей части, вели жизнь самую бурную, самую страдальческую: эта жизнь напитала ихъ; опытность, плодъ этой жизни, запечатлѣла яркій слѣдъ на каждомъ ихъ стихѣ; но эта жизнь бурная перешла въ нихъ въ спокойное и ясное поэтическое созерцаніе: таковъ характеръ Эпоса.

Драматики, напротивъ, вели жизнь спокойную, тихую, и она выражалась у нихъ въ Поэзіи совершенно иначе, переходила въ бурю, въ сильное движеніе страстей: такова Драма. Это превращеніе или обратное отношеніе жизни Поэтовъ къ ихъ Поэзіи, я привелъ противъ Матеріалистовъ, но не въ пользу Нигилистовъ. Оно ясно свидѣтельствуетъ присутствіе свободной творческой силы въ душѣ человѣка, силы, которая по своему преобразуетъ жизнь внѣшнюю.

Въ нѣкоторыхъ изъ васъ, при разрѣшеніи такого утонченнаго вопроса, который держится между двухъ

крайностей, могло возникнуть сомнѣніе. Вамъ можетъ быть показались страннымъ противорѣчіемъ этѣ двѣ страницы въ біографіи двухъ Поэтовъ:

«Камоэнсъ съ мечемъ въ одной рукѣ, съ лирою въ другой, Камоэнсъ, на морѣ, на скалѣ острова Макао! А Гёте въ тиши своей семьи и кабинета!» Когда вы сравнили бурную жизнь перваго съ мирной жизнію втораго,— вамъ могла эта послѣдняя показаться не жизнію въ отношеніи къ первой. Такъ и вообще, счастливая и спокойная жизнь Поэтовъ драматическихъ, избранныхъ мною для примѣра, въ сравненіи съ жизнію Эпиковъ. Дѣло въ томъ, что всѣ Поэты живутъ по преимуществу передъ прочими человѣками: они всѣ одарены большею степенью жизни чѣмъ обыкновенные люди, потому что одарены большею степенью страдательнаго, воспринимательнаго чувства. Поэты всѣ какъ будто составлены изъ этого чувства; они очень похожи на это растеніе, которое Французы называютъ *чувствительнымъ* [la Sensitive]. Явленія, для другихъ обыкновенныя и скользящія непримѣтно по душѣ не-поэтической, оставляютъ на душѣ Поэта глубокое впечатлѣніе, переходятъ въ жизнь его. Поэты—струны, натянутыя на все человѣчество; всякое чуть замѣтное движеніе сотрясаетъ ихъ; они—та Эолова арфа, которая своими гармоническими звуками доноситъ вамъ о малѣйшемъ дуновеніи вѣтерка.—И въ мирной семейной жизни, читая книгу Исторіи, Поэтъ умѣетъ жить, потому что жить

ему необходимо; потому что онъ созданъ для того, чтобъ жить за другихъ.

Конечно, Гомеръ, судя по темнымъ преданіямъ и по его собственнымъ пѣснямъ, Дантъ и Камоэнсъ, судя по ихъ біографіямъ, особенно по біографіи послѣдняго, весьма богатой рѣдкими приключеніями, конечно эти Поэты; кажется, болѣе жили чѣмъ другіе, потому, что жизнь ихъ богата событіями внѣшними, видимыми, осязаемыми.... Но можно ли написать исторію всѣхъ частныхъ впечатлѣній, происходящихъ въ душѣ Поэта середи его мирной семейной жизни; можно ли уловить невидимую біографію души его, живущей непрерывно, принимающей жизнь отъ всякаго явленія?

Поэты драматическіе, которые вели спокойную, мирную жизнь, жили не менѣе. Это счастливые плаватели, но все-таки плаватели: ихъ море тихо, безбурно; небо ясно; вѣтеръ имъ попутенъ; но они свободною волею своей фантазіи, порывомъ мысли драматической, превращаютъ эту тишину въ бурю; воздвигаютъ морскія волны; тьмятъ небо тучами; они хотятъ—кораблекрушенія. Гомеръ, Тассъ и Камоэнсъ-плаватели несчастные: жизнь ихъ покрыта горами волнъ разъяренныхъ; корабль ихъ ладья; съ неба сыплютъ на нихъ молніи и громы; но творческая сила души человѣческой еще болѣе здѣсь торжествуетъ. Она укрощаетъ эту бурю; она уравниваетъ эти волны и наводитъ на спокойное, ясное море—спокой-

ное, ясное небо, и это чудо есть дѣйствіе идеи эпической. И тѣмъ и другимъ Поэтамъ однако нужно море, нужна стихія, безъ которой не могутъ они совершить чудеснаго подвига души своей.

Повторю же опять сказанное мною заключеніе, которое будетъ теперь для васъ яснѣе. Жизнь, природа даютъ богатое вещество Поэту; но идея художественная, идея безсмертная есть собственность безсмертной души его. Безконечная душа Поэта принимаетъ въ себя жизнь и природу, несущія къ нему всѣ свои сокровища, всѣ временные дары свои: онъ силою мысли творческой претворяетъ ихъ въ стройныя и вѣчныя созданія; ибо онъ одинъ посвященъ въ тайны гармоніи жизни и слышитъ ее чуткимъ слухомъ. Онъ одинъ изъ смертныхъ существъ способенъ въ нестройную массу, въ мертвое вещество, вдунуть мысль, душу живу.

Примѣнимъ же все это къ нашему предмету, къ Исторіи Поэзіи. Посмотримъ, какимъ образомъ жизнь человѣчества съ одной стороны, и свободная фантазія народа и Поэта съ другой, дѣйствовали въ оной и участвовали въ произведеніяхъ поэтическихъ?

Всякая значительная эпоха жизни человѣческой, въ которой было богатое и дѣятельное развитіе силъ, нашла свое отраженіе въ Поэзіи. Таковы, напримѣръ, преиму-

щественно двѣ первобытныя эпохи въ жизни человѣчества, начавшія древній и новый міръ Европы. Имъ соотвѣтствуютъ два самородные типа въ Поэзіи, два Эпоса. Первоначальный міръ Греція, это столкновеніе Азіи съ Европой, этотъ переходъ изъ періода жизни пастушеской и земледѣльческой въ міръ войны и гражданственности, нашелъ свое отраженіе, свое вѣрное зеркало въ блистательныхъ эпосахъ Гомера или Гомеридовъ. Другой, подобный же первобытный міръ въ отношеніи къ Западу Европы, міръ Рыцарства, міръ развитія личной силы человѣка, нашелъ также свое отраженіе въ Рыцарскомъ Романѣ или въ Романтическомъ Эпосѣ. Такимъ образомъ, всякая несложная эпоха жизни человѣческой, въ которой богато и полно развивались силы ея дѣятельности, находитъ непремѣнно самое вѣрное и полное отраженіе въ Поэзіи.—Когда же человѣческая жизнь становится сложнѣе въ своихъ стихіяхъ, когда явленія ея развиваются подробнѣе; когда жизнь, такъ сказать, дробится, разсыпается на мгновенія, теряетъ характеръ массы;—тогда и Поэзія дробится, покидаетъ характеръ огромной Поэмы и уже не массами, не полными энциклопедическими Поэмами, но въ родахъ болѣе отрывочныхъ, пѣснями, драмами, сатирами и проч., выражаетъ эту жизнь огромную, невмѣстимую.

Но какимъ-же образомъ совершается отраженіе каждой изъ эпохъ человѣческой жизни въ Поэзіи? Жизнь человѣческая, во всякомъ періодѣ сильнаго своего развитія,

всегда сама оставляетъ жаркіе слѣды своихъ впечатлѣній на томъ человѣчествѣ, гдѣ она развивалась. Эти слѣды преданіемъ переходятъ отъ поколѣнія къ поколѣнію. Сначала всѣ этѣ преданія, всѣ этѣ впечатлѣнія отрывчаты, разбросаны, разсѣяны; это изустныя рапсодіи; это первый періодъ Поэзіи, періодъ общенародный въ обширномъ смыслѣ... Тогда весь народъ становится Поэтомъ; тогда пѣсня ходитъ изъ устъ въ уста, летаетъ по народу какъ соловей; но по мѣрѣ того какъ жизнь изъ настоящаго переходитъ въ минувшее, эти отрывки сливаются, срастаются, и наконецъ находятъ стройное цѣлое въ свободной фантазіи одного человѣка и одушевляются его творческою мыслію. Тогда наступаетъ второй періодъ Поэзіи человѣческой, когда она дѣлается искусствомъ, собственностью частныхъ лицъ.

Троянская война двумя вѣками отдѣлена отъ своего Гомера или Гомеридовъ, и на сколько вѣковъ отъ того, кто далъ форму Поэмы нестройнымъ рапсодіямъ! — Вѣкъ Карла Великаго и Рыцарей его времени на разстояніи единицомъ трехъ вѣковъ отъ своихъ Труверовъ и еще болѣе отъ Аріоста. — Крестовые походы на большомъ пространствѣ времени отъ пѣвца ихъ Тасса. И такъ, вы видите изъ этихъ примѣровъ, что жизнь, — чтобы слиться въ одно свѣтлое, художественное цѣлое, чтобы образовать міръ полный, чтобы перейти въ стройную Поэму, — должна непремѣнно отдалиться отъ

насъ, улетѣть въ небеса, принять образъ планеты, — и тогда-то лучи ея, собираясь во всей полнотѣ своей, падаютъ въ фокусъ какого нибудь земнаго генія; онъ слѣдитъ эту планету своею свободною фантазіею; онъ живетъ въ ней; онъ роднится съ нею; онъ овладѣваетъ ею; онъ одушевляетъ ее своею мыслію; притягиваетъ ее къ себѣ; онъ снова, силою искусства, силою воскрешающаго воображенія, возвращаетъ намъ эту жизнь съ неба на землю, и временное, улетающее, дѣлаетъ у насъ вѣчнымъ.

Но Поэтъ прикованъ къ своей землѣ, къ своему вѣку, къ своему народу. Въ какой бы міръ ни улетала его фантазія,—онъ все-таки не можетъ оторваться отъ того міра, въ которомъ самъ живетъ и въ которомъ развивается передъ нимъ *жизнь живая*. Гдѣ возметъ онъ краски жизни для олицетворенія того міра, который улетѣлъ, если не въ томъ мірѣ, среди коего онъ самъ живетъ и чувствуетъ? Потому-то эпоха Поэта кладетъ всегда свою печать на его произведенія, кладетъ ее невольно: это не мертвая печать, а печать живая. Черезъ душу Поэта, какъ черезъ призму, проходитъ все его окружающее и раздробляется въ чудную радугу. Его фантазія властна летать по странамъ міра идеальнаго, но жизнь и народъ требуютъ своего. Онъ властенъ искать прекраснаго, гдѣ ему угодно; но въ жизни своей найдетъ онъ только форму, въ которую отольетъ свой кумиръ красоты. Счастливъ Поэтъ, если та эпоха, ко-

торую онъ воспѣваетъ, есть плодъ жизни его собственнаго народа. Тогда въ немъ человѣчество и народъ его сливаются воедино; міръ идеальный и дѣйствительный для него одно и тоже; Поэзія и жизнь обнимаются въ душѣ его—и онъ, какъ Поэтъ, вѣнчаетъ въ себѣ гражданина: двойное торжество, двойная жизнь и Поэзія!—Однако, и любую эпоху изъ жизни человѣческой онъ можетъ переносить съ неба на землю; но съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ нашелъ сочувствіе между тою эпохою и своею, и оживилъ ее красками своего вѣка и своего народа.

Такимъ образомъ, въ любой сильной эпохѣ жизни человѣческой почерпаетъ Поэтъ содержаніе своей Поэзіи, ибо источникъ ея тамъ, гдѣ сильна жизнь; но *форма* или *типъ*, въ какомъ онъ выражаетъ это содержаніе, носитъ всегда характеръ его собственной эпохи. Эту форму Поэтъ-творецъ создаетъ самъ изъ стихій жизни, его окружающей. Есть такіе однако періоды въ Исторіи Поэзіи, когда эпоха содержанія и эпоха поэтической формы, эпоха жизни и Поэзіи, близки другъ къ другу: таковы времена Поэзіи первоначальной.

И такъ, всякая эпоха человѣческой жизни, въ которой мы видимъ богатое развитіе дѣятельныхъ силъ, находитъ въ Поэзіи свое особенное отраженіе, свой оригинальный типъ, въ физіогноміи котораго участвуетъ всегда національность того народа и свободная фантазія того Поэта, въ которыхъ эта эпоха находитъ свое

отраженіе. Такимъ образомъ, всѣ народы, принявшіе участіе въ поэтическомъ образованіи человѣчества и имѣвшіе вліяніе другъ на друга, завѣщали намъ созданные ими оригинальные типы Поэзіи, истекшіе изъ ихъ собственной жизни, типы, въ которыхъ, черезъ ихъ національность, отражались эпохи жизни всего человѣчества и олицетворялись поэтически идеи сихъ эпохъ. Исторія Поэзіи должна въ порядкѣ историческаго шествія народовъ отобрать отъ каждаго изъ нихъ то, въ чемъ запечатлѣлъ онъ свое поэтическое воспоминаніе о жизни человѣчества, то, что самъ произвелъ своего, и то, что заимствовалъ отъ другихъ; съ одной стороны опредѣлить отношеніе этихъ созданій къ ихъ источнику первобытному, къ эпохѣ, откуда онѣ взяты, потомъ къ современной имъ жизни, а съ другой, степень художественнаго ихъ достоинства. Такъ можно сравнить Исторію Поэзіи съ безконечною галлереею, въ которой по одной сторонѣ блестятъ богато убранныя ниши и въ нихъ оригинальные типы Поэзіи, а напротивъ ихъ, въ идеальной отдаленности, раскрываются эпохи жизни человѣчества и какого нибудь народа, которыя въ поэтическихъ типахъ, какъ въ зеркалахъ, отражаются идеально, подъ вѣчнымъ закономъ красоты, подъ вѣчною ея мыслію, собственностью безсмертной души Поэта, въ себѣ ее носящаго.

Отсюда мы видимъ, какъ Исторія Поэзіи связывается съ Исторіею человѣчества, которая объясняетъ матері-

алы и формы оной, и съ Эстетикою, которая опредѣляетъ степень вѣчнаго достоинства сихъ формъ и извлекаетъ изъ безконечно — разнообразныхъ явленій Поэзіи общіе ея законы.

Если-бы мы могли въ подробности разсказать такимъ образомъ всю Исторію Поэзіи человѣческой, какъ развивалась она у разныхъ народовъ по очереди, и описать происхожденіе всѣхъ оригинальныхъ типовъ оной: то Исторія Поэзіи, такъ разсказанная, представила бы намъ вмѣстѣ полную и живую науку сего искусства. Вотъ тотъ идеалъ исторической Піитики, который я себѣ составилъ и приближеніе къ коему будетъ цѣлію всѣхъ моихъ усилій и всего моего изученія.

Вызвавши всѣ народы на такой поэтическій общій судъ и отобравши отъ нихъ оригинальные образцы ихъ произведеній, мы въ заключеніе должны спросить и себя самихъ, какъ послѣднихъ во всякомъ образованіи: какіе оригинальные образцы мы Русскіе вложимъ въ общій капиталъ Поэзіи? Если же не найдемъ ихъ, то опредѣлимъ, по крайней мѣрѣ, происхожденіе тѣхъ, которые у насъ находятся, и, если можно, бросимъ сознательный взглядъ на будущее, богато открывающееся передъ нами. Вотъ та національная польза, которая должна быть извлечена изъ науки, мною вамъ предлагаемой. Не мое дѣло извлекать такое примѣненіе въ Исторіи нашей Поэзіи; но я долженъ былъ только намѣкнуть

вамъ на него; ибо для чего заниматься чужимъ, если не для того, чтобы извлекать отсюда пользу для своего и посредствомъ сравненія лучше узнавать себя?

Изъ сказаннаго извлеку еще примѣчаніе о существенной пользѣ такой исторической Піитики, примѣчаніе, которое, можетъ быть, сбудется на комъ нибудь изъ васъ, ММ. ГГ. Я позволяю себѣ эту надежду, потому, что въ ней вижу единственную награду моихъ трудовъ и усилій.

Историческая Піитика или Исторія Поэзіи имѣетъ то преимущество надъ Піитикою, логически построенною въ Науку, что не замыкаетъ явленій Поэзіи въ какой-то магическій, очарованный кругъ, сковывающій умъ геніальный такъ, что онъ переступить его не въ состояніи; но разставляя эти явленія въ перспективѣ, разоблачая передъ нимъ всѣ поэтическія сокровища минувшаго, открываетъ ему, вмѣстѣ съ картиною настоящаго, вмѣстѣ съ надеждою на жизнь будущую, рядъ пустыхъ нишей, ожидающихъ его дѣятельности. Такимъ образомъ наука, облеченная въ Исторію, не только питаетъ силы генія изученіемъ прошедшаго; но и бережетъ свободу его фантазіи, отверзаетъ ей поприще. Она говоритъ человѣку: вотъ то что ты сдѣлалъ, но твое назначеніе—*идти далѣе*. Если ты талантъ, разумно избирай тѣ формы, которыя завѣщали тебѣ народы предшествовавшіе, но не искажай ихъ; если ты геній, твори

новые. Жизнь передъ тобою; обними ее, если чувствуешь въ себѣ силу къ шакому объяшію,—и жизнь шебѣ скажешся Поэзіею.

Мнѣ предсшоишъ пройши съ вами шолько одну часшь эшой всемірной Исшоріи Поэзіи, ш. е. Исшорію Поэзіи новыхъ народовъ Западной Европы. Но я долженъ взглянушь на нее въ связи съ ея цѣлымъ, долженъ извлечь ее изъ всемірной Исшоріи Поэзіи. Иначе не можешъ она имѣшь ни ясносши, ни полношы, ни значенія. Взглянемъ же на нашъ предмешъ въ ошношеніи его къ цѣлому, а для эшого предложимъ раздѣленіе Исшоріи Поэзіи согласно съ лучшими кришиками Нѣмецкими.

Нѣкошорые раздѣляюшъ всю Исшорію искуссшва, а слѣдовашельно и Поэзіи, на шри обширные періода, изъ коихъ *первый* объемлешъ искуссшво *восточное* или *Азіатское*, какъ преддверіе къ Европейскому, Греческому; *второй* — *Грегеско-Римское* или шакъ называемое классическое, и наконецъ *третій* — искуссшво *Германское*, или искуссшво ново-Европейскихъ Хрисшіанскихъ народовъ, коему сѣверное язычесшво служишъ шакимъ же преддверіемъ, какимъ Греческому искуссшву служило восшочное. Такъ напр. дѣлишъ искуссшво Амедей Вендшъ въ своемъ сочиненіи (*). Эшо есшь мнѣніе послѣдовашелей

(*) Ueber die Hauptperioden der schönen Kunst, oder die Kunst im Laufe der Weltgeschichte dargestellt von Amedeus Wendt. Leipzig. 1831.

Гегеля, которые въ общей Исторіи человѣчества принимаютъ три эпохи : Азіатскую, древне-Европейскую или Греко-Римскую и ново-Европейскую или Германскую, по участію, какое въ ней приняли Германскіе народы. Общій характеръ сихъ эпохъ отражается. и въ каждой отрасли стремленія человѣческаго. Потому и искусство слѣдуетъ тому же раздѣленію. Оно согласно съ тѣмъ идеаломъ Исторической Піитики , который мы себѣ составили.

Этому раздѣленію скорѣе можно послѣдовать, нежели тому, которое въ своей Исторіи Словесности начерталъ Вахлеръ. Онъ приковалъ ея періоды къ періодамъ всеобщей политической Исторіи и также раздѣлилъ ее на древнюю до варваровъ , среднюю до реформаціи и новую до нашихъ временъ , объемлющую три послѣднія столѣтія. *Древняя* Исторія Словесности содержитъ у него четыре періода: 1) Темныя времена, лишенныя всякаго содержанія; 2) отъ Моисея до Александра Великаго или отъ 1500 до 336 г. передъ Р. Х.; 3) отъ Александра до смерти Августа, или до 14 лѣтъ по Р. Х. и 4) отъ Тиберія до переселенія народовъ или до 400 л. по Р. Х. *Средній вѣкъ* (400 — 1500) заключаетъ въ себѣ два періода: 1) до Крестовыхъ походовъ или 1100 г.; 2) до всеобщаго возстановленія ученой жизни въ Европѣ. *Новая* Исторія Словесности объемлетъ XVI, XVII, XVIII столѣтія (1500 — 1800). Мы видимъ здѣсь, что Исторія Словесности находится въ совершенно матеріальной за-

висимости отъ Исторіи всемірной. Справедливо, что она имѣетъ съ нею великія соотношенія; но не смотря на то, какъ особая наука, она должна-бъ была или своими собственными явленіями опредѣлять различныя эпохи своего бытія, или явленіями общими у ней съ Исторіею человѣчества. Иначе, въ какомъ значеніи, напримѣръ, имена Моисея и Александра Македонскаго могутъ быть гранями для полной эпохи Словесности? Здѣсь Словесность Еврейская и Индѣйская, принадлежащія совершенно особенному періоду жизни человѣческой, чѣмъ Словесность Греческая и Римская, и имѣющія съ сими послѣдними характеръ совершенно разнородный, соединены вмѣстѣ. Какое вліяніе смерть Августа и начало царствованія Тиберія могли имѣть на ходъ Словесности? Темныя времена, отдѣленіе, взятое изъ Исторіи всеобщей, совершенно ничтожны для Исторіи Словесности.— Въ такомъ ошибочномъ распредѣленіи пострадала и Исторія Поэзіи. Все произошло отъ того, что авторъ желалъ начертать Исторію Словесности въ самомъ обширномъ объемѣ; а такъ какъ матеріалы для нея еще только въ отрывкахъ собраны, то для приведенія ихъ хотя въ насильственную цѣлость, онъ долженъ былъ заимствовать историческое дѣленіе оныхъ изъ всеобщей Исторіи.

Мы примемъ прежде-сказанное раздѣленіе, какъ болѣе удовлетворительное. Въ немъ, по крайней мѣрѣ, всякой періодъ Поэзіи имѣетъ свою особенную, полную характеристику — и согласно съ принятымъ началомъ, что

Поэзія должна быть идеальнымъ отраженіемъ жизни, соотвѣтствуетъ своему періоду и въ жизни человѣчества. Такимъ образомъ, наша галлерея, какъ мы назвали Исторію Поэзіи, разбивается на три главные и огромные отдѣла, изъ которыхъ каждый носитъ свой особенный характеръ и представляетъ свою особенную жизнь. Эти отдѣлы суть: Восточный или Азіатскій, Греческо-Римскій и наконецъ Германскій или Христіанскій. Однако должно замѣтить, что Восточная Поэзія у Амедея Вендта принимается только за преддверіе въ отношеніи къ Греческому періоду и періодъ Восточной Поэзіи называется вводнымъ или вступительнымъ (vorgriechische Kunst), тогда какъ она имѣла свое самостоятельное и полное развитіе. Во вторыхъ, въ періодъ Германскій войдутъ Арабская и ново-Персидская Поэзія, имѣющія совершенно особую характеристику.

Потому я считаю за нужное къ помянутому раздѣленію присоединить этнографическій послѣдовательный планъ Исторіи Поэзіи въ томъ порядкѣ, какъ народы слѣдовали одинъ за другимъ. Такое этнографическое дополненіе будетъ собственно частною характеристикою, принадлежащею Исторіи Поэзіи, — и оно живымъ тѣломъ облечетъ тотъ скелетъ періодовъ, который одинаковъ у ней съ Исторіею всего человѣчества.

Въ первомъ отдѣлѣ нашей галлереи, въ отдѣлѣ Восточномъ, являются Индѣйцы, Китайцы, Персы и Евреи. По недостатку свѣдѣній матеріальныхъ, этотъ періодъ

можетъ быть предложенъ только въ отрывкахъ, не имѣющихъ связи между собою. Объ этомъ періодѣ говорятъ болѣе въ томъ отношеніи, какъ словесныя явленія онаго имѣли вліяніе на Европейскую Литтературу. Потому иные даютъ этому періоду эпизодическое мѣсто при началѣ Христіанскаго: ибо Поэзія Библейская имѣла сильное вліяніе на первую Христіанскую. Такъ поступилъ Фридрихъ Шлегель въ своей Исторіи Словесности. Но по какой же причинѣ онъ помѣстилъ Индѣйскую Словесность вмѣстѣ съ Еврейскою, когда первая не имѣла съ нею одновременнаго вліянія на Европу? Основываясь на подобной причинѣ, слѣдовало бы скорѣе дать мѣсто Индѣйской Словесности въ началѣ нашего столѣтія, когда трудами Англичанъ памятники ея начали дѣятельно разработываться и когда она возъимѣла очевидное вліяніе на Словесность Англійскую. Мнѣ кажется, что все-таки правильнѣе дать періоду восточному его собственное историческое мѣсто, если-бы мы предприняли излагать Исторію всемірной Поэзіи, а не исключительно Европейской. Тѣмъ болѣе это необходимо, что сей періодъ, хотя и мало намъ извѣстный, имѣетъ великое всемірное значеніе, свою идею, и повторяется въ первыхъ стихіяхъ поэтической Исторіи каждаго народа, какъ мы послѣ увидимъ.

Второй періодъ долженъ обнять по очереди Поэзію Эллино-Греческую, Александрійско-Греческую, какъ Поэзію перехода, и Римскую, замыкающую древній міръ.

Третій отдѣлъ, собственно нашъ, начинается первоначальными стихіями Поэзіи Германскаго міра, которыя развиваются въ Скандинавской, Бретонской, Норманнской и собственно Германской Поэзіи. Это одни начатки, брошенные съ сѣвера. Съ Востока, черезъ Западъ Европы, является восточная Поэзія, дающая первое движеніе Европейской. Потомъ послѣдовательно развиваются: Провансальская, Лангедуйская, Италіянская, Испанская, Англійская, Французская, Нѣмецкая съ Датскою и Шведскою, племенъ Славянскихъ и наша отечественная.

Въ первыхъ двухъ моихъ бесѣдахъ съ вами, Мм. Гг., я растворилъ вамъ двери въ это послѣднее отдѣленіе, и вошедъ въ него немного съ вами вмѣстѣ, указалъ вамъ мелькомъ на главныя, блестящія ниши, украшенныя лучшими произведеніями народовъ, въ немъ дѣйствовавшихъ. Но вы видѣли сами, что, говоря объ Италіи, я долженъ былъ хотя немного растворить двери Греко-Римскаго отдѣленія, а иначе намъ было бы въ немъ темно. И тутъ вы уже могли видѣть, что вдругъ взойти въ нашъ періодъ невозможно; что если Исторія Поэзіи есть галлерея, то въ нее входятъ изъ дверей въ двери и одно бы оставалось средство взойти прямо въ нашъ періодъ: — упасть въ него нечаянно.—Считаю за необходимое, прежде нежели я войду съ вами въ назначенное для насъ отдѣленіе, изучить два первыя, т. е. Восточную и Греко-Римскую поэзію. Считаю также необходимостью изложить причины, которыя побуждаютъ меня къ этому.

Причины, которыя съ перваго взгляда представляются, суть слѣдующія. Восточная Поэзія въ лицѣ Еврейской и Греко-Римская имѣли вліяніе на всю Поэзію Европейскую. Слѣды этого вліянія, особенно Римскаго, на рѣдкомъ типѣ Европейской Поэзіи не замѣтны. Виргилій, напримѣръ, есть корень всей Западной классической Поэзіи. Отъ него пошло ея дерево. И такъ вся эта древняя стихія, вошедшая въ новую Поэзію, останется для насъ совершенно загадкою, если мы ея особенно не разсмотримъ. Слѣдовательно, историческое изложеніе наше, для полноты своей, нуждается въ такомъ изученіи.

Къ тому же самая новая жизнь и новая Поэзія не могутъ быть для насъ ясны, опредѣленны, если мы не вникнемъ въ значеніе другой половины человѣческой жизни и Поэзіи, половины восточной и древней. Я не могу, въ теченіи своего курса, избѣгать безпрестанныхъ сравненій, которыя невольно сами собою представятся, и долженъ буду всегда ссылаться на то, что̀ вамъ неизвѣстно. Всякой предметъ въ своемъ одиночествѣ никакъ не можетъ быть ясенъ и опредѣленъ, если нѣтъ около него другихъ предметовъ для сравненія.

Въ Исторіи Словесности есть много періодовъ сходныхъ между собою по значенію. Такъ, напримѣръ, Италія въ отношеніи къ художественной жизни имѣетъ въ себѣ много сходства съ древнею Греціею. Такъ Германія своею филологіею, критикою, своимъ эклектизмомъ, имѣ-

8*

ешъ большое сходство съ Александріею, которая, можетъ быть, тѣмъ же была въ древнемъ мірѣ, чѣмъ Германія въ новой Европѣ. Римскій эклектизмъ походитъ частію на Германскій, частію на нашъ, — и со временемъ, такъ какъ жизнь наша еще болѣе заключается въ будущемъ, чѣмъ въ минувшемъ, со временемъ, мы представимъ, можетъ быть, еще гораздо большее съ нимъ сходство. Изъ такихъ аналогій, изъ такихъ сравненій и выводовъ общихъ, основанныхъ на данныхъ явленіяхъ, извлекаются и общіе законы для самой науки. Какимъ же образомъ мы постигнемъ эти законы, а слѣд. и значеніе каждаго особаго явленія въ нашей Исторіи, если не обозримъ всего цѣлаго, прежде нежели съ особенною подробностію взглянемъ на часть свою? Это естественно и сродно всякому ученію.

Увлеченный этими причинами, я рѣшился предварительно изслѣдовать Востокъ и древне-Европейскій міръ, и такимъ образомъ въ возможной полнотѣ предложить вамъ всю Исторію Поэзіи.

Первый вопросъ, который представляется намъ въ полной Исторіи Поэзіи всего человѣчества — есть вопросъ о томъ, когда человѣкъ въ первый разъ былъ Поэтомъ? какое чувство жизни впервые выразилъ онъ поэтически, и въ какой формѣ оно было имъ выражено?

Во тьмѣ, покрывающей первую жизнь всего человѣчества, всего труднѣе уловить ту минуту, когда человѣкъ

впервые развилъ даръ Поэзіи, полученный имъ отъ неба вмѣстѣ съ прочими дарами, другими словами, опредѣлить начало Поэзіи. Если гдѣ позволено прибѣгать къ предположеніямъ и выводамъ a priori, то конечно въ подобныхъ нашему случаяхъ, гдѣ Исторія отказываетъ въ событіи положительномъ. Многіе употребляли во зло это право, при объясненіи начала Поэзіи. Приписывали его внушенію какого нибудь отдѣльнаго чувства души человѣческой. Иные называли это чувство удивленіемъ ко вселенной и думали, что новосозданный человѣкъ, лишь только взглянулъ на нее въ первый разъ, какъ выразилъ свое чувство импровизованнымъ гимномъ. Другіе приписывали рожденіе Поэзіи чувству благодарности къ Творцу; иные думали, что она была первымъ изліяніемъ любви. По всѣмъ этимъ мнѣніямъ, Поэзія вначалѣ была Лирическою; первые именуютъ родъ оной Гимномъ или Одою, вторые Элегіею. Овидій, какъ поэтъ чувства, какъ поэтъ элегическій по преимуществу, думалъ, что человѣкъ въ первый разъ былъ поэтомъ у запертыхъ дверей своей любезной.

Другіе полагали, что первая Поэзія употреблена была на сохраненіе памяти дѣлъ человѣческихъ, что она была плодомъ человѣческаго тщеславія. По этому мнѣнію, первая Поэзія была эпическая, историческая. Во всѣхъ этихъ мнѣніяхъ мы ясно видимъ, что онѣ проистекли изъ личнаго свойства тѣхъ, кому принадлежатъ.

Положительно доказано, что Поэзія существовала прежде письменности. По мнѣнію ученыхъ, едва-ли не окончательно утвержденному, великія произведенія Поэзіи были уже собственностію народовъ прежде, нежели они знали письмо, такъ на пр. Иліада и Одиссея у Грековъ, Веды у Индѣйцевъ. Но само собою разумѣется, что Поэзія не могла существовать безъ своего орудія, языка; что прежде нежели человѣкъ является Поэтомъ, онъ является намъ творцемъ языка своего. Но не съ даромъ ли слова тѣсно сопряженъ въ человѣкѣ и даръ Поэзіи? Самое созданіе языка есть уже въ человѣкѣ, первый, хотя еще не самобытный, поэтическій подвигъ его духа. Человѣкъ, какъ творецъ языка, въ первый разъ является Поэтомъ.

Если вообще всѣ первоначальныя изобрѣтенія человѣка покрыты тьмою неизвѣстности, то какъ должна быть непроницаема тьма, покрывающая изобрѣтеніе слова, которое есть первое необходимое и исключительное орудіе преданія и первая причина свѣта въ Исторіи! Однако, великая Книга первобытной Исторіи человѣчества, книга Бытія, Божественныя сказанія коей подтверждаются изслѣдованіями всѣхъ новѣйшихъ ученыхъ, сохранила намъ преданіе, которое имѣетъ глубокое историческое значеніе. Приведемъ слова самаго Писанія: «И созда Богъ еще отъ земли вся звѣри сельныя, и вся птицы небесныя, и приведе я ко Адаму видѣти, что̀ наречетъ я: и всяко еже аще нарече Адамъ душу живу, сіе

имя ему. И нарече Адамъ имена всѣмъ скотомъ, и всѣмъ птицамъ небеснымъ и всѣмъ звѣремъ земнымъ.» Въ этомъ Божественномъ сказаніи мы видимъ, что человѣкъ, воцаряясь надъ міромъ отъ Бога, — въ первомъ своемъ подвигѣ явился творцемъ языка и Поэтомъ; что онъ всѣ низшія созданія видимаго міра тотчасъ перевелъ въ свое царство духовное и усвоилъ ихъ себѣ своимъ словомъ; что языкъ есть отъ вѣка его держава надъ міромъ; что человѣкъ, какъ создатель языка, есть царь вселенной.

И Библейское преданіе, и простое разсужденіе наше согласуются въ томъ, что слово, первая черта, отличающая человѣка отъ прочихъ тварей, было самымъ первымъ изобрѣтеніемъ человѣческимъ. Конечно, темна исторія первобытнаго языка, какъ мы уже сказали; но еслибы мы могли знать сей языкъ, то онъ бы самъ былъ для насъ своею исторіею. Единственное средство къ достиженію сего знанія есть занятіе тѣми языками, которыхъ первобытная древность несомнѣнно признана. Вѣроятно, они содержатъ въ себѣ еще многія развалины языка первоначальнаго. Кромѣ того, всякой языкъ, особенно нашъ и корень его, языкъ Словенскій, родство котораго съ Санскритскимъ и Эллинскимъ болѣе и болѣе утверждается изслѣдованіями ученыхъ, имѣютъ въ себѣ сіи стихіи первобытныя, изученіе коихъ есть одинъ изъ важнѣйшихъ предметовъ современной учености.

Здѣсь не мѣсто излагать мнѣ исторію изобрѣтенія языка, какъ явленія мысли человѣческой въ словѣ: я дол-

женъ показать только элементы поэтическіе, участвовавшіе въ его созданіи. Другими словами, я долженъ смотрѣть только на одну поэтическую сторону первоначальнаго языка. Незнаніе Восточныхъ языковъ, и потому ограниченность свѣдѣній въ этомъ предметѣ, и предѣлы времени не позволяютъ мнѣ распространяться объ этомъ: я дамъ только нѣкоторые намѣки.

Языкъ нашъ составленъ изъ гласныхъ и согласныхъ. Гласныя буквы суть свободное, самостоятельное выраженіе души человѣческой, въ коихъ не участвовали никакое подражаніе природѣ, никакой намѣкъ со стороны ея. Въ пяти звукахъ: а, э, і, о, у, человѣкъ, самопроизвольно [sponte suâ], выразилъ впервые свои собственныя чувствованія. Возможность и побудительная причина произнесть сіи буквы, заключались единственно въ немъ самомъ. Потому я и говорю, что изобрѣтеніе оныхъ принадлежитъ исключительно одному человѣку. Первое явленіе гласныхъ мы видимъ въ междометіяхъ всѣхъ языковъ (*).—Согласные же звуки разсѣяны въ природѣ. Человѣкъ имѣетъ въ себѣ способность ихъ произносить; но природа своими звуками намѣкаетъ ему на оные. Скажутъ, что гласные звуки слышны также въ природѣ, въ крикѣ нѣкоторыхъ звѣрей; что этими

(*) Изслѣдующіе изобрѣтеніе языка въ логическомъ отношеніи отметаютъ междометія, которыя, по мнѣнію многихъ, какъ на прим. Блера, суть первое явленіе языка; но должно вспомнить, что я смотрю на языкъ въ поэтическомъ отношеніи.

звуками она могла ему также намѣкнуть и на гласные. Но гдѣ же въ природѣ, если и найдется что нибудь схожее, этѣ чистыя, свободныя, музыкальныя гласныя, открыто произносимыя человѣкомъ? Самая согласная, столь нестройная, столь неопредѣленная въ природѣ, получаетъ всю опредѣленность только при гласной, когда на нее опирается. Сильнымъ доказательствомъ моей мысли служитъ то, что гласныя, всѣ безъ исключенія, присутствуютъ во всѣхъ языкахъ человѣческихъ, тогда какъ нѣкоторыя согласныя часто отсутствуютъ или переходятъ въ болѣе мягкія или жесткія, по вліянію климата и природы. Это доказываетъ, что гласныя суть звуки первой необходимости и перваго изобрѣтенія человѣческаго; что природа не намѣкала объ нихъ человѣку. Ихъ бытіе такъ свободно и независимо, что изъ нихъ человѣкъ могъ бы составить себѣ хотя ограниченный языкъ. Возьмите извѣстный полустихъ Гомера: Νηληΐω υἷι ἐοικώς. Здѣсь восемь гласныхъ звуковъ сряду, а языкъ Греческій есть самый гармоническій въ древности.—Согласные же звуки, какъ я сказалъ, слышны въ природѣ. Вотъ почему, во всѣхъ словахъ, означающихъ какой нибудь шумъ, есть подражаніе тому звуку, на который природа намѣкаетъ человѣку, и во всѣхъ языкахъ сіи звуки одинаковы, что особенно свидѣтельствуетъ ихъ первоначальность (*).

(*) Такъ напримѣръ, р слышно въ громѣ и звучитъ равно въ словахъ: βροντή, tonitru, donner, tonnerre, thunder, trueno, громъ; с въ свистѣ и словахъ: σίζειν, sibilare, sauseln, siffler, silbar,

Въ названіяхъ многихъ живошныхъ звучитъ согласная, слышная въ крикѣ, который онѣ издаютъ (*). Такъ человѣкъ первобытный, еще близкій къ природѣ, по внутреннему побужденію разсказывая подругѣ своей о томъ, что́ онъ видѣлъ или слышалъ, подражаніемъ переносилъ сіи звуки въ свои согласныя.—Между тѣмъ какъ согласными передавалъ человѣкъ предметы природы,—чистыми гласными сообщалъ онъ свои собственныя чувствованія. Онѣ — первая музыка, въ которой вылилась душа его, тронутая ощущеніемъ. Нѣкоторые отмешаютъ междометія отъ стихій языка собственно человѣческаго, утверждая, что человѣкъ въ выраженіи чувствованій не есть еще человѣкъ, а животное, и потому мѣстоименіе и глаголъ признаютъ первыми частями человѣческой рѣчи. Но междометія развѣ выражаютъ однѣ только грубыя живошныя ощущенія, по которымъ человѣкъ родня и прочимъ тварямъ? Развѣ не выражаютъ онѣ чувствованій той души, которая создана для мысли и слова?

свистать; б или в (ибо извѣстно, что первоначально этѣ буквы были одно и тоже) въ блеяньи и словахъ: блеять, *βήζειν*, balare, belare, bèler, blöken, balar; м въ мычаньи и словахъ: *μυκάομαι*, mugire, мычать. Такими звукоподражательными словами особенно изобилуютъ языки Греческій и Словенскій, какъ два изъ первоначальныхъ.

(*) Это согласно и съ словами Писанія, которое говоритъ, что первый человѣкъ называлъ животныхъ. Онъ, именуя ихъ, вѣрно отличалъ ихъ тѣми признаками, какіе всякое животное имѣло, и особенно по крику ихъ. Названія животныхъ, въ коихъ звучитъ согласная, слышная въ ихъ крикѣ, суть развалины сего языка первоначальнаго. Ими изобилуетъ особенно языкъ Словенскій.

Развѣ удивленіе, смѣхъ, восторгъ, состраданіе, суть чувствованія общія человѣку съ прочими животными? Не виденъ ли уже въ этихъ ощущеніяхъ проблескъ мысли? Не суть ли онѣ исключительная собственность того творенія, которое будетъ мыслить? Удивленіе предполагаетъ сравненіе, хотя еще безотчетное, въ его зародышѣ; смѣхъ также не можетъ быть безъ сравненія, ибо основанъ на чувствѣ противорѣчія. Потому животныя не удивляются, не смѣются. Восторгъ первоначальный не есть ли полутемная полнота души, въ которой начинаетъ пробиваться свѣтъ мысли, не есть ли мерцающее утро жизни внутренней? Состраданіе не есть ли первое выраженіе того нравственнаго сочувствія между людьми, которое есть зародышъ всей общественной жизни человѣка? Есть ли оно въ животномъ? Для того, чтобы имѣть состраданіе, надо умѣть чувствомъ переноситься въ чувство другаго: это недоступно для твари, скованной эгоизмомъ животнымъ; это возможно только для той души, которая можетъ сознавать себя отличительно отъ другой и великодушно отрекаться отъ чувства своей жизни для того, чтобы перенестись въ чувство жизни другаго.

Чувствованія суть, мнѣ кажется, первобытный хаосъ духовнаго міротворенія въ человѣкѣ. Такъ и междометія, въ которыхъ посредствомъ гласныхъ онѣ выражаются, суть первый, малый зародышъ всего безконечнаго слова человѣческаго. Первоначальность ихъ доказывается ихъ

сходствомъ во всѣхъ языкахъ. Здѣсь, разумѣется, должно понимать междометія первоначальныя, а не производныя. Ими особенно изобилуетъ поэтическій языкъ Греціи. Въ Трагедіяхъ Греческихъ есть цѣлые стихи, наполненные этими междометіями, цѣлые припѣвы хоровъ. Безпрестанно звучитъ горестное φεῦ въ устахъ страдающаго Филоктета.

Гласныя и согласныя суть вещество, изъ коего развивается полный міръ языка. Такимъ образомъ, въ матеріальномъ образованіи сего послѣдняго, участвуютъ тѣже двѣ силы, какія видимъ во всей художественной дѣятельности человѣка: съ одной стороны подражаніе природѣ или уподобленіе оной себѣ; съ другой самобытное, самопроизвольное выраженіе чувствованій души своей. Въ языкѣ, какъ въ первомъ явленіи поэтической дѣятельности человѣка, видимъ тѣже условія, какія и въ развитіи Поэзіи, какъ искусства особеннаго и самостоятельнаго.

Замѣчено, что чѣмъ древнѣе языкъ, тѣмъ болѣе изобилуетъ онъ метафорами. Языки Восточные особенно отличаются симъ обиліемъ отъ языковъ Европы; такъ и нарѣчія простонародныя отъ нарѣчій общества образованнаго и ученаго. Метафора есть также одна изъ развалинъ первобытнаго языка и одно изъ первыхъ поэтическихъ явленій его по образованіи. Она проистекаетъ въ человѣкѣ, какъ я сказалъ, изъ того же присутствія въ немъ двухъ способностей: воспріимчательной и дѣя-

тельной; изъ возможности его, съ одной стороны принимать въ себя ощущенія отъ внѣшняго міра, съ другой населять природу своими чувствованіями, придавать ей свою душу, переливать въ нее свою внутреннюю жизнь. Сіе послѣднее стремленіе особенно сильно бываетъ въ первой юности человѣка, когда онъ еще не въ силахъ отдѣлить себя отъ природы, когда онъ живетъ съ нею въ близкомъ соприкосновеніи и считаетъ ея бытіе продолженіемъ своего. Стремленіе сіе выражается и въ первомъ словѣ человѣка метафорою, въ искусствѣ вообще символомъ. Это сближеніе природы съ духовною жизнію нашею доставляетъ богатый поэтическій запасъ языку. Въ этомъ отношеніи особенно любопытно изученіе языковъ Древности и Востока.

Но языкъ, хотя въ созданіи онаго и обнаруживается въ первый разъ поэтическая дѣятельность человѣка, есть только матеріалъ для Поэзіи, есть только ея орудіе. Гдѣ-же первое явленіе самой Поэзіи? Что оно выразило и въ какой формѣ было это выраженіе?

ЧТЕНІЕ ПЯТОЕ.

Гдѣ самобытное начало Поэзіи?—Религія есть начало всего духовнаго міротворенія въ человѣкѣ. — Въ Религіи начало Поэзіи. — Свидѣтельства изъ Исторіи Поэзіи всѣхъ народовъ. — Значеніе Восточнаго періода. — Двѣ Религіи на Востокѣ. — Двѣ отрасли языковъ. — Священные языки. — Первый памятникъ Поэзіи: молитва.—Ограниченность свѣдѣній въ Восточной Словесности.—Санскритскій языкъ.—Жизнь Индѣйца въ нравственномъ отношеніи.—Двѣ стихіи этой жизни: чувственность и религіозное созерцаніе.—Въ чемъ состоитъ религіозное созерцаніе Индѣйца?—Отсюда характеръ Поэзіи Индѣйской вообще.—Раздѣленіе на періоды.—Первый періодъ: Веды.—Примѣры изъ Молитвъ. — Примѣръ Упанишада.— Законы Ману.— Второй періодъ: Эпосъ Индѣйскій. — Рамаяна. — Магабарата.

Въ послѣдній разъ, Мм. Гг., разобравши явленіе языка въ Исторіи всемірной Поэзіи въ отношеніи къ его элементамъ поэтическимъ и нашедши въ немъ тѣже двѣ стихіи, какія мы видимъ и во всей художественной дѣятельности человѣка, мы заключили, что языкъ есть одно только орудіе для Поэзіи, а не самобытное ея явленіе, и остановились на слѣдующемъ вопросѣ: гдѣ же первое явленіе самой Поэзіи? Что оно выразило и въ какой формѣ было это выраженіе?

Человѣкъ есть олицетворенная гармонія вселенной. Онъ поставленъ въ срединѣ ея — и всѣ концы необозримаго созданія примыкаютъ къ нему, какъ къ полному сво-

ему средоточію. Малъ, но полонъ самъ въ себѣ, онъ блуждаетъ по міру съ тѣмъ, чтобы все единить и устроивать. По сему-то онъ есть распорядитель и глава надъ тварями, образъ Бога на землѣ. При самоубійствѣ человѣчества, зданіе міра разладилось бы, пришло бы въ разстройство. Назначеніе человѣка, какъ мы видимъ, есть устроивать гармонію и единство въ природѣ, и къ этому устремляются всѣ духовныя его силы. Но прежде нежели открылась въ немъ свободно какая нибудь изъ духовныхъ его силъ, человѣкъ долженъ былъ ощутить предчувствіе этого единства, этой гармоніи, которая соединяетъ все разнообразіе предметовъ, въ хаосѣ намъ представляющихся, гармоніи, которой онъ есть главный представитель, — и сіе то-предчувствіе гармоніи, отъ самобытнаго существованія коей и міръ и жизнь его зависятъ, есть предчувствіе Бога, зародышъ всякой его духовной дѣятельности. Творецъ, вложившій въ человѣка искру Божества Своего, въ первый мигъ дѣйствія души его, сказался ему Самъ. Въ этомъ предчувствіи Бога, все соединяющаго, заключалось предчувствіе и того единаго закона, который долженъ содержать всѣ явленія въ природѣ, и двигать всѣми побужденіями воли нашей, и приводить въ согласіе всѣ наши чувства. Другими словами, въ человѣкѣ, ощутившемъ Бога, долженъ былъ заключаться и мыслитель, ищущій Бога истины въ знаніи, и законодатель, ищущій Бога правды въ мірѣ дѣяній, и художникъ, ищущій Бога лѣпоты въ мірѣ чувствованій. Актъ предчувствія

Бога долженствовалъ быть первымъ актомъ души человѣческой, ибо въ немъ, какъ въ зародышѣ, пробиваются всѣ прочія ея дѣйствія, которыми объемлется вся ея дѣятельность. Въ семъ-то смыслѣ говорятъ, что Религія была первымъ началомъ Науки, Общества и Искусства. Слѣдовательно въ ней, какъ въ общемъ началѣ всякой духовной дѣятельности человѣка, должно искать и начала Поэзіи. Первое поэтическое произведеніе должно было выразить первое свободное дѣйствіе души человѣческой,— предчувствіе Бога: первоначальная Поэзія должна была служить Религіи.

Развернемъ скрижали ея Исторіи, и первыя страницы ея у всѣхъ народовъ по-очереди подтверждаютъ событіемъ сію истину. Ab Jove principium есть основный звукъ всякой Музы. У каждаго изъ Европейскихъ народовъ, гдѣ только Поэзія имѣла свое естественное развитіе, или гдѣ только можно дойти до самыхъ первыхъ ея пелёнъ, хотя по темнымъ преданіямъ,—повсюду мы видимъ это религіозное начало. Такъ, въ древней Греціи, пѣвцамъ эпическимъ, народнымъ, предшествуютъ Поэты—жрецы, Орфей, Линъ и Музей. Самая Ѳеогонія Гезіода, по своему характеру, должна относиться какъ иные думаютъ, къ періоду раннѣйшему, чѣмъ Иліада. Гезіодъ заключаетъ поколѣніе Поэтовъ-жрецовъ. Самые гимны Гомера, изъ коихъ иные признаны, за неподдѣльно древніе, должны, по своему религіозному значенію, предшествовать Иліадѣ. На первыхъ страницахъ Тита-Ливія, Нибуръ находитъ отрыв-

ки жреческихъ и обрядныхъ стиховъ, развалины первобытной религіозной Поэзіи древняго Рима. — Скандинавская Поэзія начинается ѳеогоническими сказаніями, Эддою. — Классическая Поэзія Запада ведетъ свое начало отъ Христіанскаго Богословскаго Эпоса.

Вездѣ Религія была матерью Поэзіи, гдѣ Поэзія развивалась сама собою, т. е. естественно, изъ жизни народной, а не по чужому, иноземному вліянію. Вездѣ, при этихъ условіяхъ, предшествуетъ самостоятельному развитію Поэзіи періодъ религіозный, т. е. когда Поэзія служитъ Религіи. То что̀ въ миніатюрѣ видимъ мы въ Исторіи Поэзіи почти каждаго народа, гдѣ она вышла изъ своего источника, изъ жизни, то̀ въ огромности представляетъ древній періодъ Восточный, въ отношеніи къ Исторіи Поэзіи всемірной. Вся древняя Восточная Поэзія, какъ богатое преддверіе къ храму самой Поэзіи, представляетъ въ разныхъ видахъ періодъ религіозный или символическій. Вся она полна предчувствіемъ Бога. Таково значеніе и главный характеръ перваго періода Поэзіи или Восточнаго, Азіатскаго.

Не да̀ромъ Азія именуется по преимуществу страною и колыбелью вѣрованій: изъ Азіи вышли всѣ древнѣйшія религіи и всѣ, до сихъ поръ существующія. Въ Азіи открылся человѣку и Богъ истинный. Европа претворила Религію Христіанскую въ исповѣданія, въ секты, въ ученія или доктрины; но чистый источникъ ея, перво-

бытный, слово Божіе раздалось въ Азіи. Эпохи Исторіи Азіятской не иначе могутъ, мнѣ кажется, означаться, какъ переворотами религіозными. Въ Азіи самые политическіе перевороты соединялись всегда съ переворотами вѣроученій.

На Востокѣ, въ самомъ началѣ древняго міра, являются двѣ Религіи совершенно противоположныя. Одна основана на служеніи природѣ, на обоготвореніи ея стихій, свѣтилъ небесныхъ; она представляетъ Бога въ разнообразіи: это есть восточный политеизмъ или восточное язычество. Этой ложной религіи противополагается другая, ближайшая къ истинѣ и древнѣйшая по происхожденію, основанная на мысли о единствѣ Бога, Религія Откровенія. Начальники первой суть Персы, второй—народъ Божій, Евреи. Въ Индѣйской Религіи, хотя и есть предчувствіе о единомъ Богѣ, но у нихъ божество, посредствомъ безпрестанныхъ превращеній во всѣ свои созданія, до того плодится, что понятіе о единомъ Богѣ совсѣмъ въ нихъ исчезаетъ. Религія Индѣйская представляетъ скорѣе совершенный пантеизмъ. И такъ, одна ветхозавѣтная вѣра у Евреевъ, въ древнемъ мірѣ Азіи, была вѣрою въ Бога единаго.

Много-божіе Персовъ имѣетъ нѣкоторое соотвѣтствіе съ системою Матеріалистовъ, точно такъ какъ противоположная система Идеалистовъ сходна отчасти съ единобожіемъ Евреевъ. Весьма замѣчательно, что нѣже

два начала, — которыя явились въ первыхъ Религіяхъ на Востокѣ, гдѣ всякое духовное стремленіе человѣка принимало характеръ религіознаго созерцанія,—позднѣе обнаружились и въ Европейскомъ мірѣ, въ школахъ Ѳалеса и Пиѳагора тогда, когда свободное мышленіе образовало Философію. Этѣ два начала, этѣ струи мы видимъ впослѣдствіи во всемъ безконечномъ потокѣ мышленія человѣческаго, истекшаго изъ религіозныхъ созерцаній Востока.

Этимъ двумъ Религіямъ, противоположнымъ по своему началу, соотвѣтствуютъ въ древней Азіи и двѣ отрасли языковъ: языки Семитическіе, куда относятся Еврейскій и Арабскій съ его отраслями, и языки Персидскіе, простирающіеся до Индуса. Рѣка Тигръ служитъ предѣломъ для этихъ двухъ отраслей. Но еще не рѣшено до сихъ поръ учеными: принадлежатъ ли языки за Индусомъ, и особенно языкъ Санскритскій, къ отрасли языковъ Персидскихъ? Джонесъ того мнѣнія, что языкъ Санскритскій проистекаетъ отъ древне-Персидскаго: это мнѣніе основываетъ онъ на сходствѣ Зенда съ Санскритомъ.

Весьма замѣчательное явленіе представляется намъ въ языкахъ теперешней Азіи. — Кромѣ живыхъ нарѣчій, въ Персіи и въ Индіи, существуютъ древніе языки мертвые, которые продолжаютъ свое бытіе уже не въ народѣ, а только въ письменныхъ памятникахъ. Таковы

языки Зендъ и Пелви въ Персіи, Санскритъ и Бали въ Индіи. Можно объяснить, какъ они вышли изъ употребленія народнаго, предположивъ, что они разбились на нарѣчія, смѣшались съ иноземными, измѣнились отъ чужестраннаго ига. Но какимъ же образомъ они сохранились? Есть одно только средство къ объясненію этого— Религія. Эти языки сдѣлались преимущественно языками *вѣры*, языками *священными*, заповѣдными. Такъ бываетъ всегда въ странахъ, гдѣ вѣра основана на священныхъ книгахъ, содержащихъ въ себѣ не только ученіе, но и обрядныя молитвы. Къ тому же, существованіе особенной касты жрецовъ окончательно объясняетъ возможность сохраненія сихъ древнихъ языковъ. Такъ Еврейскій языкъ, на которомъ писаны священныя книги Ветхаго Завѣта, сдѣлался мертвымъ священнымъ языкомъ для Іудеевъ позднѣйшаго времени, когда языкъ Сиро-Халдейскій смѣнилъ языкъ Еврейскій, т. е. въ 3-емъ вѣкѣ Христіанской Эры. Эти священные языки: Еврейскій, древне-Персидскій и Санскритскій имѣли тоже религіозное значеніе, какое имѣетъ нашъ церковный Славянскій, языкъ нашего богослуженія. Такъ въ Европѣ, Латинскій языкъ сдѣлался бы языкомъ священнымъ, если-бы всеобщее изученіе классической Словесности въ XIV вѣкѣ не образовало изъ него языка политическаго, ученаго, а реформація въ XVI столѣтіи, распространеніемъ народныхъ языковъ, не уменьшила его вліянія на церковь.

Этѣ древнія муміи языковъ, именуемыхъ священными,

какъ великолѣпные памятники первоначальной жизни народовъ древней Азіи, свидѣтельствуютъ намъ о религіозномъ ея образованіи, въ первыя ея времена. Въ нихъ должно искать и развалинъ древнѣйшей религіозной Поэзіи. Мы находимъ слѣды ея въ преданіяхъ. У всѣхъ этихъ народовъ были особенныя касты жрецовъ. У Персовъ Маги, по свидѣтельству Ксенофонта, при разсвѣтѣ дня пѣли священные гимны, принося жертвы богамъ. Народъ подслушивалъ и перенималъ у нихъ формулы этихъ моленій. Левиты не пѣли пѣсней у Евреевъ; храмовое пѣніе учреждено было позднѣе; но самъ великій Законодатель, по избавленіи народа, воспѣлъ благодарную пѣснь Богу; самъ онъ, умирая, завѣщалъ пѣснь своему народу, пѣснь, внушенную ему Богомъ. Брамины у Индѣйцевъ обладаютъ наукою Ведъ и знаютъ таинственный смыслъ и особенную силу каждаго изъ Гимновъ и Молитвъ, въ нихъ содержащихся. Вторая книга ученія Конфуція содержитъ въ себѣ также древнія божественныя пѣсни. Такимъ образомъ, у всѣхъ древнѣйшихъ народовъ Азіи, отъ которыхъ только намъ осталось слово поэтическое, мы видимъ, что *Молитва къ Богу* была первымъ выраженіемъ чисто поэтическимъ, первымъ гармоническимъ звукомъ души человѣка.

Я уже сказалъ, что періодъ восточной Поэзіи можетъ быть предложенъ вамъ только въ однихъ отрывкахъ. Если-бы даже мы могли здѣсь собрать всѣ труды Европейскихъ ученыхъ и сдѣлать изъ нихъ полный резуль-

тать, то и тогда не имѣли бы достаточныхъ средствъ къ тому, чтобы представить себѣ въ полнотѣ Поэзію Востока, потому что еще мало переведено и перенесено къ намъ въ Европу. Но мы Русскіе не имѣемъ даже и тѣхъ пособій, какія предлагаются въ переводахъ Европейскихъ ученыхъ: очень дорого бы было собрать все это. Наши свѣдѣнія въ этомъ предметѣ не могутъ быть неограничены.

Изученіе Литтературы Востока начато было Италіянскими миссіонерами. Сочиненія Патера Паоллино дали поводъ Европейскимъ ученымъ заниматься ею. Англичане, Нѣмцы и Французы соревнуютъ теперь на поприщѣ оріентальной учености. Для изученія Санскритскаго языка, Англичане оказали самыя дѣятельныя услуги. Французы, которые отстали было отъ первыхъ двухъ народовъ, теперь дѣятельно ихъ догоняютъ.

Но не смотря на то, что такъ прилежно Европейскіе ученые занимаются Восточною Словесностью, — все еще извѣстна она въ немногихъ отрывкахъ, и никакихъ общихъ положеній о Востокѣ не льзя еще утвердить рѣшительно, и принять въ наукѣ за утвержденныя, судя по дѣлаемымъ вновь открытіямъ. Конечно, характеръ древней Поэзіи всего Востока, по всѣмъ признакамъ, есть характеръ *религіозный*. Но возьмите ее далѣе. Она имѣла у разныхъ народовъ самое разнообразное развитіе. У Индѣйцевъ находитъ Геренъ въ ея Исторіи всѣ

періоды Эпоса, Лиры и Драмы, въ порядкѣ, совершенно естественномъ, какъ въ Исторіи Поэзіи древне-Греческой. Въ Китаѣ, открывается пребогатая литература драматическая, презабавныя Комедіи, между прочимъ Скупой, въ которомъ есть черты въ родѣ Мольера. Сверхъ того, у этихъ Китайцевъ, которые намъ являются какими-то Англичанами въ Азіатскомъ мірѣ, такими же практиками, промышленниками во всемъ, изобрѣтателями, у этихъ Китайцевъ, какъ у Англичанъ, Словесность изобилуетъ множествомъ Романовъ, представляющихъ вѣрное зеркало частной ихъ жизни. Европейскіе ученые говорятъ, что характеръ Азіи была всегда какая-то мертвая неподвижность; что этому особенно содѣйствовало образованіе кастъ и превосходство касты жрецовъ. Но въ Индіи же, гдѣ это вліяніе кастъ было сильно, явилось еще за 1000 л. до Р. Х. ученіе Будды, совершенно враждебное духу кастъ, уничтожившее ихъ во многихъ странахъ Азіи и превратившее касту жрецовъ въ сословіе монаховъ. Это ученіе распространилось по сѣверу Индіи, проникло въ Тибетъ и въ Китай. — А согласно-ли съ этой мыслію о неподвижности Азіатской постепенное развитіе Индѣйской Поэзіи? — Сверхъ того, сколько открывается Философскихъ сектъ у Индѣйцевъ, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ! Это не показываетъ, чтобы мысль у нихъ коснѣла въ бездѣйствіи.

А въ новомъ мірѣ Азія играла совершенно иную ролю чѣмъ въ древнемъ. Здѣсь ужь кастъ не видимъ. Для то-

го, чтобы родился Магометанизмъ въ Азіи, многіе перевороты должны были привести ее къ этому. И въ новой Азіи, опять какое множество сектъ и ученій Магометанскихъ, открываемыхъ нынѣ! Каждая философская система Европы едва-ли не встрѣтитъ на Востокѣ соотвѣтственнаго ей по началу религіознаго ученія?

Согласимся, что міръ Азіи еще долго будетъ для насъ загадкой; что мы должны признать, что онъ развивался, имѣлъ свои огромные періоды; что онъ жилъ подъ своимъ собственнымъ началомъ. Несомнѣнно однако, что это начало было преимущественно *религіозное*.

Я не буду говорить ни о древней Поэзіи Китайской, ни о Поэзіи древне-Персидской. Книга Конфуція и книга Зороастра, Зенд-а-веста (на древне-Персидскомъ: *Живое-слово*), представляютъ ученіе религіозно-законодательное въ поэтическихъ формахъ. Таковъ характеръ вообще этихъ первобытныхъ книгъ религіознаго ученія, гдѣ законодательство, наука, общество, нравственность, жизнь почерпаютъ всѣ свои начала изъ Религіи, и гдѣ все излагается въ поэтическомъ видѣ. Вѣрность перевода Зенд-а-весты, сдѣланнаго Анкетилемъ дю Перрономъ, Августъ Шлегель подвергаетъ большому сомнѣнію. Новый же переводъ Бюрнуфа, вышедшій только въ нынѣшнемъ году — очень рѣдокъ.

Я желаю преимущественно обратить ваше вниманіе на Индѣйскую Поэзію, а въ ней особенно на тѣ произве-

денія, которыя сдѣлались болѣе извѣстны въ Европѣ и имѣли нѣкоторое вліяніе на Поэзію Европейскую; но еще большее вниманіе обратимъ мы послѣ на Поэзію Евреевъ, ибо ея вліяніе было самое сильнѣйшее на Поэзію Христіанскаго міра у всѣхъ народовъ. Она будетъ для насъ главною представительницею Востока.

Санскритскій языкъ, говорятъ, есть одинъ изъ богатѣйшихъ, благозвучнѣйшихъ и образованнѣйшихъ языковъ міра. Въ немъ все чистыя гласныя, и только двѣ двугласныя; 38 частію простыхъ, частію сложныхъ согласныхъ, по большей части, губныхъ и язычныхъ. Говорятъ, что едва-ли есть другой языкъ, въ которомъ было бы такое гармоническое сочетаніе гласныхъ съ согласными; говорятъ, что онъ этимъ едва-ли не превосходитъ лучшіе языки южной Европы. Въ немъ есть риѳма и созвучіе или аллитерація. Формы метровъ его самыя разнообразныя. Онъ имѣетъ и поэтическую прозу. Всѣ роды Поэзіи, Эпосъ, Лира и Драма, процвѣтали въ Словесности Индѣйской. Философскихъ сочиненій множество. Древнѣйшія Грамматики относятся къ баснословнымъ временамъ Индіи. Форма стихотворная господствуетъ однако всюду надъ прозою. Самая проза Санскритская есть проза мѣрная. Есть цѣлые словари, астрономическія вычисленія, Грамматики въ стихахъ. Всякое произведеніе начинается молитвой: и Басни и Драмы и Грамматики. Все отъ религіознаго начала. Все отъ Брамы. Мудрецы, Поэты, Астрономы, Филологи, Математики,

все Брамины, объемлющіе мудрость и весь духовный міръ человѣка.

Санскритскій языкъ, какъ сказалъ я прежде, есть языкъ священный. Нѣкоторые ученые думали, что этотъ языкъ есть изобрѣтеніе самихъ Браминовъ, потому что онъ теперь есть исключительная ихъ собственность. Но это несправедливо. Вѣроятно, онъ былъ прежде живымъ, народнымъ языкомъ, и тогда-то процвѣла его Словесность. Въ Азіи не рѣдки примѣры языковъ вымершихъ. Впослѣдствіи времени, языкъ народный все болѣе и болѣе отдалялся отъ языка литературнаго, избраннаго. Это доказывается тѣмъ, что многія теперешнія нарѣчія Индіи обличаютъ свое явное происхожденіе отъ Санскритскаго языка. Даже самый языкъ Буддистовъ, именуемый *Бали* или *Пали*, носитъ на себѣ всѣ признаки этого происхожденія, а секта Будды явилась за 1000 лѣтъ до Р. Х. Чѣмъ болѣе вы восходите на сѣверъ Индіи, тѣмъ въ большей чистотѣ сохраняется Санскритскій языкъ; а Сѣверная Индія признается за колыбель этого языка. Такое же постепенное устраненіе языка народнаго отъ литературнаго видимъ мы въ Исторіи Латинскаго языка, въ эпоху варваровъ и среднихъ вѣковъ. Начало различія между Санскритомъ и народнымъ языкомъ, Геренъ, руководствуясь мнѣніемъ Кольбрука, которaго критику онъ вообще предпочитаетъ критикѣ Джонеса, относитъ за 1000 лѣтъ до Р. Х. Совершенную же порчу языка народнаго и отчужденіе его совершенное отъ

Санскритскаго, онъ относитъ ко временамъ Магометанскаго завоеванія.

Но перейдемъ къ Поэзіи Индѣйской. Вникнемъ прежде въ жизнь Индѣйца, въ его характеръ нравственный, согласно съ нашимъ образомъ воззрѣнія, и въ источникѣ его жизни постараемся открыть источникъ его Поэзіи.

Индѣецъ вѣритъ въ то, что при его рожденіи, когда минуло ему только шесть дней, Брама посѣтилъ его родителей, подошелъ къ его колыбели, и перомъ, нарочно для того приготовленнымъ, написалъ на челѣ всю участь его невидимыми чертами. Такъ Индѣецъ, во всей своей жизни, преданъ волѣ этого Брамы, какъ въ своей колыбели. Онъ вѣчный младенецъ. Смиренно заключенъ онъ въ своей кастѣ, куда опредѣлилъ его Брама. Если онъ *Браминъ* или жрецъ,—онъ поучаетъ юность и управляетъ жертвоприношеніями; если онъ *Кшатріясъ*, т. е. воинъ, онъ долженъ защищать народъ, подавать милостыню, творить правду и судъ; если онъ *Вайсіясъ*, земледѣлецъ,—онъ пашетъ землю, печется о скотѣ, торгуетъ; если онъ *Судрясъ* или рабъ,—онъ покорно служитъ всѣмъ прочимъ кастамъ, какъ своимъ старшимъ братьямъ. Все это должно совершаться потому, что Брама создалъ Брамина изъ головы своей, воина изъ руки, земледѣльца изъ лядвеи, а раба изъ ноги. Покорность судьбѣ есть главный подвигъ въ жизни Индѣйца: за нее получаетъ онъ возмездіе въ мірѣ будущемъ, а въ этомъ мірѣ, если онъ несчастливъ, то платитъ пеню за прошлую жизнь.

Изъ этого мы видимъ, что жизнь внѣшняя Индѣйца не можетъ быть стремительна, дѣятельна, какъ жизнь Европейца. Она вся очерчена магическимъ кругомъ рокового жребія. Сила круга этого тѣмъ важнѣе, что она истекаетъ изъ Религіи; что Религія сама очертила около него этотъ магическій кругъ. Всякая обязанность Индѣйца есть обязанность религіозная. Всякой законъ общественный данъ ему отъ Бога.

Но если такъ ограничена внѣшняя жизнь Индѣйца, — за то его внутренняя жизнь должна развиваться вдвое сильнѣе. Индѣецъ, сынъ самаго знойнаго Юга, питомецъ природы самой сочной, роскошной, которая своею растительною силой сокрушаетъ колоссальныя громады камней, обвивая ихъ безконечною сѣтью віющихся растеній, — этотъ Индѣецъ одаренъ отъ своей природы самыми пламенными страстями, самымъ горячимъ воображеніемъ, пылкою чувственностью, совершенно соотвѣтствующею этому богатому, сладострастному міру растеній. Но человѣкъ не есть одно тѣлесное, а вмѣстѣ духовное существо: онъ такъ устроенъ отъ Бога, что если есть какой нибудь излишній перевѣсъ силы въ тѣлесномъ бытіи его, то является тотчасъ противодѣйствіе этой силѣ въ бытіи духовномъ, и такое противодѣйствіе, котораго начало тѣсно связано съ своимъ противникомъ. Эта-же самая вообразительная сила, воспламеняющая страсти Индѣйца, можетъ переходить въ немъ въ силу духовную, въ силу созерцательную, кото-

рая совершенно отвлекаетъ его отъ міра внѣшняго, погружаетъ его душу въ самое отвлеченное, высшее, религіозное созерцаніе, укрощающее всѣ его бурныя чувства и страсти, созерцаніе, о которомъ мы Европейцы понятія имѣть не можемъ. Потому вы видите въ Индѣйцѣ смѣсь сильной чувственности съ неограниченною набожностью, сладострастія съ покаяніемъ внутреннимъ, плотскихъ вожделѣній съ религіознымъ созерцаніемъ. Индѣецъ только, одаренный сильными страстями, можетъ сдѣлаться анахоретомъ и жить въ лѣсу. Отъ того такое множество анахоретовъ въ Индіи. Гимнософистъ, убивающій духомъ плоть, и Баядера, дѣва любви: — вотъ два противоположныя явленія, совершенно характеризующія жизнь Индіи.

Такимъ образомъ, *религіозное созерцаніе* есть главная внутренняя духовная дѣятельность Индѣйца. *Любовь* же есть его внѣшняя дѣятельность, отвлекающая отъ духовной. Этѣ двѣ главныя стихіи жизни Индѣйцевъ совершенно опредѣляютъ характеръ ихъ Поэзіи. Религія и чувственная любовь были ея главнымъ источникомъ и образовали ея характеръ. Поэзія Индіи начала Гимнами и Молитвами, кончила Драмами и Поэмами любви. Такъ пиръ Индѣйскій начинается благословеніемъ, молитвою Брамина, и кончается чувственными наслажденіями и стихами поэтовъ, очищающихъ грѣхи собесѣдниковъ.

Въ чемъ же заключаетпся *религіозное созерцаніе* Индѣйца и какъ отсюда проистекаетъ его Поэзія? Индѣецъ видитъ во вселенной воплощеніе одного невидимаго, единаго и верховнаго существа, Брамы. Во всѣхъ твореніяхъ міра живетъ эта дробящаяся до безконечности душа Брамы. Здѣсь начало Индѣйскому пантеизму. Всѣ твари имѣютъ часть этой божественной души, и каждая изъ этихъ частей, каждая душа, по безконечной лѣстницѣ тварей, переступая съ одной ступени на другую, посредствомъ многихъ и многихъ очищеній, стремится къ тому, чтобы соединиться съ своимъ безконечнымъ началомъ, съ Брамою. Такъ съ пантеистическимъ воззрѣніемъ на міръ тѣсно связывается ученіе о переселеніи душъ, главное основаніе всей Индѣйской Религіи и жизни. Такимъ образомъ, не только природа органическая, т. е. животная и растительная, но даже и стихіи,—все принимаетъ у Индѣйцевъ характеръ божественности. Индѣецъ не думаетъ, подобно Европейцу, что безсмертіе души, что божественная душа есть личная его собственность, какъ человѣка. Нѣтъ, Индѣецъ уничтожаетъ свои права человѣческія; онъ сливаетъ себя, какъ человѣка, съ безконечнымъ божествомъ, разлитымъ въ природѣ, и въ ея созданіяхъ, какъ и въ себѣ, видитъ равное право на божественность души. — Отсюда проистекаетъ такая заботливая любовь Индѣйцевъ къ животнымъ и растеніямъ. Милованіе скотовъ доходило у нихъ даже до крайности, потому что они забывали себя для нихъ, позволяя насѣкомымъ питаться своимъ тѣломъ.

Это обоготвореніе всей природы, главный характеръ ихъ религіи, отражается и въ Поэзіи Индѣйской. Герои ея эпоса — боги, а не люди. Многія животныя также обоготворяются, или, по крайней мѣрѣ, возвышаются на степень человѣка. Человѣкъ же, если Поэтъ хочетъ дать ему роль поважнѣе, долженъ непремѣнно взойти на степень бога, представить какое нибудь божественное воплощеніе. Самыя безпрестанныя сравненія, которыя Поэты берутъ изъ міра растеній, основаны на томъ, что между всѣми царствами живущей природы есть соотношеніе душевное; что растенія также чувствуютъ и живутъ какъ мы; что ихъ ощущенія намъ сродны. Это мы увидимъ послѣ въ нѣкоторыхъ примѣрахъ. — Мысль о переселеніи душъ проникаетъ всюду и выражается въ Поэзіи Индѣйской какимъ-то безконечнымъ сочувствіемъ между всѣми созданіями міра. Фридрихъ Шлегель очень справедливо думаетъ, что эта мысль о переселеніи душъ дала особенный характеръ всей жизни и Поэзіи Индѣйской. Но не забудемъ однако еще той основной религіозной мысли, съ которою мысль о переселеніи душъ тѣсно связана, — мысль о душѣ божественной, безконечно разлитой по тварямъ, — мысли о возможности всякой живущей твари восходить до этой божественности. Если изъ мысли о переселеніи душъ мы объяснимъ, какимъ образомъ животныя и растительная природа дѣйствуютъ въ Поэзіи Индіи; то только изъ пантеизма Индѣйцевъ мы можемъ объяснить, какъ животныя и люди обоготворяются ихъ Поэтами.

Я буду говорить болѣе о памятникахъ Словесности Санскритской, хотя и прочія нарѣчія, не принадлежащія болѣе къ живымъ, какъ на пр. Пракритъ, нарѣчіе низшее, равно и живыя нарѣчія, не бѣдны классическими произведеніями въ стихахъ и прозѣ. Въ мнѣніяхъ и изложеніи я буду слѣдовать Лангле и Герену, потому что они съ подробностію и въ возможной полнотѣ изложили Исторію Индѣйской Поэзіи и Словесности вообще. Заключенія Герена, какъ мы увидимъ послѣ, можетъ быть, иногда слишкомъ смѣлы, потому что онъ не читалъ ни подлинниковъ, но даже полныхъ переводовъ. Геренъ и Лангле полагаютъ четыре періода съ Индѣйской Словесности.

Первый самый древнѣйшій есть періодъ Ведъ, періодъ весьма обширный, пока всѣ молитвы и гимны, въ нихъ содержащіяся, и изрѣченія Индѣйской мудрости, приведены были въ систему. Веды и древнѣйшія эпическія поэмы написаны только по Санскритски. Пракритъ, низшее нарѣчіе въ нихъ не участвуетъ. Веды суть самый древній памятникъ Индѣйской Словесности. Полная рукопись Ведъ въ оригиналѣ находится въ Британскомъ Музеумѣ, куда привезена Полковникомъ Полье. Она не переведена. Нѣкоторые гимны переложены или лучше передѣланы Джонесомъ; нѣкоторыя мѣста Боппомъ. Но лучшій критическій трудъ есть изслѣдованіе Кольбрука. Всякая Веда состоитъ изъ двухъ частей: Молитвъ (Мантрасъ) и Предписаній (Браманасъ). Пол-

ное собраніе гимновъ, молитвъ и воззваній, принадлежащихъ къ одной Ведѣ, называется *Санхита*. Все прочее относится къ *Браманасамъ*, которыя содержатъ въ себѣ обязанности религіозныя, толкованія этихъ обязанностей и богословскіе отрывки, называемые *Упанишадами*. Это раздѣленіе впрочемъ не вездѣ строго наблюдается; Упанишады находятся и отдѣльно, и составляютъ иногда части Санхиты.

И такъ главная поэтическая часть Ведъ заключается въ *Гимнахъ* и *Молитвахъ*. Всѣ эти Гимны и Молитвы обращены къ божествамъ, олицетворяющимъ предметы природы, какъ-то: твердь, огонь, солнце, луна, вода, воздухъ, земля и проч. Разнаго рода жертвы, имъ приносимыя, подаютъ поводъ къ многочисленнымъ молитвамъ. По правиламъ Браминовъ, не нужно знать смысла этихъ молитвъ, а только святаго, который говоритъ, божество, къ которому обращены онѣ, случай, въ которомъ гимнъ употребляется, мѣру стиховъ и разные способы произношенія, коимъ приписывается магическая сила. Изо всего этого видно, что поэтическое и даже религіозное значеніе этихъ молитвъ совершенно принесено въ жертву религіозному обряду. Я приведу для примѣра нѣсколько отрывковъ взятыхъ мною у Джонеса. (Extracts from the Vedas.)

Вотъ на примѣръ, опредѣленіе Бога по Ведамъ: «Совершенная правда; совершенное счастіе; несравненный;

безсмертный; безусловное единство; котораго ни речь описать, ни умъ постигнуть не можетъ; все-объемлющій; все-превосходящій; увеселяющійся своимъ собственнымъ безконечнымъ разумомъ; не ограниченный ни пространствомъ, ни временемъ; безъ ногъ, движущійся быстро; безъ рукъ, всѣ міры огорщающій; безъ очей, все надзирающій; безъ ушей, все слышащій; безъ разумнаго спутника, все понимающій; безъ причины, первая изъ всѣхъ причинъ; все устрояющій; все-могущій; творецъ, сохранитель, преобразитель всего сущаго: сей есть Великій Единый: сіе объявляютъ Веды.» Здѣсь не льзя незамѣтить въ опредѣленіи поразительнаго сходства съ опредѣленіемъ Бога у Державина.

Вотъ священные стихи изъ Веды:

1. Да возможетъ душа моя, которая восходитъ высоко въ часы бдѣнія, какъ эѳирная искра, и даже во снѣ, возлетаетъ на высоту великую, какъ изліяніе отъ свѣта свѣтовъ, да возможетъ она въ набожномъ размышленіи соединиться съ духомъ верховно-благимъ и верховно-разумнымъ!

2. Да возможетъ душа моя, силою подобною той, которою рожденные долу совершаютъ свои дѣла семейныя, и мудрецы, глубоко проникшіе въ науки, достойно исправляютъ жертвенные обряды: сія душа, которая сама

была первою жертвою между тварями, да возможетъ въ набожномъ и проч.

3. Да возможетъ д. м., сей лучъ совершенной мудрости, чистаго разума и вѣчнаго бытія, сей неугасимый свѣтъ, заключенный въ тѣла сотворенныя, безъ коего не совершается ни одно благое дѣло, да возм. она и проч.

4. Да в. д. м., въ коей, какъ въ существѣ безсмертномъ, объемлется все прошедшее, настоящее и будущее; коею жертва, приносимая семью жрецами, достойно исправляется, да в. она и проч.

5. Да в. д. м., въ коей, подобно спицамъ колеса въ оси колесницы, вмѣщены святыя писанія Ригведы, Сaмана и Яюша; въ которую воткано все, что только относится до созданныхъ образовъ, д. в. она и проч.

6. Да в. д. м., которая, будучи разлита въ другія тѣла, правитъ человѣчествомъ, какъ искусный возница своими быстрыми конями, сія душа, заключенная въ груди моей, чуждая старости, неимовѣрно быстрая въ своемъ бѣгѣ, да в. она, въ божественномъ размышленіи соединиться съ духомъ верховно-благимъ и верховно-разумнымъ.

Здѣсь ясно проглядываетъ всюду Индѣйское ученіе о всемірной божественной душѣ. Эта молитва читается передъ религіознымъ созерцаніемъ, которое составляетъ высшее блаженство для Индѣйца.

Вотъ примѣръ одного Упанишада изъ Джонеса. Въ немъ особеннаго вниманія заслуживаетъ сравненіе человѣка съ деревомъ въ томъ смыслѣ, что и дерево создано какъ человѣкъ.

Упанишадъ изъ Яюшведы:

1. Человѣкъ подобенъ дереву, владыкѣ лѣса; въ этомъ нѣтъ вымысла: его волосы—листья; его кожа— наружная кора.— 2. Хотя кожа точитъ кровь, а кора сокъ; но изъ раненаго человѣка кровь вытекаетъ точно такъ же, какъ растительный сокъ вытекаетъ изъ дерева разрѣзаннаго. 3. Его мускулы какъ тканыя волокна; плена вокругъ костей какъ внутренняя кора, заключенная въ деревѣ; его кости—твердыя части дерева; мозгъ въ нихъ составленъ изъ смолы.—4. Дерево, упавши, выростаетъ снова, еще свѣжѣе, отъ корня: отъ какого же корня выростаетъ смертный человѣкъ, сраженный однажды рукою смерти? — 5. Не говори, что онъ выростаетъ отъ сѣмени: сѣмя вѣрно отъ пищи. Дерево, безъ сомнѣнія, ростетъ отъ сѣмени, но послѣ смерти имѣетъ видимое обновленіе.—6. Но дерево, вырванное съ корнемъ, уже само собою болѣе не выростаетъ. Отъ какого же корня выростаетъ смертный человѣкъ, сраженный рукою смерти?—7. Не говори, что онъ родился прежде; онъ родился: кто же можетъ вновь его уготовить къ рожденію? — 8. Богъ, который есть совершенная мудрость, совершенное счастіе. Онъ есть конечное прибѣжище человѣка; онъ щедро распре-

дѣляетъ свое богатство тому, кто былъ твердъ въ добродѣтели, кто знаетъ и обожаетъ Великаго Единаго.

Всѣ Веды суть собраніе отрывковъ, коихъ сочинители, большею частію, въ нихъ же поименованы. Сначала, вѣроятно, онѣ передавались изустно. Преданіе именуетъ ихъ собирателя Віасою, но Віаса значитъ по-Санскритски: Собиратель. Время собранія опредѣлить невозможно. Древность ихъ доказывается трудностью языка, мѣстами, приводимыми изъ оныхъ во всѣхъ прочихъ памятникахъ Санскритской Словесности, умолчаніемъ въ Ведахъ (кромѣ послѣдней книги, которая потому и подвержена сомнѣнію) о почитаніи Рамы и Кришны, какъ воплощеній Вишну. Это доказываетъ, что эти секты явились позднѣе Ведъ. Текстъ Ведъ, разумѣется, измѣненъ былъ, ибо собиратели и учители онаго раздѣлялись на 1100 школъ; но и теперешній текстъ есть весьма древній, что доказывается цитатами въ другихъ твореніяхъ Санскритской литературы. Глоссы и мѣрное пѣніе также предохраняли сей текстъ отъ измѣненій. Веды предполагаютъ богослуженіе, которое связывалось со многими обрядами и ввѣрено было кастѣ жрецовъ. Религія сія, по единогласному сознанію всѣхъ ученыхъ, основывалась на понятіи о единомъ божествѣ, которое открываетъ себя въ великихъ явленіяхъ природы, также боготворяемыхъ Индѣйцами. Посему Религія Ведъ есть Религія естественная.

Изъ Ведъ происшекли и Законы Ману, содержащіе въ себѣ все законодашельство Индѣйское. Это шакже швореніе не одного человѣка и не одного сшолѣшія. Прежде нежели ихъ собрали и написали, вѣроятно, они долго были уже въ употребленіи. Въ нихъ также нѣтъ никакого слѣда секшъ, и шѣже божесшва упоминаются, какія и въ Ведахъ. Джонесъ относитъ собраніе Ведъ къ 1580 году до Р. Х.; собирашеля ихъ онъ почитаетъ современникомъ Моисея, а законы Ману относятся, по мнѣнію ученыхъ, къ 13 вѣку передъ Рождесшвомъ Христовымъ, потому что въ законахъ Ману не говорится ни о шройствѣ Индѣйскомъ, ни о славномъ преобразовашелѣ Индѣйской Религіи, Буддѣ, который по инымъ жилъ за 1000, по другимъ за 600 лѣтъ до Р. Х. Законы Ману, по Ланглe, относятся уже ко второму періоду Словесности Санскритской.

Веды сушь источникъ Индѣйской Религіи, а не Миѳологіи, коей источникъ есть Индѣйскій Эпосъ. Божесшва, призываемыя въ Ведахъ, сушь олицетворенныя явленія природы, которыя можно привесши къ шремъ главнымъ: огню, воздуху и солнцу, какъ проявленіямъ первобытнаго существа. Первые намѣки миѳологическіе встрѣчаются рѣдко. Отсюда видно первоначальное различіе между жреческою и народною религіею. Веды источникъ первой: потому чтеніе ихъ недозволено народу и принадлежитъ однимъ Браминамъ. Слѣдующія за ними касты могли ихъ только слышать, а нисшія и того не мо-

гли. Кромѣ того, отвлеченное ученіе, въ нихъ содержащееся, не могло и сдѣлаться ученіемъ народнымъ. Ученіе Браминовъ, разумѣется, не сохранилось въ чистотѣ. Послѣдовали многія нововведенія. Служеніе Рамѣ и Кришнѣ замѣнило служеніе стихіямъ и планетамъ. Народная религія образовалась въ Индіи посредствомъ эпическихъ поэтовъ, такъ какъ въ Греціи посредствомъ Геродота и Гомера. Но и эти самые поэты были Брамины же; отсюда видно близкое сношеніе между жреческою и народною Религіею. Все это требуетъ еще изслѣдованій.

Эпическая, лирическая, драматическая, дидактическая Поэзія, басня: всѣ формы находятся въ Санскритской Словесности; но надъ всѣми господствуетъ, по собственному сознанію Индѣйцевъ, Поэзія Эпическая, самая древнѣйшая, почитаемая святынею, которой приписывается начало божественное, источникъ образованія Индѣйскаго народа. Индѣйская Словесность богата эпопеями; древнѣйшія произведенія повлекли за собою много подражаній; но такъ какъ Иліада и Одиссея все покрываютъ блескомъ въ Греческой Словесности, такъ *Рамаяна* и *Магабарата* въ Индѣйской. Сіи-то двѣ Поэмы представляютъ второй періодъ Индѣйской Поэзіи, который относитъ также на значительный рядъ вѣковъ до Р. Х. Окончательное же собраніе и очищеніе этихъ двухъ Поэмъ относится къ третьему періоду, о которомъ будемъ говорить послѣ.

До сихъ поръ ученая Европа ожидаетъ давно обѣщаннаго Августомъ Шлегелемъ перевода Рамаяны, извѣстной только въ отрывкахъ и по краткому содержанію. Предметъ Поэмы есть побѣда небеснаго героя Рамы, воплощеннаго Вишну, надъ Равуною, Княземъ Ракшусовъ или злыхъ духовъ. Злые духи сдѣлались неодолимыми, взявши обѣщаніе съ боговъ никогда не уязвлять ихъ: только смертный можетъ побѣдить Равуну, и потому боги просятъ Вишну воплотиться. Онъ воплощается въ четырехъ сыновей царя Души-Руты, изъ которыхъ старшій, Рама, есть герой Поэмы, давшій ей имя. Поэма начинается описаніемъ города, въ которомъ царствуетъ Душа-Рута.

. . . . .

Это картина золотаго вѣка. Она отличается какимъ-то преувеличеніемъ во всемъ, свойственнымъ восточной фантазіи. Но Душа-Рута несчастливъ тѣмъ, что не имѣетъ сыновей. Онъ намѣренъ для этого принести въ жертву богамъ коня; но чтобы эта жертва имѣла силу, дочь царя Души-Руты должна сочетаться съ однимъ юнымъ отшельникомъ и вызвать его изъ лѣсной пустыни своими красотами. Здѣсь мы видимъ опять сочетаніе набожности съ чувственнымъ наслажденіемъ. Жертвоприношеніе требуетъ побѣды сладострастія надъ мудрецомъ — анахоретомъ. Конь принесенъ въ жертву. Вишну, въ совѣтѣ боговъ, собравшихся въ жилищѣ Брамы, рѣшается принять на себя тѣло четырехъ сыновей Души-Руты. Вишну однако самъ

остается на небѣ, и въ одно время съ своимъ воплощеніемъ, производитъ безчисленное поколѣніе исполинскихъ обезьянъ, которыя должны помогать герою. Когда Рама выросъ, — за нимъ приходитъ къ царю Душѣ-Рушѣ мудрецъ Вишва-Мишра, долгими искушеніями достигшій высочайшей мудрости, и зоветъ его на подвигъ. Царь не смѣетъ отказать мудрецу и отпускаетъ сына. До своего подвига, Рама долженъ былъ сочетаться съ прекрасною Зитою, дочерью царя Юнуки. Руку ея получаетъ онъ цѣною подвига: ему предлагаютъ натянуть лукъ, котораго осьмиколесный ковчегъ могли подвинуть только восемьсотъ человѣкъ. Этотъ лукъ Рама беретъ одною рукою и ломаетъ его отъ силы напряженія. Здѣсь главный предметъ Поэмы теряется изъ виду, и то поэтическое единство, которое Геренъ мечтаетъ найдти въ Поэмѣ, исчезаетъ совершенно. Неизвѣстно даже, куда дѣвался по бракосочетаніи Рамы мудрецъ Вишва-Мишра. — Въ послѣдствіи Рама, высланный отцемъ, проводитъ нѣсколько лѣтъ въ лѣсу, въ покаяніи, вмѣстѣ съ своею супругою, и уступаетъ брату своему престолъ по смерти отца. Равуна, Князь злыхъ духовъ, похищаетъ его супругу, Зиту. Рама, соединившись съ полчищемъ обезьянъ, побѣждаетъ Равуну. Конецъ Поэмы разсказывается двоякимъ образомъ. По Герену, Рама, признавъ невинность жены, получаетъ благословеніе Брамы и всѣхъ боговъ, и возвращается въ столицу отца своего; но оставивъ престолъ брату, самъ возвращается на небо. По Лангле, онъ изгналъ жену,

потомъ подвергъ ее испытанію огня; земля поглотила ее, чтобы избавить отъ такого безчестія. Онъ самъ убилъ себя въ отчаяніи. Не знаешь кому вѣрить. — Сочиненіе этой Поэмы приписывается Вальмики, но это такое же миѳическое имя какъ имя Віасы, будто бы сочинителя Магабараты, и какъ имя Гомера.

Магабарата (великая война) также не издана въ переводѣ. Переведены только нѣкоторые эпизоды. Краткое содержаніе Поэмы извѣстно изъ приложенія къ Персидскому переводу, переведеннаго по-Англійски. Но и этотъ Персидскій переводъ есть только сокращеніе. Магабарата, по всѣмъ признакамъ, особенно потому, что представляетъ восьмое воплощеніе Кришны, написана позднѣе Рамаяны; но не льзя отнять и у нея глубокой древности; ибо памятники утесовъ Индіи покрыты, по большей части, представленіями изъ этой Поэмы. Магабарата содержитъ 18 пѣсень или книгъ и имѣетъ 100,000 стиховъ, изъ коихъ 24,000 описываютъ главный предметъ, а прочіе заключаютъ эпизоды и отступленія. Содержаніе Поэмы есть также воплощеніе Вишну на землѣ, подъ видомъ Кришны, и побѣда добрыхъ Князей Пандосовъ надъ злыми Князьями Коросами. Я не буду обременять васъ разсказомъ содержанія, исполненнаго именъ. Скажу только, что здѣсь описано чудесное рожденіе Кришны, его воспитаніе, юность, пребываніе между пастушками. Но особенно великолѣпно и роскошно описаніе острова, который Кришна воздвигаетъ середи моря для того, что-

бы изъ него дѣйствовать противъ Коросовъ. Особенно блещутъ роскошью и сладострастіемъ праздники этого острова, которые Кришна даетъ своимъ военнымъ товарищамъ. Какъ роскошны и сладострастны игры бога, который сошелъ съ неба на землю, кажется не для войны съ злыми Князьями, а для чувственныхъ наслажденій, для того, чтобы самыми невозможными чудесами подарить землю. Вотъ занятія этого бога. «Тамъ жены, наполнивъ водою ладонь руки, льютъ на него дождь: такъ облака поливаютъ океанъ. Кришна также, въ свою чреду, брызжетъ въ нихъ легкою струею, какъ роса небесъ брызжетъ на цвѣты. Мигомъ море покрывается ладьями, и ладьи принимаютъ образы павлиновъ, рыбъ и змѣй пловучихъ. Тутъ на островѣ, и рощи, населенные народомъ оленей и птицъ, и торжественные арки, блестящіе изумрудомъ, кристалломъ, златомъ, лазурью и всѣми драгоцѣнными металлами и камнями. Вдругъ, летучіе города сходятъ съ небесъ на землю, города, которыхъ жители небесные музыканты, города, звучащіе на воздухѣ гармоніею музыки. Но всѣхъ пышнѣе городъ, гдѣ Кришна веселится съ дворомъ своимъ. Внезапно, своенравный богъ повелитъ океану уравнять свои воды, разослать ихъ чисто и прозрачно, отнять у нихъ всю горечь, удалить морскихъ чудовищъ; разставитъ по океану богатые столы, съ разными яствами и питьемъ, и задаетъ самый роскошный Индѣйскій пиръ на морѣ, пиръ, исполненный благовоній и пряностей. — То затѣетъ купанье и бой въ прохладныхъ волнахъ моря: дѣвы и жены

вступающъ въ самую жаркую борьбу въ спокойной и прозрачной стихіи,—и весь океанъ покрывается тысячью красотъ чудесныхъ, и становится подобнымъ небу, отягченному облаками, сквозь которыя тысячи мѣсяцевъ вдругъ бы засверкали.»

Этотъ краткой разсказъ о чудесахъ бога Кришны вѣрно внушитъ вамъ болѣе желанія узнать эту Поэму, нежели содержаніе, исполненное Индѣйскихъ именъ, для насъ непонятныхъ.

ЧТЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Внутренній характеръ Индѣйскаго Эпоса.—Наружный характеръ: недостатокъ единства.—Форма: Слока.—Способъ чтенія Поэмъ у Индѣйцевъ.—Третій періодъ Индѣйской Поэзіи.—Лира и Драма.—Гита-Говинда, Дьяядевы.—Облако вѣстникъ, Калидасы.— Натаки, драмы Индѣйскія.—Соотвѣтствіе періодовъ Индѣйской Поэзіи періодамъ Индѣйской жизни.—Четвертый періодъ.—Пураны.—Гитопадеса.—Содержаніе.—Замѣчанія.—О началѣ басни на Востокѣ.—Сакунтала.—Содержаніе.

Мы остановились на второмъ періодѣ Индѣйской Поэзіи и собственно на характеристикѣ Индѣйскаго Эпоса.

Рамаяна и Магабарата, двѣ великія Поэмы, относящіяся ко второму періоду поэзіи Индѣйской, опредѣляютъ характеръ Индѣйскаго Эпоса, и въ нѣкоторомъ отношеніи, всей Индѣйской поэзіи.

Первая черта внутренняго характера сего Эпоса состоитъ въ томъ, *что онъ не удовлетворяется представленіемъ просто естественнаго и человѣческаго міра.* Въ

этомъ отношенія, онъ составляетъ совершенную противоположность съ Греческимъ Эпосомъ. Всѣ герои Индѣйскаго Эпоса суть боги, воплощенные въ человѣковъ или даже въ животныхъ, каковы напр. предводитель обезъянъ, Гануманъ, союзникъ Рамы, Ямвентъ, начальникъ медвѣдей, Гарудъ, царь орловъ. Простые же человѣки, участвующіе въ Индѣйскомъ Эпосѣ, всегда возводятся на степень высочайшихъ мудрецовъ, такъ называемыхъ Ришисовъ и Мунисовъ, которые, посредствомъ отшельнической жизни, изученія Ведъ, непрерывнаго созерцанія, становятся даже выше Девъ, выше боговъ.—Въ Греческомъ Эпосѣ, напротивъ, главные герои человѣки, а боги побочныя лица, махины, движущія дѣйствіемъ. Но и самые боги нисходятъ до человѣковъ и оживляются ихъ страстями. Такимъ образомъ, Греческій Эпосъ можно назвать человѣческимъ, въ сравненіи съ пантеистическимъ Эпосомъ Индіи, гдѣ все—божество. Но какъ человѣческое возводится въ немъ на степень божественнаго, такъ и все естественное переходитъ въ сверхъ-естественное. Возьмите, для примѣра, въ началѣ Поэмы: Рамаяна, описаніе столицы Царя Души-Руны и золотаго вѣка, при немъ бывшаго. Царь живетъ 9000 лѣтъ. Никто изъ обитателей счастливаго города не проживаетъ менѣе 1000 лѣтъ. Всякой видитъ свое многочисленное потомство. Главы чертоговъ и храмовъ равняются вершинамъ горъ. Лукъ, натянутый Рамою, треснулъ въ рукахъ героя — и трескъ былъ подобенъ грохоту падшаго утеса. Какъ все это колоссально, преувеличено!

Такимъ образомъ неорганическая, мертвая природа, переходя въ міръ Индѣйской Поэзіи, увеличиваетъ всѣ свои размѣры до исполинскаго; растенія и животныя наполняются человѣческою и божественною душою; человѣкъ обоготворяется посредствомъ воплощенія боговъ и возвышенія человѣковъ. Такъ фантазія Индѣйская есть увеличительное стекло, наводимое равно на міръ матеріальный и духовный. Я уже показалъ, какимъ образомъ это поэтическое воззрѣніе Индѣйцевъ проистекало изъ ихъ Религіи.

И такъ, идеальное Индѣйскаго Эпоса заключается въ сверхъ-естественномъ, въ сверхъ-человѣческомъ, въ преувеличенномъ. Идеальное же Греческаго Эпоса, напротивъ, все подчиняется законамъ стройнаго естества. Потому-то Индѣйскія божества не могутъ быть для насъ идеалами тѣлесной красоты, какъ божества Греческія. Голубой цвѣтъ Вишну, красный цвѣтъ Кришны, эти боги многорукіе, многоногіе, совершенно противорѣчатъ нашимъ понятіямъ о человѣческой красотѣ. Посему Индѣйскій Эпосъ удивляетъ, поражаетъ насъ; но не можетъ возбуждать въ насъ человѣческаго сочувствія, какъ Эпосъ Греческій. Поэты Индѣйскіе чувствовали это сами, и желали иногда, по невольному поэтическому чувству, приблизить своихъ боговъ къ людямъ. Напримѣръ, трудно было имъ согласить мудрость боговъ, проникающую въ тайны грядущаго, съ ограниченнымъ знаніемъ смертныхъ: они изобрѣли для того облако Маія,

которое вѣчно виситъ передъ взорами человѣковъ и воплощенныхъ боговъ и заслоняетъ отъ нихъ будущее. Но и смертные и воплощенные боги въ силахъ однако удалять иногда отъ себя это облако.

Устраненіе естественности даетъ Индѣйскому Эпосу характеръ Восточной сказки. Онъ не имѣетъ въ себѣ никакой исторической стихіи какъ Греческій Эпосъ. Потому-то онъ никогда и не могъ породить Исторіи. Ея совершенно чуждается Индѣйская Словесность.

Вторая отличительная черта во внутреннемъ характерѣ Индѣйскаго Эпоса есть та, *что онъ есть Эпосъ жреческой касты.* Главный предметъ его есть религіозный, и весь кругъ Поэзіи совершается въ религіозныхъ представленіяхъ и образахъ. Всѣ происшествія расчислены на прославленіе касты Браминовъ. Вездѣ показано, какъ цари уважаютъ ихъ; какъ осторожно съ ними обходятся; какъ дорожатъ ихъ молитвами и боятся ихъ проклятій, отъ которыхъ дрожитъ земля. Народъ, какъ сказано въ одномъ отрывкѣ изъ Магабараты, былъ исполнъ тогда довѣренности къ своимъ почтеннымъ Браминамъ. Никто не дарилъ имъ менѣе тысячи рупій. По всему вѣроятію, обѣ эти Поэмы должны относиться къ тому времени, когда каста жрецовъ была на верхней степени славы и даже когда она одержала верхъ надъ кастою воиновъ.—Въ Греческомъ Эпосѣ мы опять видимъ противное. Здѣсь напротивъ, изъ всего ясно, что жрецы

уступили касте воиновъ, потому что они находятся у воиновъ въ притѣсненіи, какъ то мы видимъ въ самомъ началѣ Иліады.

Что̀ касается до наружнаго характера Индѣйскаго Эпоса, то, судя по множеству эпизодовъ, въ него входящихъ и нисколько не относящихся къ главному содержанію, не льзя не признать такого же рапсодическаго характера этихъ Поэмъ, какой отличаетъ, по мнѣнію лучшихъ критиковъ и филологовъ, Иліаду и Одиссею. Сочиненіе Рамаяны приписывается поэту Вальмики; сочиненіе Магабараты—Віасѣ. Но рапсодическій характеръ Поэмъ ведетъ невольно къ предположенію, что и онѣ, также какъ Иліада и Одиссея, сочинены не однимъ лицемъ. Геренъ допускаетъ эпизодическія вставки въ этѣ поэмы потому особенно, что всѣ ихъ пѣсни писались на пальмовыхъ листьяхъ, иногда не переплетенныхъ; но находитъ однако въ обѣихъ поэмахъ поэтическое единство и полагаетъ главнымъ сочинителемъ каждой одно лице, какъ въ поэмахъ Гомеровыхъ. Не льзя однако жь не согласиться, что сужденія Герена въ этомъ случаѣ слишкомъ смѣлы, потому что, зная обѣ Поэмы только по нѣкоторымъ переводнымъ отрывкамъ и краткому содержанію, не можно ничего заключить о поэтическомъ ихъ единствѣ. Къ тому же и содержаніе это едва-ли вѣрно, потому что Геренъ разсказываетъ окончаніе Рамаяны совершенно иначе, чѣмъ Лангле. Боппъ, ученѣйшій въ Германіи знатокъ Санскритской Словесности, говоритъ, что Мага-

бараша есть миѳологическая, философская, поэтическая и историческая энциклопедія. Какое же тутъ можетъ быть поэтическое единство? Даже изъ того содержанія Рамаяны, которое у себя приложилъ Геренъ, можно видѣть, что нѣтъ одной нити въ происшествіи. Герой Рама, вызванный Вишва-Митрою, на отмщеніе Князю злыхъ духовъ, отвлекается отъ своего предпріятія свадьбою, потомъ возвращеніемъ къ отцу, изгнаніемъ и проч., такъ что едва-ли можно съ вѣрностію заключить, что главный предметъ Поэмы есть единственно побѣда Рамы надъ Равуною.

Форма стихосложенія Индѣйскаго, самая древнѣйшая и простая, есть *Слока*, двустишіе, состоящее изъ двухъ шестнадцатисложныхъ стиховъ, имѣющихъ послѣ осьмаго слога цезуру. Изобрѣтеніе размѣра приписывается Поэту Вальмики. И Эпосъ и законы Ману и частію Веды, но позднѣйшія, писаны у Индѣйцевъ, этою формою. Размѣры Индѣйскіе, какъ и Греческіе, основаны, по свидѣтельству Августа Шлегеля, на сочетаніи долгихъ съ короткими. Потому онъ находитъ большое отношеніе между Индѣйскою Слокою и Греческимъ гекзаметромъ. Должно замѣтить однако, что Слока есть двустишіе, заключающее въ себѣ полный смыслъ, округленное и внутренно и наружно.—Гекзаметръ имѣетъ выраженіе свободное, текучее. Слока-же есть форма болѣе сомкнутая, какъ пословица или поговорка, или лучше притча Еврейская [Misle]. Здѣсь выраженіе принимаетъ

какую то особенную знаменательность. Оно сковано и внутреннимъ значенiемъ и наружною формою. Словомъ, оно показываетъ тотъ же символико-религiозный характеръ въ формѣ, какой мы находимъ и въ духѣ Индѣйской Поэзiи. Весьма замѣчателенъ способъ чтенiя этихъ огромныхъ эпическихъ Поэмъ у Индѣйцевъ. Въ извѣстные мѣсяцы года, въ числѣ 4^хъ или 5 тысячъ, они собираются подъ наметомъ какого нибудь богача, каждый день, для слушанiя этихъ Поэмъ. Передъ чтенiемъ поклоняясь книгѣ, каждый говоритъ: «Книга, будь для меня богинею ученiя, даруй мнѣ знанiе!» — Потомъ приносятъ цвѣты и рисъ въ жертву автору и герою Поэмы. Садятся по кастамъ и слушаютъ. Такiя собранiя продолжаются нѣсколько мѣсяцевъ сряду. Магабарата читается въ теченiи четырехъ мѣсяцевъ.

Этотъ религiозный обрядъ показываетъ, какое святое уваженiе питаютъ Индѣйцы къ своей Поэзiи, и что они ищутъ въ ней не одного наслажденiя, но и религiозныхъ ученiй.

Третiй перiодъ Индѣйской Поэзiи есть перiодъ самый цвѣтущiй, перiодъ Царя Викрамадитiи, покровителя поэтовъ и ученыхъ, умершаго за 56 лѣтъ до Р. Х. При его-то дворѣ блистали девять Поэтовъ или *девять жемчужинъ*, какъ ихъ тогда называли, изъ которыхъ особенно славны Дьяядева, авторъ Гита-Говинды, и особен-

но Калидаса, творецъ Сакунталы, Браминъ и великій мудрецъ. Онъ-то, по повелѣнію цареву, собралъ, привелъ въ порядокъ и очистилъ оба великіе народные Эпоса.

Но самая Поэзія, въ этомъ періодѣ, приняла характеръ *лирическій* и *драматическій*. Я потому ставлю эти два рода вмѣстѣ, что въ Индѣйской Поэзіи нѣтъ между ими строгаго разграниченія, такъ какъ нѣтъ его между эпическою и дидактическою Поэзіею, — и вообще роды Поэзіи на Востокѣ не раздѣляются между собою такими рѣзкими гранями, какъ раздѣляются они въ Греціи.

Лирику этого періода должно отличить отъ той религіозной, строгой, глубоко значительной Лирики Ведъ, которою началась Поэзія Индѣйская. Въ періодѣ Поэзіи не исключительно жреческой, а царской, придворной, Лирика не возносила своихъ пѣсень въ одинъ міръ небесный, а напротивъ низвела ихъ на землю; стала воспѣвать войну, побѣды, но еще болѣе любовь, это чувство мирное, которому въ полнотѣ могли предаваться подданные царя сильнаго, Викрамадитіи. Лирика, въ этомъ роскошномъ вѣкѣ, отъ торжественнаго гимна сошла къ сладострастной эротической пѣсни и къ любовной, чувствительной элегіи. Примѣръ того и другаго мы видимъ въ *Гитъ-Говиндѣ*, Дьяядевы, — и въ элегическомъ пѣснопѣніи Калидасы: *Облако вѣстникъ*. Должно однако замѣ-

тишь, что на всѣхъ этихъ чувствахъ, какого бы земнаго происхожденія онѣ ни были, видѣнъ отливъ и чувства религіознаго,—потому что въ Индіи Религія входила во всѣ отношенія, во всѣ чувствованія жизни человѣческой.

Первый изъ Индѣйскихъ Лириковъ есть *Дьядева*. Родина его праздновала день его рожденія жертвоприношеніями, весельями, и представляла его пастушескія Драмы. Образцовое его произведеніе въ этомъ родѣ есть *Гита-Говинда*. Предметъ взятъ изъ Магабараты, а именно то время, когда Кришна, еще пастухомъ и юношей, странствовалъ между пастушками и предавался земнымъ наслажденіямъ. Одна, прекраснѣйшая изъ пастушекъ, считаетъ себя забытою своимъ любовникомъ и изливается въ жалобахъ. Подруга ея дѣлается посредницею между ею и богомъ, и возвращаетъ къ ней вѣтренаго на ложе наслажденія. Это рядъ, то элегическихъ, то эротическихъ пѣсень, въ которыхъ любовь дышетъ однимъ чувственнымъ наслажденіемъ и нѣга доходитъ иногда до непристойности, судя по нашимъ понятіямъ.

Другое славное лирическое пѣснопѣніе принадлежитъ *Калидасѣ*: это есть *Облако Вѣстникъ*. Одинъ Дева, находившійся въ услуженіи бога Куверы, изгнанъ имъ на какую-то гору въ наказаніе и разлученъ съ своею супругою. Прошло восемь мѣсяцевъ изгнанію. Наступило дождливое время. Увидѣвъ, какъ облака стремились отъ юга къ сѣверу, къ Гималаѣ, къ возлюбленной его родинѣ,

гдѣ груститъ о немъ его супруга, онъ обращается къ одному облаку, даетъ ему порученія, описываетъ путь его, лицо своей супруги, и ввѣряетъ ему для нея слова надежды и утѣшенія.

Драма Индѣйская процвѣтала также при пышномъ дворѣ царя Викрамадитіи. *Натаки* (такъ называются Драмы у Индѣйцевъ) ниже эпическихъ поэмъ, по ихъ мнѣнію. Онѣ писаны не однимъ Санскритомъ, но и Пракритомъ, т. е. мертвымъ народнымъ нарѣчіемъ, и кромѣ того живымъ нарѣчіемъ черни, смотря по лицамъ, какія въ нихъ говорятъ. Онѣ также раздѣляются на дѣйствія, какъ и наши драмы, и содержатъ 3, 5, 7 и 10 дѣйствій. Предметы Натакъ берутся изъ эпическихъ Поэмъ, Рамаяны и Магабараты, такъ что Индѣйская Драма есть такое же дитя Эпоса, какъ и Греческая. Предметъ ихъ, какъ и лирическихъ пѣснопѣній, по большей части, есть любовь. Это видимъ мы по лучшимъ произведеніямъ, а именно Васантасенѣ, которой главное лицо есть Баядера; по тремъ Драмамъ Калидасы, которыя всѣ представляютъ любовь и изъ коихъ лучшая есть Сакунтала; по Драмѣ Поэта Бавабути, изображающей любовь Малати и Мадавы.

Судя по этому содержанію лирическихъ пѣснопѣній и драмъ, относящихся къ третьему періоду Индѣйской Словесности, мы видимъ, что въ Поэзіи стала тогда преобладать любовная, чувственная стихія надъ рели-

гіознымъ созерцаніемъ. Сколько Веды поучительны, важны, монотонны, — столько Натаки и Лирическія Поэмы Индѣйцевъ исполнены любви, сладострастны, роскошны, и переносятъ насъ въ нѣгу этого богатаго растительнаго міра Индіи. Поэты, правда, заимствуютъ свои идеалы изъ возвышеннаго Эпоса, какъ изъ общаго источника Поэзіи Индѣйской; но преимущественно изъ его земной стихіи, изъ любовныхъ похожденій боговъ на землѣ.

Такому направленію Поэзіи соотвѣтствовало, вѣроятно, и развитіе Идѣйской жизни. Индія не имѣетъ исторіи, но Поэзія намъ замѣняетъ ее: она есть всегда ясное свидѣтельство о жизни, въ случаѣ отсутствія лѣтописей, и если не означаетъ годовъ, чиселъ и именъ, то еще вѣрнѣе чѣмъ лѣтопись, означаетъ духъ времени. Періодъ Ведъ есть періодъ исключительнаго владычества Браминовъ надъ всѣми кастами. Тогда, кажется, вся Индія была огромною пустынею, жилищемъ отшельниковъ, которые взяли подъ управу все человѣчество, держали и воспитывали его въ лѣсахъ, и всѣ эти лѣса Индіи оглашались торжественными Гимнами Ведъ, или исполнены были тишины религіознаго созерцанія, изъ котораго потомъ истекали Упанишады, глубокія изреченія мудрости.

Во второмъ періодѣ жизни Индѣйской, Брамины вышли изъ лѣсовъ, уступили нѣсколько и своимъ собственнымъ

человѣческимъ побужденіямъ и волѣ народной. Съ ними воевала каста Раіевъ, Князей, однако они ее побѣдили. Тогда религія естественная перешла въ миѳологію народную. Отвлеченныя созерцанія приняли характеръ поэтическихъ, живыхъ воплощеній. Отвлеченные боги естества воплотились въ лики человѣковъ и животныхъ. Незримая религія стала зримою, осязаемою, и вышла изъ лѣсовъ въ народъ. Но всё-таки Брамины еще господствовали надъ кастами.

Наконецъ, въ третьемъ періодѣ, по всѣмъ признакамъ замѣтно, что каста Браминовъ уступила кастѣ Кшатріевъ, воиновъ. Царь пышный и великолѣпный, Викрамадитія, Августъ Индіи, почти современный Римскому, даетъ имя этому періоду. Средоточіе жизни Индѣйской есть блистательный дворъ его. Брамины служатъ при немъ въ званіи Поэтовъ. Въ Сакунталѣ, шутъ и приближенный Короля есть вмѣстѣ и Браминъ. Замѣчательно, что такого лица нѣтъ въ эпизодѣ Магабараты, откуда сюжетъ почерпнутъ. Какъ въ Эпосѣ видно повсюду прославленіе касты Браминовъ, такъ въ Драмѣ Индѣйской, напротивъ, прославленіе касты воиновъ и особенно царей. Это уже драма придворная, льстивая, драма Людовика XIV и авторъ этой драмы Браминъ. Разумѣется, онъ не забываетъ правъ и выгодъ своей касты и, гдѣ можно, напоминаетъ о важности Браминовъ; но всѣ поэтическія похвалы обращаются къ царю. По всему этому очевидно, что каста Кшатріевъ или

воиновъ взяла въ третьемъ періодѣ Индѣйской жизни или поэзіи рѣшительный перевѣсъ надъ кастою Браминовъ. Вмѣстѣ съ этимъ, разумѣется, и всѣ стихіи свѣтской жизни должны были взять верхъ надъ духовными стихіями; любовь и чувственность замѣнили религіозное созерцаніе; пышная жизнь Двора отвлекла охоту отъ лѣсныхъ уединеній; гимнъ религіозный, или поучительный Эпосъ, замѣнился при дворѣ чувственною, очевидною драмою.

Такъ періоды Поэзіи Индѣйской означаютъ періоды жизни. Сначала эта Поэзія предстала намъ въ видѣ строгаго, пустыннаго, премудраго Брамина, который бродитъ по густой чащѣ непроходимыхъ лѣсовъ, поднимаетъ очи къ звѣздному небу, шепчетъ глубокомысленный гимнъ или мистическое слово *Омъ*, (по другимъ *Умъ*), заключающее въ себѣ талисманъ верховнаго блаженства, и весь погруженъ въ безконечное созерцаніе Брамы. Потомъ, эта-же самая Поэзія, подъ конецъ своего поприща, является намъ въ образѣ блистательной, благоухающей Баядеры; украшенная цвѣтами лотоса, она нѣжно и роскошно покоится на пышно убранномъ ложѣ Востока, въ великолѣпныхъ чертогахъ царскихъ, и волнуетъ своими прелестями всѣ наши чувства. Тѣже самые Брамины лѣсовъ ей служатъ, и наполняютъ воздухъ, окружающій чувственную дѣву, самымъ благовоннымъ ѳиміамомъ Индіи.

Такъ обѣ стихіи жизни Индѣйца, о которыхъ я говорилъ вамъ въ прошедшій разъ, религіозное созерцаніе и чувственное наслажденіе, положили свою печать на обоихъ крайнихъ періодахъ Индѣйской Поэзіи,—и жизнь выразилась здѣсь, какъ и всюду въ ней выражается.

Между двухъ этихъ крайностей, на счастливой срединѣ, возвышается колоссальный Индѣйскій Эпосъ, представляющій равновѣсіе обѣихъ стихій, съ одной стороны глубокомысленный, знаменательный, поучительный, исполненный религіозныхъ созерцаній и ученій, какъ Веды; съ другой стороны роскошный, богатый чудными плотскими образами, разсыпающійся въ сказкахъ о любви и наслажденіяхъ, исполненный пировъ и чудесъ, благоухающихъ сравненій, всей нѣги Востока. Это Браминъ и Баядера, какимъ-то чуднымъ сочетаніемъ, слившіеся въ одну душу, въ одно тѣло.

Былъ и *четвертый* періодъ Индѣйской Поэзіи, періодъ, къ сожалѣнію, неизбѣжный во всякомъ цвѣтеніи, это осень жизни поэтической, періодъ отцвѣта, упадка, собиранія, учености, педантизма, изысканности выраженія. Геренъ относитъ этотъ періодъ ко временамъ нашего средняго вѣка. И въ немъ были Поэты; были, какъ говорятъ, также свои девять жемчужинъ; но ужь это плеяды Александрійскія. Въ самомъ дѣлѣ, сей періодъ Индѣйской Поэзіи представляетъ большое сходство съ періодомъ Александрійской школы. Поэзія приняла въ немъ преиму-

щественно дидактическое направленіе, которое и прежде въ ней было видно,—но въ Ведахъ и въ Эпосѣ имѣло болѣе религіозный характеръ. Поэзія, изъ восторженнаго и созерцающаго Брамина, сдѣлалась ученымъ изыскателемъ, *Пандитомъ*. Къ сему-то періоду относятся всѣ эти миѳологическіе сборники, или *Пураны*, коихъ числомъ 18. Они занимаютъ средину между Эпосомъ и поучительною Поэмою и, по своему значенію, очень схожи съ миѳологическими Поэмами Александрійской школы. Они служатъ первѣйшимъ источникомъ для свѣдѣній объ Индѣйской Миѳологіи. Изъ нихъ переведена только одна Пурана Августомъ Шлегелемъ, а именно Багаватъ-Пурана.

Къ этому же позднѣйшему періоду относится произведеніе, носящее также на себѣ характеръ дидактическій и весьма важное въ отношеніи къ Европейской Поэзіи, потому что оно объясняетъ происхожденіе Басни или Аполога у насъ въ Европѣ. Это есть *Гитопадеса*, что значитъ *цѣлительный* или *врагъ-другъ*, нравоучительная книга, предложенная въ басняхъ, въ пользу одного Принца. Это собраніе было переведено на Персидскій, Арабскій, Турецкій, Французскій и потомъ на всѣ Европейскіе языки, но переведено въ искаженномъ видѣ. Изъ Гитопадесы, аллегорическаго названія, сдѣлали имя Бидпая или Пильпая, которое стоитъ у насъ во всѣхъ почти Піитикахъ вмѣстѣ съ Эзопомъ, Федромъ, Лафонтеномъ, Хемницеромъ, Крыловымъ, и проч. Джонесъ пе-

редалъ въ вѣрномъ переводѣ Санскритскій подлинникъ. Руководствуясь его-то переводомъ, я остановлю ваше вниманіе на этомъ замѣчательномъ сочиненіи.

Оно начинается молитвою къ богу Ганесѣ, покровителю науки, и похвалами знанію. Все оно дѣлится на четыре книги, изъ коихъ первая содержитъ въ себѣ ученіе о пріобрѣтеніи друзей; вторая о разрывѣ дружбы; третья о войнѣ; четвертая о мирѣ. Это курсъ нравоученія, общежитія, политики и дипломаціи, изложенный въ видѣ басень, вотъ по какому случаю. Въ какомъ-то очень мудреномъ городѣ жилъ царь Судерсана, и сокрушался весьма о томъ, что сыновья у него невѣжды. «Есть три бѣды въ жизни, думалъ онъ: дѣти не родятся, дѣти умираютъ, дѣти невѣжды; изъ этихъ трехъ бѣдъ послѣдняя ужаснѣе, потому что непрерывно продолжается. Одинъ сынъ доблестный есть благословеніе, а не сто дураковъ: одинъ мѣсяцъ разсѣваетъ тьму, не тысячи звѣздъ.» Такъ думалъ царь, и созвавши всѣхъ мудрецовъ своего государства, поручилъ одному изъ нихъ, Вшину-сарману, воспитаніе дѣтей своихъ, и этотъ-то мудрецъ излагаетъ имъ помянутую мною систему нравоученія въ видѣ басень, перемѣшанныхъ съ нравственными правилами, выписанными вѣроятно изъ священныхъ книгъ Индѣйскихъ.

Нравоученіе о пріобрѣтеніи друзей изложено въ видѣ длинной басни, имѣющей одну связь въ продолженіи цѣлой книги и перепутанной другими вставными баснями.

Здѣсь разсказывается, какимъ образомъ воронъ, крыса, черепаха и антилопа заключили между собою дружескій союзъ; жили вмѣстѣ и спасали другъ друга отъ бѣдъ, а черепаху спасли отъ вѣрной смерти.

Вторая книга о разрывѣ дружбы особенно замѣчательна своею баснею, которая имѣетъ интересъ драматическій и отличается характерами. Въ нѣкоторомъ лѣсу царствовалъ Левъ премудренаго имени: однажды захотѣлось ему пить—и онъ пошелъ къ озеру. Вдругъ раздался ужасный ревъ; левъ остановился, оробѣлъ—и не смотря на свою жажду, возвратился въ царскіе покои. Два придворные Шакала, сыновья его министра, видѣли это и стали разсуждать о томъ: отъ чего бы это царь лѣса возвратился не напившись? Одинъ изъ нихъ, посмѣлѣе и похитрѣе, рѣшился спросить о томъ у самаго Льва. Левъ отвѣчалъ, что, судя по шуму, имъ слышанному, онъ предполагаетъ большую опасность въ окрестностяхъ своего государства, и обѣщаетъ Шакалу и брату его большія сокровища, если они отвратятъ ее. Хитрый Шакалъ зналъ, что шумъ происходитъ отъ Быка; но изъ своихъ видовъ рѣшился поддерживать царя въ томъ мнѣніи, что опасность велика, и обѣщалъ ему свои услуги. Вмѣстѣ съ братомъ своимъ отправился хитрецъ къ Быку и напугавши его тѣмъ, что Левъ хочетъ выгнать его изъ своего царства, заставилъ Быка идти ко Льву съ поклономъ. Опасность была отвращена; Быкъ сначала былъ принятъ Львомъ

ласково; потомъ вошелъ у него въ такую милость, что сдѣлался первымъ министромъ. Шакалъ забытъ, Шакалъ въ негодованіи и рѣшается непремѣнно поссорить Быка со Львомъ. Льву внушаетъ онъ подозрѣнія противъ Быка, въ томъ, что этотъ будто бы возгордился и хочетъ похитить тронъ его. Хитрецъ предлагаетъ Льву испытать Быка строгимъ пріемомъ. Также раздражаетъ онъ и Быка, наговоривши ему о гнѣвѣ львиномъ, и совѣтуетъ дѣйствовать самому и спырять Льва рогами. Происходитъ между ними злобная встрѣча и бой. Левъ побѣждаетъ, но послѣ очень сожалѣетъ о своемъ добромъ покойномъ министрѣ.

Въ этой баснѣ много драматическаго. Характеръ шакала, хитраго и коварнаго царедворца, изображенъ прекрасно. Сцены его со львомъ и съ быкомъ, когда онъ вооружаетъ ихъ другъ противъ друга, если перевести только звѣрей на имена людей, могутъ быть приняты въ любую драму.

Третья книга о войнѣ представляетъ войну царства гусей съ царствомъ павлиновъ. Царь павлиновъ объявляетъ войну царю гусей черезъ посланника попугая, весьма краснорѣчиваго. Гуси строютъ крѣпость на островѣ. Имъ измѣняетъ коршунъ, ихъ союзникъ. Они побѣждены. Здѣсь изложены всѣ правила Индѣйской войны, распредѣленіе войскъ, военныя движенія, строеніе крѣпостей, обряды объявленія войны. Четвертая

книга о мирѣ есть продолженіе той-же басни, гдѣ разсказывается, какъ оба царя и царства заключили между собою миръ и высчитываются всѣ способы заключенія мира.

Изъ этого краткаго изложенія мы можемъ видѣть характеръ Индѣйской басни. Геренъ говоритъ, что характеръ Поэзіи Индѣйской вообще есть сверхъ-человѣческое и что даже животныя въ ней обоготворяются, являются существами высшими. Въ баснѣ мы видимъ совершенно противное. Здѣсь животныя всѣ принимаютъ характеры человѣческіе, и должно замѣтить, что онѣ остаются вѣрны, по большей части, этимъ характерамъ, не только въ продолженіи одной басни, но и въ другихъ. Должно замѣтить также, что въ распредѣленіи этихъ характеровъ принято въ соображеніе и природное свойство животныхъ. Такъ напр. крыса осторожна; антилопа легка, хитра и искусно притворяется; вороны довѣрчивы, способны къ дружбѣ; попугай — велерѣчивый говорунъ; шакалы всегда жадны, хитры и коварны; левъ великодушенъ, благороденъ, довѣрчивъ; быкъ добръ и простъ.—Вездѣ сила животная отличается великодушіемъ и простотою; слабость напротивъ хитростью и коварствомъ. Въ баснѣ о львѣ, быкѣ и шакалѣ, мы видимъ всю придворную жизнь, расписанную глубокими чертами. Ясно, что это—исторія подъ именами звѣрей, сатира, написанная умнымъ, наблюдательнымъ царедворцемъ. Словомъ, во всѣхъ этихъ басняхъ олицетворяется для

насъ міръ человѣческій, міръ страстей и слабостей нашихъ подъ личиною животною. Правда, что всѣ эти животныя, разсказывая другъ другу басни, безпрестанно мудрствуютъ, припоминаютъ притчи и сказанія изъ Ведъ и другихъ священныхъ писаній Индіи. Но онѣ сами отъ этого не дѣлаются божественнѣе, а дѣйствуютъ какъ люди.

Съ большою вѣроятностію можно предположить, что Индѣйская басня имѣла свое начало въ Индѣйскомъ ученіи о переселеніи душъ. Индѣйцы приписывали и животнымъ душу человѣческую, такіе же характеры, и страсти, такой же міръ дѣйствій. Это видно еще въ Индѣйскомъ Эпосѣ, гдѣ выводятся животныя, въ которыхъ заключены души человѣческія, исправляя время искуса за какіе нибудь грѣхи въ прошлой ихъ жизни. Таковы орелъ Гаруда и воронъ Бушанда: послѣдній былъ нѣкогда Браминомъ и, по причинѣ проклятія одного святаго, попалъ въ тѣло ворона.

Такимъ образомъ, эта Басня, пришедшая къ намъ съ Востока и сдѣлавшаяся у насъ ложью, вымысломъ, аллегоріею, въ колыбели своей на Востокѣ, имѣла основаніемъ понятіе истинное, невымышленное, понятіе искреннее, сопряженное съ коренным образомъ мыслей Индѣйцевъ, съ ихъ взглядомъ на животную природу.—По этому, происхожденіе Басни должно быть весьма древнее и едва-ли не современно ученію о переселеніи душъ. Основываясь

на этомъ,—можно справедливо поставить ее въ числѣ первоначальныхъ родовъ Поэзіи человѣческой,—и не даромъ же ставятъ ее въ самомъ началѣ, въ нѣкоторыхъ Европейскихъ Піитикахъ, какъ развалину отъ Востока, какъ отголосокъ отъ Индѣйскаго міра, получившій у насъ иное значеніе. Впослѣдствіи, и на Востокѣ приняла она придворный, аллегорическій характеръ, что̀ замѣтно и въ Гитопадесѣ; но все-таки чувство поэтическое соединялось въ ней съ однимъ изъ сильныхъ вѣрованій жизни, съ мыслію о переселеніи душъ. Если въ мудрецахъ Индіи и ослабло оно въ послѣдствіи,—то вѣрно свѣжо было въ народѣ и необходимо входило въ первое воспитаніе дѣтей. Замѣчательно, что Гитопадеса для дѣтей и написана. Такъ и Басня, эта ложная Басня, вышла изъ жизни; такъ и всякій родъ Поэзіи, если мы будемъ доискиваться до первыхъ источниковъ, найдетъ всегда свое начало въ вѣрѣ, въ чувствѣ, въ событіи, однимъ словомъ, въ жизни народа. И Баснею, до источника которой мы доискались, оправдывается то воззрѣніе на Поэзію, которое я вамъ представилъ въ руководство къ нашимъ историческимъ занятіямъ.

Заключимъ наше краткое обозрѣніе Индѣйской Поэзіи взглядомъ на перлъ драмы Индѣйской, на Сакунталу, которая, какъ рѣдкій цвѣтъ Индіи, пересажена къ намъ въ Европу искусными руками и благоухаетъ въ нашей теплицѣ всѣми ароматами прянаго Востока.

Въ Калькуттѣ завелся Англійскій Театръ. Одинъ Браминъ былъ вмѣстѣ съ Джонесомъ на представленіи — и сказалъ ему: «Наши Натаки тоже самое». Такъ открыта была драматическая Словесность Индѣйцевъ, которая числомъ томовъ можетъ спорить съ самою богатою драмою Европы. Тридцатью образцовыми драмами хвалятся Индѣйцы; но всѣхъ выше, по замѣчанію того-же Брамина, Сакунтала. Сначала ее передалъ Джонесъ; а теперь она плѣняетъ насъ въ переводѣ, болѣе совершенномъ, Французскаго Оріенталиста, Шези.

Предметъ драмы взятъ изъ поэмы: Магабарата; но очень любопытно видѣть, какъ драматическій поэтъ измѣнилъ эпическое событіе, слишкомъ простое, слишкомъ несложное для драматическаго представленія; ввелъ постороннія обстоятельства и завязалъ интересъ. Время не позволитъ мнѣ сличить эпическаго эпизода съ драмою. Я прямо приступаю къ изложенію.

Она начинается молитвою Брамина, выходящаго на сцену. Эта молитва обращена къ Брамѣ, являющемуся на землѣ въ осьми образахъ. Такъ религіозный гимнъ, отголосокъ божественныхъ Ведъ, слышенъ и въ началѣ Драмы Индѣйской и даетъ ей религіозный оттѣнокъ. За молитвою слѣдуетъ краткая сцена между директоромъ театра и актрисою, вмѣсто пролога.

Царь Каузика жилъ въ лѣсной пустынѣ и долгими

искушеніями достигъ святости. Девы, духи, боясь его силы, послали къ нему въ пустыню Нимфу Менаку для того, чтобы она склонила пустынника къ чувственному наслажденію и вызвала изъ религіозныхъ созерцаній. Нимфа успѣла,—и плодомъ любви ихъ была Сакунтала. Нимфа оставила свою дочь въ колыбели цвѣтовъ, на произволъ богамъ. Птицы летали надъ нею и кормили ее. Отъ имени ихъ, Сакунта, получила она имя Сакунталы. Святый пустынникъ и пророкъ, Канua, проходившій мимо, тронулся видомъ младенца—красавицы, прозрѣлъ въ ея жребій, прочелъ въ немъ великое, взялъ ее къ себѣ въ уединеніе и воспиталъ какъ дочь.

Въ его-то мирное, пустынное убѣжище, оглашаемое гимнами Ведъ, въ этотъ садъ, гдѣ среди роскошныхъ цвѣтовъ Индіи, какъ родная ихъ сестра, но прекраснѣе ихъ всѣхъ, разцвѣтаетъ Сакунтала съ своими подругами, также питомицами Канua, въ это убѣжище, увлеченный дикою серною, заѣхалъ съ охоты Царь Душманта, знаменитый потомокъ фамиліи Пурусовъ. Канua, отшельникъ, находился въ то время въ отсутствіи; онъ пошелъ молить боговъ объ устраненіи бѣдствій, угрожающихъ Сакунталѣ, которая, безъ отца, обязана принимать странниковъ. Царь Душманта сошелъ съ колесницы; съ трепетомъ предчувствія сердечнаго, входитъ въ убѣжище и скрывается за вѣтвями деревъ. Сакунтала, въ то время, съ подругами, поливала цвѣты своего сада. Она любитъ эти цвѣты,

какъ ихъ сестра родная. Прекрасный амра, въ весеннемъ убранствѣ, протягиваетъ къ ней свои вѣтви, какъ нѣжные персты, и проситъ поливы. Цвѣты и деревья обнимаются между собою, дышутъ и живутъ любовью. «Какъ прекрасно это время года, говоритъ Сакунтала, когда деревья, кажется, сами сплетаются любовнымъ объятіемъ.» Весна и цвѣты доносятъ ея сердцу о любви. Подруги подмѣчаютъ это чувство въ рѣчахъ Сакунталы. Растеніе, мадгави, пророческое для дѣвицъ, покрылось не въ свое время, до срока, блестящими цвѣтами: «Добрый знакъ! говорятъ подруги,—знакъ вѣщій! и милая наша ліана обовьется скоро съ цвѣтомъ амрою; и Сакунтала найдетъ друга.»

Какъ граціозно — прекрасенъ этотъ міръ цвѣтовъ, въ которомъ вмѣстѣ съ ними распускается любовь Сакунталы! А отвѣтъ ея чувству, отвѣтъ на вопросъ ея сердца, близокъ; онъ тутъ же, въ этихъ же садахъ. Царь Душманта увидѣлъ сквозь вѣтви избранную; онъ весь уже горитъ пламенемъ страсти; онъ ждетъ только случая показаться.

Злая пчела, обманутая цвѣтомъ ланитъ Сакунталы, пристала къ ней. Дѣва проситъ подругъ своихъ избавить ее отъ злаго насѣкомаго: тѣ въ шутку говорятъ: «зови на помощь Царя Душманту, покровителя убѣжища,» и Царь Душманта внезапно является, и очи Сакунталы встрѣтились съ его очами, и она забыла обя-

занность гостепріимства, и нѣжная ліана нашла своего амру. Но Царь не открылся смущеннымъ дѣвамъ. На ихъ вопросы, онъ отвѣчалъ, что онъ есть одинъ изъ сановниковъ царскихъ. Нетерпѣливо желаетъ онъ знать, чья дочь Сакунтала: его терзаетъ сомнѣніе: если она дочь отшельника, то бракъ съ нею для него невозможенъ по закону Брамы. Съ какою же радостію узнаетъ онъ отъ подругъ тайну ея рожденія и то, что она происходитъ отъ касты Кшатріа; съ какимъ восторгомъ видитъ онъ, что бракъ ихъ возможенъ; что онъ даже согласенъ съ волею святаго отшельника! — Но охота Царя, настигшая его по слѣдамъ, нарушаетъ тишину уединенія; слонъ, убѣжавшій отъ ловчихъ, нагналъ страхъ на пустынниковъ и на красавицъ. Онѣ уходятъ; Сакунталѣ не хочется идти; она жалуется, что ее укусило насѣкомое..... Подруги ее увлекаютъ,—и Царь долго слѣдитъ ее; онъ долженъ идти въ другую сторону, но душа его стремится назадъ, *какъ знамя, которое несутъ противъ вѣтра.*

Царь остановился съ своею охотою вокругъ убѣжища; тщетно приближенные зовутъ его на ловлю новыхъ звѣрей; онъ слушается болѣе своего шута, который какъ трусъ не любитъ охоты. Но еще болѣе слушается сердца; онъ ищетъ средства проникнуть въ убѣжище; но оно представляется само собою. Отшельники, узнавши о близкомъ присутствіи царя, приходятъ сами пригласить его подъ свою кровлю, для изгнанія злыхъ духовъ.

Царь даетъ слово и въ тоже время принимаетъ вѣстника отъ матери, которая зоветъ его въ столицу для совершенія поста и поминокъ по предкамъ.

Царь, вѣрный данному слову, посылаетъ на свое мѣсто въ столицу шута и друга своего, а самъ идетъ туда, куда зоветъ его сердце, къ той, на которой Брама остановился, когда въ мысли своей задумалъ сотворить идеалъ красоты женской; на которой остановился онъ въ послѣдній разъ, перемаравъ прежде въ головѣ своей тысячу крать лицо красавицы. Кому-то назначена эта красота, *свѣжестію своею подобная цвѣтку, котораго еще ни разу не обоняли; почкѣ, не тронутой дерзкимъ ногтемъ на стеблѣ; жемчужинѣ чистой, еще покоющейся въ раковинѣ; свѣжему меду, котораго ни чьи уста не касались?*

Злые духи изгнаны присутствіемъ Царя, а бѣдная Сакунтала больна. Ее мучитъ лихорадка знойнаго юга, слѣдствіе новаго чувства, которое посѣтило ея сердце. Подруги собираютъ для нея цѣлебныя травы; юный прислужникъ жреца несетъ ей освященную жертвами воду. А державный любовникъ также страдаетъ съ нею. Онъ ищетъ ея вездѣ, ищетъ ея тамъ, гдѣ разбросаны цвѣты по саду, гдѣ юныя вѣтви млечнымъ сокомъ открываютъ свѣжія раны. Онъ, на тонкомъ пескѣ тропинки, подмѣчаетъ свѣжо напечатлѣнный слѣдъ ея ножки. Онъ раскрылъ тихонько вѣтви,—и она тутъ съ подругами. Она больна,

она похудѣла; щеки потеряли круглоту и румянецъ; станъ сжался; она жертва любви: *она похожа на слабую ліану, которой вѣтви опалило знойное солнце.* Подруги заботятся о больной; онѣ спрашиваютъ у ней о причинѣ болѣзни;—Сакунтала произнесла имя Душманты, и не докончивъ рѣчи, покраснѣла, замолчала,—и Царь все это видѣлъ и слышалъ. Подруги думаютъ за нее, какимъ бы средствомъ дать знать Царю объ этой любви. Одна изъ нихъ предлагаетъ Сакунталѣ написать любовное письмо и берется сама, вложивъ его въ чашу цвѣтка, поднести Царю. Сакунтала согласилась, задумалась, сочиняетъ стихи. Царь глядитъ на нее пристально и говоритъ: «по милому движенію ея брови, тихо сжавшейся, я могъ бы счесть число стопъ ея стиха, а это тихое трепетаніе щеки какъ обличаетъ мнѣ страсть ея!» Стихи готовы; чѣмъ написать ихъ? Пріамвада берется ногтемъ вырѣзать ихъ на листкѣ лотоса, гладкомъ, какъ лоснистое перье попугая, берется сохранить даже покрой стиха. Но это ужь не нужно; Сакунтала прочла стихи въ слухъ,—и при словѣ: «я вся твоя!» любовникъ не вытерпѣлъ; онъ явился; онъ говоритъ: «нѣтъ, чудная дѣва, твоя любовь есть одинъ легкій жаръ; но въ моемъ сердцѣ вся сила огней ея. Такъ шаръ луны весь погруженъ въ палящіе лучи солнца, тогда какъ нѣжный цвѣтъ лотоса слегка чувствуетъ ихъ прикосновеніе.» Душманта самъ увѣряетъ Сакунталу и подругъ ея въ безпредѣльной любви своей къ ней,—и она ожила, *какъ молодая пава, послѣ зноя, при вѣтрѣ прохлады.* Но смѣтливыя

подруги догадались, что лучшая подруга любовниковъ— уединеніе. Анусуіа тотчасъ замѣтила вдали, что маленькая антилопа сорвалась и бѣгаетъ тамъ по волѣ. Надо поймать ее. Пріамвада также тонко и догадливо замѣтила, что антилопа слишкомъ рѣзва, что подругѣ одной не поймать ее,—и обѣ убѣжали. И любовники одни. Тщетно Сакунтала зоветъ подругъ. Она боится, она трепещетъ, она хочетъ уйти, она идетъ; любовникъ ловитъ ее за одежду; но нѣжный голосъ ея дѣвственной скромности побѣждаетъ его первую смѣлость. Онъ отступилъ; онъ изливается въ жалобахъ; она будто ушла, но не ушла; она скрылась въ кустахъ и слышитъ оттуда его волшебныя рѣчи. Счастливый случай: на ложѣ красавицы осталось ея благоухающее запястье, и ему радъ одинокій любовникъ; но и ей прекрасный предлогъ возвратиться на тоже мѣсто. Она какъ будто ищетъ браслета, проситъ возвратить его; но Царь соглашается только съ условіемъ, чтобы онъ самъ надѣлъ его на ея руку. Они сѣли. Онъ коснулся руки ея; медленно надѣваетъ браслетъ, какъ будто пряжка ослабла.—«Взгляни, милый другъ, говоритъ онъ,—смотря на твой браслетъ, не всякой ли скажетъ, что новая луна, плѣнившись прелестью руки твоей, сошла съ небесъ, и въ видѣ браслета, свила оба края своего серебренаго рога и ими сладострастно стѣснила эту чудную руку?»

«Я не вижу здѣсь ничего похожаго на луну, отвѣчаетъ Сакунтала; вѣрно вѣтеръ занесъ мнѣ въ глаза пыль отъ

цвѣтовъ лотоса, украшающихъ мои уши, и я слабо вижу».

Душманта проситъ позволенія сдунуть эту пыль съ очей ея; послѣ кроткаго сопротивленія, онъ тихо поднимаетъ ей голову; но ея очи, возведенные на него, скромно опустились опять внизъ; онъ медлитъ надъ ея очами, — сравниваетъ ихъ съ лотосомъ, висящимъ надъ ними, и наконецъ онъ тихо дунулъ ей въ очи, и ея зрѣніе будто стало свѣтлѣе. — Вдругъ голосъ почтенной няни Гошами раздался въ досаду любовникамъ. Царь скрылся поспѣшно. Заботливая няня приходитъ за дѣвою и уводитъ Сакунталу.

Вся эта сцена любви, со всѣми ея подробностями, дышетъ всею нѣгою, всею жизнію любящаго полудня Азіи!

Увѣнчались желанія Душманты. Онъ совершилъ бракъ съ Сакунталой по образу Гандарва, позволенному законами ихъ касты, и она носитъ уже залогъ этого брака. Душманта покинулъ убѣжище и обѣщалъ скоро прислать пословъ за супругою. Сакунтала въ печали забыла всѣ свои обязанности: на ту пору приходилъ въ убѣжище гость, самый страшный, самый мстительный изъ всѣхъ Ритисовъ, самъ грозный Дурвасасъ, — и Сакунтала въ забвеніи не приняла его, нарушила долгъ гостепріимства, и онъ изрекъ на нее проклятіе страшное; онъ сказалъ, что Царь забудетъ супругу, и не признаетъ ея, и изго-

нитъ отъ себя. Подруги слышали это гнѣвное проклятіе; онѣ бросились къ раздраженному Ритису, молили за подругу, но вымолили только одно, что Царь, бросивъ взглядъ на кольцо, которое онъ ей подарилъ, снова вспомнитъ о Сакунталѣ. Подруги боятся сказать ей о роковомъ проклятіи.

Отшельникъ Канура возвратился въ свое убѣжище. Съ восторгомъ узналъ онъ о бракѣ питомицы съ Душмантою: видѣнія его сбылись.—Онъ снаряжаетъ дочь въ дорогу, ко двору. Настало грустное время для Сакунталы, время разлуки съ отцемъ, съ подругами, съ убѣжищемъ, съ цвѣтами. Печальная, выходитъ она изъ освященной бани; жены ее поздравляютъ; юный Ритисъ приноситъ царскія ткани, внезапнымъ чудомъ явившіяся на деревѣ; приноситъ драгоцѣнные камни, волшебными руками незримыхъ Девъ насыпанные изъ кустовъ. Подруги въ слезахъ убираютъ царицу. Отшельникъ Канура совершаетъ жертвенные обряды, обряды прощанія, и молитъ о томъ, чтобы счастливъ былъ путь ея. Сакунтала прощается съ божествами убѣжища. Не однѣ подруги печальны: все чувствуетъ ея отъѣздъ. Антилопа, ея питомица, не жуетъ зерна, и зерно выпадаетъ изъ ея губъ неподвижиыхъ; пава, опустивъ крылья, не скачетъ болѣе; всѣ кусты наклонили томныя вѣтви къ землѣ и стрясаютъ съ себя цвѣтъ, въ знакъ прискорбія. Сакунтала въ слезахъ подбѣгаетъ къ цвѣтущей ліанѣ и говоритъ: «Милая ліана, обними меня своими вѣтвями какъ рука-

ми. Увы! сколько дней пройдетъ, что я тебя не увижу! Отецъ мой, смотри за нею, какъ смотрѣлъ ты за мною. Подруги, поливайте ее за меня! Добрый отецъ! когда моя серна будетъ матерью, не забудь извѣстить меня объ этомъ! Но кто это сзади не отстаетъ отъ меня и держится за мое платье?» — Это дитя твое, Сакунтала, твоя питомица, милая антилопа. Какъ часто масломъ ингуди ты цѣлила ея раны, и мазала ея губки, окровавленныя жаломъ насѣкомаго! Она помнитъ еще, какъ ты кормила ее сочнымъ зерномъ сіамаки! — «Бѣдная! говоритъ Сакунтала, зачѣмъ ты прилѣпилась къ неблагодарной? У тебя ужь не будетъ матери, но отецъ мой о тебѣ попечется.» Такъ все кругомъ плачетъ вмѣстѣ съ Сакунталою; весь этотъ нѣмой міръ животныхъ и растеній одушевился горестью. Одинъ отшельникъ мудростію смиряетъ скорбь свою. Пора разлуки настала. По обычаю востока, схожему съ нашимъ, мудрецъ сажаетъ всѣхъ. Подумавши, онъ даетъ благоразумныя наставленія Сакунталѣ о томъ, какъ вести себя съ супругомъ, — наконецъ велитъ ей проститься съ подругами. Онѣ, заботливыя, вспомнили грозное пророчество и говорятъ ей на прощаньи: «если-бы царь сверхъ чаянія не узналъ тебя, то не забудь показать ему кольцо, что онъ подарилъ тебѣ.» Этѣ слова навели на Сакунталу горькое сомнѣніе, и оно грустнымъ предчувствіемъ кануло въ ея душу. «О когда-то я опять увижу священный лѣсъ? Вамъ будетъ спокойно и весело, мнѣ одной будетъ горько!» Тронулся и отшельникъ этими послѣдними словами дочери.... По-

други долго слѣдили ее очами..... Ужь нѣтъ Сакунталы въ мирномъ убѣжищѣ Кануа.....

Сбылось грозное пророчество разгнѣваннаго Ришиса. Царь, развлеченный своимъ гаремомъ, забылъ о супругѣ. Сакунтала, въ сопровожденіи мудрыхъ Ришисовъ и няни Готами, явилась ко двору. Вступая, она почувствовала невольное трепетаніе въ правомъ глазѣ. Зловѣщій знакъ! Не вспомнилъ о ней Царь, когда Ришисы, отъ имени Кануа, напомнили ему о бракѣ съ нею; не узналъ ея и тогда, когда няня Готами сняла съ нея покрывало и обнажила ея прелести; онъ плѣнился ими, но не вспомнилъ той минуты, когда ими наслаждался; Сакунтала хочетъ прибѣгнуть къ совѣту подругъ, ищетъ послѣдней надежды, роковаго кольца, но увы! и кольца нѣтъ на ея пальцѣ; вѣрно, совершая въ пути омовеніе на освященномъ озерѣ, она его уронила въ воду. Послѣдняя вѣтвь ея надежды оборвалась....

Сакунтала принуждена нарушить границы женской скромности, принуждена припоминать царю всѣ обстоятельства, сопровождавшія бракъ. Ничто не можетъ разбудить его памяти. Обидными словами оскорбляетъ онъ въ Сакунталѣ скромность ея пола, называетъ женщинъ хитрыми, ложными, коварными. И эта кроткая, нѣжная Сакунтала, въ первый разъ почувствовала въ себѣ гнѣвъ и негодованіе: ея взоръ воспламенился; ея слова, внушаемыя яростью, тѣснятся и рвутся безъ

мѣры; губы блѣднѣютъ, какъ будто отъ холода, и бровь, описанная около глаза нѣжной дугою, вдругъ сморщилась насильственно. Ужь готовъ былъ Царь полюбить ее, хотя и не вспомнивъ; но видъ гнѣвной женщины разрушилъ очарованіе любви и раздражилъ его. Грозно обвиняетъ онъ ее въ лжи. Сакунтала упрекаетъ его, и плачетъ, и проситъ отходящихъ отшельниковъ взять ее съ собою; но это невозможно. Супругъ имѣетъ безусловную власть надъ супругою. Гдѣ-жь ей найти убѣжище? Одинъ изъ Ришисовъ соглашается дать его Сакунталѣ до тѣхъ поръ, пока она не будетъ матерью: ея младенецъ чертами ладони откроетъ тайну своего рожденія. Царь согласился; но сдѣлалось чудо! Лишь только Сакунтала вышла изъ дворца, какой-то призракъ женщины слетѣлъ къ ней и унесъ ее въ небо.

Роковое кольцо найдено. Царскіе стражи поймали несчастнаго рыбака, который нашелъ въ одной рыбѣ царево кольцо. Оно возвратило память Царю, но поздно: съ нимъ ужь нѣтъ Сакунталы. Тутъ начинаются его мученія. Пришелъ праздникъ весны; дѣвы выходятъ рвать цвѣты; но Царь въ печали; онъ не велитъ его праздновать. Всѣ деревья, въ своемъ весеннемъ убранствѣ, всѣ птицы сочувствуютъ скорби Царя. Богиня Мисракеси, покровительница Сакунталы, слетаетъ съ небесъ и, невидимая, присутствуетъ при всѣхъ страданіяхъ любовника, возвратившаго память. Царь нейдетъ въ совѣтъ царства, не слушаетъ утѣшеній

друга. Онъ припоминаетъ до подробности всѣ обстоятельства любви своей; онъ ищетъ въ цвѣтахъ образа любезной; украдкой отъ ревнивыхъ женъ, онъ велитъ принести портретъ Сакунталы, который онъ самъ живописалъ. Задумавшись передъ нимъ, переноситъ свою живопись въ поэзію и словами рисуетъ то, что́ видитъ на картинѣ. Но ему хочется еще дорисовать слезу на щекѣ Сакунталы, вѣтвь сирики на головѣ ея; заглядѣвшись на картину, онъ забылся. На ней представлено, что пчела подлетаетъ къ щекѣ Сакунталы, и она укрывается. Царь, забывшись, умоляетъ пчелу не трогать прекрасныхъ устъ ея: не то заточитъ онъ дерзкую въ чашу лотоса. И другъ ему напомнилъ, что передъ нимъ картина,—и онъ проснулся отъ мечты, и заплакалъ. Ревнивая царица близко; шутъ Царя уноситъ портретъ,—и вдругъ раздается его крикъ. Шутъ въ опасности. Злобный духъ хочетъ его похитить. Царь отвлекается отъ горести чувствомъ гнѣва, идетъ поразить злобнаго духа; но это не злобный духъ. Это Матали, возница и вѣстникъ Индры. Онъ хотѣлъ раздражить Царя и чувствомъ гнѣва развлечь его унылую думу. Матали зоветъ Царя отъ имени бога Индры противъ злыхъ духовъ одолѣвающихъ его чертоги, и Душманта, вмѣстѣ съ небеснымъ возницею, отправляется въ воздушной колесницѣ.

Побѣда совершена; Царь угощенъ богомъ Индрою, — и на его же колесницѣ спускаются Царь и возница съ небесныхъ пространствъ на землю; изъ чистыхъ небесъ

слетаютъ въ сферу облаковъ и видятъ, что земля, какъ будто сама, подвигнутая силою, восходитъ къ нимъ. Они слетѣли на одну изъ горъ, въ обитель Касіапы и Адити, родителей Индры. Эта обитель исполнена святости и созерцанія. Анахореты наполняютъ ее молитвою. Душманта, вступивъ въ нее, чувствуетъ невольное потрясеніе въ рукѣ: это знаменіе счастія. Рѣзвое дитя выбѣгаетъ на сцену, играя со львенкомъ. Женщины бѣгутъ за нимъ, боясь гнѣва львицы, но дитя ея не боится. Сладкое предчувствіе пробѣжало по сердцу Душманты, при видѣ ребенка. Онъ на рукѣ узналъ вѣщія черты царскаго рожденія. Онъ однимъ словомъ смирилъ его рѣзвость. Онъ слышитъ, что мать его зовутъ Сакунталою. Ребенокъ, играя со львомъ, уронилъ дорогую амулетку, его храненіе; прислужница ищетъ ея; но Царь ее поднялъ. Всѣ изумились: амулетка не превратилась въ змѣю, а ея свойство всегда обращаться въ змѣю, если только возьметъ ее въ руки не самъ ребенокъ и не его родители. Тайна разгадана. Царь обнялъ сына. Сакунтала, печальной вдовицей, заплетши волосы въ одну вдовью косу, выходитъ на это объятіе, — и Царь бросился къ ногамъ ея, и проситъ прощенія, и говоритъ: «Дай мнѣ отереть эту слезу, остатокъ отъ тѣхъ, которыя я заставилъ пролить тебя: эта слеза безобразитъ прекрасное лицо твое: о если бы я, стирая ее съ твоей влажной рѣсницы, могъ сложить и съ сердца моего все бремя упрековъ!» Боги, хозяева обители, празднуютъ счастіе вновь соединившихся супруговъ, изрекаютъ благословеніе надъ

ихъ юнымъ сыномъ, пророчествуютъ о его подвигахъ и обѣщаютъ Царю Душманте исполнить его молитву, какую онъ возшлетъ къ нимъ.—Драма заключилась молитвою Царя великодушнаго. Вотъ она: «Цари земли да царствуютъ только для одного блага своихъ подданныхъ; Богиня Сарасуати, (т. е. богиня искусствъ и Поэзіи), да пріемлетъ непрерывныя жертвы отъ святыхъ Браминовъ, а меня да избавитъ всемогущій, вседержитель Сива, за ревность къ служенію его, отъ оковъ втораго возрожденія».

Вы вѣрно замѣтили, что Драма какъ началась, такъ и кончилась молитвою: началась молитвою Брамина, гимномъ изъ Ведъ, обращеннымъ къ Брамѣ, кончилась молитвою Царя, къ богинѣ искусствъ и Поэзія, какъ жизнь Индѣйская въ періодѣ царя Викрамадитіи. Открылась эта Драма на землѣ, заключилась въ обители боговъ. Вездѣ видно ея религіозное происхожденіе. Васъ не увлекала она бурными порывами драматическаго дѣйствія, какъ Драма Европейская; нѣтъ, она безпрестанно наводила на вашу душу тихое, сладкое созерцаніе; останавливала ваши стремительные взоры и покоила ихъ то на роскошныхъ образахъ, то на чувствованіяхъ самыхъ подробныхъ; — и изо всѣхъ чувствъ преимущественно говорила любви, но не духовной, не небесной. Въ васъ не раздражалось любопытство; суевѣрныя предчувствія дѣйствующихъ лицъ, пророчества заранѣе сказывали вамъ что́ будетъ. Но вы охотно за-

бывали лукавую заманчивость и быстроту драмы Европейской и плѣнялись этою медленностью, сладострастною лѣнью, этою безпечностью и простотою Индѣйской драмы; словомъ, вы забывали Драму для живой Идилліи.

Не распространяясь въ дальнѣйшій разборъ, предоставляю судить вамъ по вашимъ собственнымъ впечатлѣніямъ. Если 25 градусовъ мороза не позволяютъ намъ вообразить всѣхъ прелестей природы, какими блещетъ этотъ самый яркій и роскошный цвѣтъ Индѣйской Поэзіи, ощутить хотя немного то благоуханіе, которое разливаетъ онъ у себя на родинѣ, — то по крайней мѣрѣ мы можемъ понимать душою то чувство человѣческое, намъ родное вездѣ, которое какъ вы видите, не смотря на мнѣнія Германскихъ критиковъ, все приводящихъ къ общему, оживляетъ Индѣйскую Драму, — это чувство, которое равно намъ понятно и въ драмѣ, писанной передъ трескучимъ каминомъ, и въ драмѣ, внушенной знойнымъ небомъ Индіи.

ЧТЕНІЕ СЕДЬМОЕ (*).

Значеніе Еврейской Поэзіи въ Исторіи Поэзіи всемірной.—Отношеніе ея къ міру Христіанскому.— Отношеніе къ нашей Словесности.—Основаніе Религіи Еврейской: мысль о единомъ Богѣ.— Исторія Евреевъ около этой мысли.— Земное званіе Евреевъ. — Религіозное ихъ воззрѣніе на міръ.— Главный характеръ Поэзіи Еврейской: стремленіе выразить безконечнаго Бога.

Отъ чувственной, роскошной, сладострастной Поэзіи Индіи мы перейдемъ теперь въ міръ совершенно иной, въ міръ чистый, возвышенный, въ міръ Поэзіи Божества. Я напрасно сказалъ: перейдемъ. Мы должны внезапнымъ усиліемъ духа перелетѣть отъ земли въ небо. Удалимъ же всѣ прошлыя впечатлѣнія, которыя, можетъ быть, еще свѣжи на нашей душѣ, впечатлѣнія отъ этого міра, смѣшаннаго изъ духовности и чувственности, молитвы и вожделѣнія, набожности и сладострастія, куда насъ завлекла Поэзія Индіи; очистимъ себя отъ этихъ впечатлѣній; просвѣтлимъ всѣ наши мысли; упразднимъ нашу душу отъ всякаго земнаго чувства; сдѣлаемъ изъ нея пустыню, гдѣ умолкнулъ бы всякой звукъ земный. Тогда только можетъ заговорить въ нашей душѣ, понятнымъ

(*) Это чтеніе, и два слѣдующія, были напечатаны въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

для нея языкомъ, та Поэзія, къ изученію которой я васъ теперь призываю, та Поэзія, которая ведетъ свое начало отъ Бога истиннаго и единаго.

Всѣ лиры древней Азіи, сей колыбели Религій, звучали преимущественно религіознымъ напѣвомъ. Но никакая лира Востока не издавала такихъ возвышенныхъ, святыхъ пѣснопѣній, какъ лира Еврейская; никакая лира не заслужила по преимуществу названія священной лиры. Это потому, что Религія, которой сія Поэзія посвящала свои пѣсни, была единою истинною Религіею Древняго Міра, пророчествомъ о той Религіи, которой ждали избранные человѣки.

Если-бы мы представили себѣ, что всѣ народы міра совершаютъ торжественное шествіе передъ взоромъ Бога, всѣ народы, въ званіи Поэтовъ, всякій съ своею лирою, всякій съ своими собственными пѣснями, вызванными имъ изъ земной его жизни посредствомъ творческой силы духа; — если-бы мы представили себѣ такую поэтическую процессію народовъ, въ которой вся Поэзія человѣчества сливалась бы въ одинъ общій хоръ: впереди пошли бы лиры религіознаго Востока; но впереди ихъ всѣхъ, какая бы лира блеснула струнами, ослѣпляющими неземнымъ свѣтомъ, звучащими неземнымъ звукомъ? Какую бы лиру самъ Богъ-судія принялъ и благословилъ? — Лиру Еврейскую, потому что она есть любимая лира Бога, потому что персты Его сами бла-

головami касаться ея струнъ, потому что въ этихъ струнахъ вѣялъ самъ духъ Божій.

Эта лира предзвучитъ лирѣ всего человѣчества,—и въ ней человѣческіе звуки сливаются съ глаголами Божіими. Если-бы даже Исторія, въ потьмахъ своихъ первыхъ временъ, запутавъ времена, числа и годы, осмѣливалась оспоривать у этой Поэзіи ея первобытную давность, ея право на старшинство,—если-бы неутомимая ученость, проникнувъ въ смыслъ самыхъ древнѣйшихъ письменъ человѣчества, открыла что̀ нибудь древнѣйшее въ Поэзіи, чѣмъ Божественная лира Евреевъ: то и тогда бы наше духовное чувство, это вѣщее, пророческое чувство нашей души, которому равно доступны и мракъ будущаго и мракъ прошедшаго, осмѣлилось бы войти въ состязаніе съ изыскательною Исторіею, и гордое своимъ собственнымъ убѣжденіемъ, отвергло бы ея доводы. Если-бы кто предположилъ, что эта Поэзія, это слово Божіе и человѣческое вмѣстѣ, позднѣе получило изъявленіе наружное, какъ словесное изустное въ народѣ, такъ потомъ и письменное: то мы будемъ утверждать, что и прежде она жила въ самыхъ первыхъ семьяхъ человѣчества; она жила въ преданіи; она носилась предчувствіемъ надъ колыбелью человѣческою; она слышалась въ первыхъ поэтическихъ звукахъ рѣчи Адамовой. Вы помните, что̀ великій Богодухновенный Бытописатель говоритъ о первоначальномъ состояніи хаоса, какъ духъ Божій носился верху воды надъ міромъ несотвореннымъ? Такъ лира Еврейская, какъ

эшотъ духъ Божій, носится надъ хаосомъ міротворенія поэтическаго и, какъ онъ, своими крылами навѣваетъ плодотворную жизнь на Поэзію всего человѣчества.

Божественные звуки этой лиры были затеряны въ чувственномъ мірѣ древности. Постигнуть ихъ высокій смыслъ назначено было обновленному міру Европы, міру Христіанскому. Въ сей Поэзіи заключается чистый источникъ Поэзіи Христіанской. Вотъ то близкое и непосредственное отношеніе, которое имѣетъ она къ собственному предмету нашихъ занятій, и которое заставляетъ меня остановиться на ней долѣе. — Первые пѣвцы всѣхъ народовъ Христіанской Европы, съ благоговѣніемъ приступая къ этой Божественной лирѣ, внимали ея звукамъ, одушевлялись ими, и на ладъ ея струнъ настроивали свои собственныя. Но эта лира находила отголосокъ не только въ языкахъ образованныхъ:—она его находила въ языкахъ самыхъ дикихъ, самыхъ скудныхъ. И вездѣ совершала она тоже чудо, которое Богъ совершилъ въ первый разъ на народѣ Израильскомъ, внушивъ простымъ пастырямъ верховныя пѣсни премудрости Божіей. Всюду, гдѣ раздавались звуки этой лиры, —почти нѣмыя до того племена вдругъ говорили, нашли слово для мыслей самыхъ возвышенныхъ; младенческіе языки какимъ-то чудомъ получили крѣпость, силу, точность, блескъ,— и нескладное лепетаніе этихъ языковъ превратилось мгновенно въ высокія пѣснопѣнія о Богѣ. Отъ этой лиры зачали бытіе свое Литературы знаменитыхъ народовъ,

и шѣмъ свидѣшельсшвовали ея Божественное происхожденіе. Однимъ изъ шакихъ чудесъ ея была наша Словесносшь коренная, Словенская. Мы можемъ гордишься шѣмъ, что на первыхъ произведеніяхъ нашего древняго слова знаменуешся персшъ Божій; что наша пѣснь и наше слово пошли опъ пѣсни и слова Божія. Эшо постигали духомъ первые создатели нашего собственно Русскаго слова: Ломоносовъ и Державинъ внимали высокой лирѣ, которой наше слово обязано своимъ происхожденіемъ, и первые, сильные звуки Русской Поэзіи гремяшъ въ Псалмахъ и въ преложеніяхъ изъ Іова, въ эшомъ гласѣ Бога, говорящаго изъ шучи. Какъ велика и досшойна Ломоносова сія отважная мысль — осмѣлишься вложишь лепешъ языка-младенца въ усша Богу, гремящему изъ шучи — и эшошъ лепешъ внезапно превращишь въ громъ говорящій! Такими подвигами шолько создаешся Поэзія народовъ, призванныхъ къ великому. Но эшо было лишь одно продолженіе шого чуда, которое впервые совершила надъ нашимъ языкомъ Еврейская лира. Рѣшишельно можно сказашь, что ни на какомъ другомъ языкѣ, самомъ образованномъ, цвѣшущемъ богашыми произведеніями, не нашла она шакого величаваго отголоска своихъ пѣснопѣній, какъ на нашемъ дикомъ. Въ эшомъ сужденіи моемъ нѣшъ присшрасшія національнаго; чишайше Библію Лашинскую, Французскую, Англійскую, Ишаліянскую: шо ли выраженіе величавой просшоты найдеше вы, какъ чишая ее на языкѣ Словенскомъ? — Нѣшъ, здѣсь нѣшъ присшрасшія, шѣмъ болѣе, что эшо-

му явленію есть очевидная причина, въ которой однако участвуетъ и чудо Божіе. Искреннія, Богодухновенныя сказанія народа простаго, смиреннаго, пастушескаго, какимъ былъ народъ Израильскій, какъ мы увидимъ послѣ, по своей простотѣ, искренности, находили гораздо болѣе сочувствія въ нарѣчіяхъ свѣжихъ, еще не тронутыхъ, еще не хитрыхъ, не лукавыхъ, однимъ словомъ, въ лепетѣ младенчествующихъ народовъ, чѣмъ въ языкѣ блистательномъ, украшенномъ всею роскошью древняго Искусства, развившемъ всѣ роды Краснорѣчія и Поэзіи, утончившемъ выраженіе до крайности, какимъ былъ языкъ Латинскій, или въ тѣхъ языкахъ, которые происходили отъ него и получили въ наслѣдіе развалины этой роскоши. Кромѣ искусственности, Латинскій языкъ носилъ всюду, на всѣхъ словахъ своихъ, печать язычества, совершенно чуждую тому слову, которое было искони словомъ Бога чистаго и единаго. Вотъ гдѣ причина явленію удивительному, но въ немъ, какъ я сказалъ, есть и чудо Божіе: Богъ всегда любитъ говорить простыми устами. Слово Его всѣмъ должно быть понятно; потому-то, можетъ быть, и избираетъ Онъ слово низшаго, слово меньшаго, слово самаго, кажется, малосмысленнаго изъ человѣковъ, но чудомъ Своей Божественной мысли такъ говоритъ на немъ, что и мудрые недоумѣваютъ передъ младенческимъ лепетомъ, въ которомъ благоволитъ вѣщать мысль Его.

Преданіе говоритъ намъ, что первыя слова, писанныя

на языкѣ Словенскомъ двумя брашьями первоучишелями, были первыя слова Свяшаго Благовѣсшишеля Іоанна: *Въ началѣ бѣ Слово и Слово бѣ къ Богу и Богъ бѣ Слово.* Вошъ первый памяшникъ нашей Словесносши, съ шакою величавою просшошою выражающій высочайшую мысль Евангелисша-Богослова. Преданіе говоришъ шакже, что когда переведена была первая глава эшого Благовѣсшія,— шо «Царь Визаншіи и Пашріархъ и весь Соборъ съ радосшію прославили о шомъ Бога.» Подъ какимъ дивнымъ знаменіемъ родилось наше слово!— и эшимъ оно обязано было Религіи. Когда же шрудолюбивые брашья совершили подвигъ, когда Божіе Слово пересказано было ими на языкѣ Словенскомъ, и по выраженію Лѣшописца, «Словене рады быша, яко слышаша величіе Божіе своимъ языкомъ», шогда многіе ученые Запада сшали хулишь Словенскія книги; говорили, что Словенскому народу *недостоитъ имѣть своихъ азбуковъ;* что шолько Евреи, Греки и Лашины могушъ имѣшь азбуку и право передавашь Слово Божіе, пошому что шолько на эшихъ языкахъ написано было на кресшѣ Хрисшово имя;—но и шогда, въ IX вѣкѣ, мудрый Папа всшупился за право языка Словенскаго, и не согласуясь въ эшомъ случаѣ съ исключишельнымъ духомъ Западной Церкви, ошвѣчалъ глубокомысленно: «*Да вси возглаголютъ языкъ величія Божія!*»

Я не много увлекся посшороннимъ предмешомъ, однако не сшолько посшороннимъ, какъ съ перваго взгляда кажешся. Кромѣ шого, что эшошъ предмешъ близокъ на-

шему сердцу, и что о немъ всегда невольно разговоришься подробнѣе, — я хотѣлъ намѣкнуть вамъ на то особенное отношеніе, какое Библейская Словесность и особенно Поэзія имѣютъ къ нашей Словесности и Поэзіи, и тѣмъ завлечь къ изученію ея не одно ваше общее сочувствіе, которое вы должны питать къ ней, на ряду со всѣми образованными, — но и ваше сочувствіе національное. При томъ же, это сочувствіе завлекается само собою, невольно, потому что мы, къ счастію, можемъ изучать красоты Еврейской Поэзіи на нашемъ собственномъ языкѣ, тогда какъ, для изученія Исторіи Поэзіи другихъ народовъ Востока, мы должны прибѣгать къ переводамъ на языкахъ иностранныхъ.

Начиная бесѣдовать съ вами о Востокѣ, я упомянулъ о двухъ совершенно противоположныхъ Религіяхъ, которыя, съ самыхъ темныхъ, съ самыхъ первобытныхъ временъ человѣчества, печатлѣютъ два рѣзко отдѣльные, два яркіе слѣда, или лучше двѣ разныя струи, никакъ не сливающіяся на потокѣ жизни Восточныхъ народовъ. Одни народы ищутъ Бога въ Его твореніи, поклоняются свѣтиламъ небесъ, огню и другимъ стихіямъ, унижаютъ свое человѣчество, обожая даже животныхъ; однимъ словомъ, боготворятъ міръ матеріальный, собираютъ Бога всюду и не могутъ собрать Его, или лучше, теряютъ во множествѣ боговъ высокую мысль о Немъ и нераздѣльномъ съ Нимъ единствѣ Его. Таковы народы Вавилона, Финикіи, Персіи, Индіи.— Другіе же наро-

ды, а именно Семитическіе, какъ напр. Евреи и Арабы, отъ нихъ же происходящіе, внутреннимъ духомъ постигаютъ Бога единаго, вѣчнаго, и посредствомъ преданія, постоянно сохраняютъ это истинное понятіе о Богѣ, на коемъ зиждется все устройство міра и человѣчества.

Преимущественно передъ другими народами Азіи, Евреи суть представители этого чистаго понятія о единомъ Богѣ. Высочайшая эта мысль, мысль о единомъ Богѣ, спасительная для всего человѣчества, основная мысль всякой чистой нравственности, зародышъ всякой гармоніи, всякаго устройства въ мірѣ человѣческомъ, была воспитана въ мирныхъ кущахъ народа Израильскаго, была средоточіемъ всей его жизни. Съ сею мыслію связана вся Исторія Евреевъ; на ней основано было ихъ единство, какъ народа, ихъ политическое могущество. Въ этой мысли заключалось и богатство, и крѣпость, и слава этого народа-пастыря.

Трудно въ Исторіи всякаго народа, даже отжившаго, заключившаго полный кругъ своей жизни, — трудно бываетъ найти единство, идею, которую онъ развивалъ въ человѣчествѣ; трудно подвести всѣ его дѣла, всѣ событія его перепутанной жизни подъ одну точку зрѣнія. Но эта трудная задача весьма легко разрѣшается въ Исторіи Еврейскаго народа: ибо вся она есть *Исторія мысли о Богѣ единомъ и истинномъ въ древнемъ человѣчествѣ.*

Съ первыхъ страницъ вы видите въ ней, какимъ образомъ сей Богъ сказывается Самъ первымъ человѣкамъ въ раю; какъ Онъ милостиво продолжаетъ эту бесѣду и съ человѣкомъ изгнаннымъ; какъ Онъ участвуетъ въ жизни первыхъ семей человѣческихъ; изъ рода въ родъ ведетъ свою бесѣду съ Патріархами, съ первыми родоначальниками человѣчества, до самаго праотца Израильскаго народа; какъ Онъ является Аврааму въ видѣніяхъ; избираетъ его въ родоначальники того народа, которому назначено было сохранять въ человѣкахъ преданіе о Богѣ истинномъ, быть жрецомъ Бога единаго; какъ Богъ искушаетъ своего избранника; требуетъ у него единороднаго сына на всесожженіе — и сей готовъ принести его. Въ семъ-то подвигѣ Авраама, благословеннаго Богомъ въ праотцы народу Израильскому, зачинается великая мысль сего народа, мысль, утвердившая бытіе его: ибо послѣ этого подвига Господь говоритъ Аврааму: «ты не пощадилъ сына твоего возлюбленнаго для Меня; воистину благословя благословлю тя, умножая умножу сѣмя твое, какъ звѣзды небесныя, какъ песокъ при морѣ, и сѣмя твое наслѣдитъ грады супостатовъ, и благословятся о сѣмени твоемъ всѣ языки земные.» —Древніе Римляне обрекали дѣтей своихъ на жертву отечеству; но здѣсь мысль и жертва выше; тамъ все отечеству, здѣсь все Богу! — Этотъ подвигъ Авраамовъ былъ сѣменемъ жизни благословеннаго Израильскаго народа и прообразовалъ собою искупленіе человѣчества.

Бесѣда Бога съ избраннымъ Его племенемъ продолжается въ поколѣніи Авраамовомъ. Наконецъ, семейство разродилось въ цѣлый народъ, — и этотъ народъ, занесенный голодомъ въ Египетъ, голодомъ вынужденный продать свою свободу Царю Египетскому, бѣдствуетъ въ его работѣ. Но Богъ готовитъ соорудителя этому расточенному, этому мертвому народу.— Когда избранникъ Бога, принявъ Его повелѣніе повѣдать о Немъ всему народу, вопрошаетъ Всемогущаго: какъ же назоветъ онъ Бога Израильскому народу?—Господь отвѣчаетъ: *Азъ есмь СЫЙ*: тако речеши сыномъ Израилевымъ: СЫЙ посла мя къ вамъ.» (Исхода гл. 3, ст. 14.)—Какое чистое, ясное и вмѣстѣ отвлеченное, глубокое понятіе объ этомъ живомъ Богѣ! Не заключается ли здѣсь начало мысли о безусловности Бога, Который есть, потому что Онъ есть? Къ этой мысли стремились безконечными путями, безконечными лабиринтами величайшіе Философы міра, и нашли ее въ мертвомъ абсолютѣ, въ безусловномъ началѣ, въ этомъ скелетѣ мысли, на коемъ зиждется Философія XIX вѣка; а она еще за 3300 слишкомъ лѣтъ до насъ сказалась съ такою простотою, ясностію и жизнію,—сказалась кому же?—смиренному пастырю овецъ Іофоровыхъ. Но эта мысль открывалась людямъ еще и прежде, по свидѣтельству Самаго Бога: далѣе говоритъ Господь Моисею: «Тако речеши сыномъ Израилевымъ: Господь Богъ отецъ нашихъ, Богъ Авраамовъ, и Богъ Исааковъ, и Богъ Іаковль посла мя къ вамъ: сіе мое есть имя вѣчное, и *память родовъ родомъ*.» (Исхода гл. 3, ст. 15).—Такъ этотъ Богъ СЫЙ есть вмѣстѣ

Богъ преданія, которое по завѣщанію переходило отъ человѣка къ человѣку, отъ Адама, Ноя дошло до Авраама и черезъ нихъ распространилось въ одномъ народѣ, а черезъ него и въ человѣчествѣ. Такъ, по свидѣтельству Самаго Бога, Исторія народа Израильскаго есть Исторія Бога единаго и истиннаго въ человѣчествѣ.

Народъ, избранный на высокое служеніе Богу, стонетъ въ работѣ Египетской и забылъ о своемъ назначеніи. Моисей пробуждаетъ въ немъ память преданія отцевъ его, мысль ихъ о Богѣ сущемъ, и призываетъ народъ на служеніе сему Богу. Племя разрозненное, расточенное по работамъ, въ мигъ сочеталось въ крѣпкую массу народа; это племя, умерщвленное рабствомъ Египетскимъ, ожило, когда великій законодатель и пастырь внушилъ ему высокую мысль о Богѣ отцевъ его, когда онъ позвалъ его на служеніе сему Богу. Возбудивъ это желаніе въ народѣ, Моисей проситъ Фараона отпустить народъ Израильскій: «да пожремъ въ пустынѣ Господу Богу нашему.» Фараонъ упрекаетъ въ праздности сей народъ, просящійся для жертвы Богу: «праздни, праздни есте: сего ради глаголете: да идемъ, пожремъ Богу нашему.» (Исхода гл. 5, ст. 17). Фараонъ не понималъ этого высокаго служенія Богу: онъ цѣнилъ выше свою работу Египетскую. Борьба Израильтянъ съ Фараономъ есть борьба мысли, угодной Богу, съ работою физическою, борьба духа съ плотью, теплой небесной вѣры съ холодною земною жизнію. Народъ, осѣненный свыше въ лицѣ Мои-

ся, почувствовалъ свое назначеніе—служить Богу, и не хочетъ работы Египетской, хочетъ отъ воздѣланныхъ нивъ, отъ плодоносныхъ полей Нила, отъ Египетскаго обилія и роскоши, изъ городовъ удобныхъ, спокойныхъ, великолѣпно-украшенныхъ, хочетъ къ своимъ стадамъ, въ свою любезную, невоздѣланную, дикую пустыню, да принесетъ въ ней свободную, свою жертву Богу, да соорудитъ въ ней храмъ Богу отцевъ своихъ.

Первое сооруженіе этого храма есть кочевая Скинія Свидѣнія, осѣненная во дню облакомъ Господнимъ и въ ночи огнемъ, путеводнымъ для народа Израильскаго во время всѣхъ его странствій по пустынѣ. Народъ соорудилъ сію Скинію, лишь только собрался во едино, образовался народомъ,—и эта Скинія была средоточіемъ всѣхъ его дѣйствій, знаменемъ его соединенія. Окончательное сооруженіе этого храма Господу есть великолѣпный храмъ Соломоновъ, созданный во время самое блистательное славы Іерусалима. Такъ, если мы взглянемъ на Исторію Еврейскую со стороны художественно-религіозной, — она предстанетъ намъ, какъ Исторія сооруженія храма Богу единому и истинному, этого храма, который начался отъ простаго, разбивнаго шатра, покрытаго овечьими кожами, и заключился великолѣпнымъ зданіемъ, гдѣ Царь-художникъ не пощадилъ злата и мѣди на сооруженіе дома Господня.

Но будемъ слѣдить далѣе Исторію этой высочайшей мысли о единомъ Богѣ въ Исторіи народа Израильскаго.

Когда великій законодатель вызвалъ народъ въ пустыню, когда онъ взошелъ на гору Синая, на которой долженъ былъ принять законъ для народа,—то первый голосъ Бога къ Моисею съ этой горы былъ: «будете ми людіе избранніи отъ всѣхъ языкъ: моя бо есть вся земля, вы же будете ми царское священіе и языкъ святъ.» (Исхода гл. 19. ст. 5, 6.)—Такъ народъ Израильскій, по избранію Самого Бога, былъ жрецомъ Его за все человѣчество.

Первая заповѣдь, сказанная Израилю отъ Синая, есть: «Азъ есмь Господь Богъ твой изведый тя отъ земли Египетскія, отъ дому работы, да не будутъ тебѣ бози иніи, развѣ Мене.» Вторая заповѣдь: «не сотвори себѣ кумира, ни всякаго подобія, елика на небеси горѣ, и елика на земли низу, и елика въ водахъ подъ землею: да не поклонишися имъ, ни послужиши имъ: Азъ бо есмь Господь Богъ твой.» (Исхода гл. 20, ст. 2 — 5.) Далѣе запрещено даже поминать имена иныхъ боговъ: «ниже да слышатся изо устъ вашихъ.» (гл. 23. ст. 13). — Такимъ образомъ, первою заповѣдью утверждается положительно единство Бога; второю заповѣдью уничтожается идолопоклонство (Фетишество Финикійское), поклоненіе звѣздамъ (Персидское), поклоненіе животнымъ земнымъ и воднымъ (Египетское); отвергаются всѣ ложныя Азіатскія вѣры—и утверждается истинная вѣра въ единаго Бога.

Всю жизнь свою посвятилъ великій законодатель на то, чтобы сохранять въ народѣ Израильскомъ эту мысль

о единомъ Богѣ. Непрерывно бесѣдовалъ онъ о шомъ съ Самимъ Богомъ.—Во всѣхъ законахъ, изреченныхъ Господомъ черезъ Моисея, видна эша мысль. Богъ шребуешъ, чшобы народъ Израильскій, во всякомъ земномъ своемъ занятіи, помнилъ Его. «Первенцы ошъ сыновъ живошныхъ швоихъ да даси Мнѣ. (Исхода гл. 22. сш. 30.) Начашки первыхъ жишъ земли швоея да внесеши въ домъ Господа швоего. (гл. 23. сш. 19). Седьмое лѣшо жашвы и винограда ошдай Богу, ш. е. убогимъ, нищимъ и звѣрямъ сельнымъ.» (гл. 23. сш. 11).—Такъ все и ошъ всего Богу. Непрерывно, въ шеченіе всей жизни законодашеля, Богъ усшами его повшоряешъ народу Израильскому: «не покланяйшеся богомъ инымъ, ибо Господь Богъ ревниво имя, Богъ ревнивъ есшь.»—Такъ эшошъ исшинный, единый Богъ любишъ Свой народъ и ревнуешъ его къ богамъ иныхъ народовъ.

Трудно было удерживашь эшу чисшую, мысленную вѣру въ Бога ошвлеченнаго, незримаго, кошораго и Моисей не могъ видѣшь въ лице,—шрудно было удерживашь ее въ плошскомъ, земномъ народѣ, всегда гошовомъ прилѣпишься къ веществу, поклоняшься кумиру видимому. Законодашель чувсшвовалъ эшу шрудносшь; онъ сшрашился особенно идолопоклонсшва. «Не сошворише себѣ образовъ рукошворенныхъ (говоришъ Богъ усшами Моисея), ниже изваянныхъ, ниже сшолпа посшавише себе, ниже камене посшавише въ земли вашей въ знаменіе, во еже покланяшися ему: Азъ есмь Господь Богъ вашъ.»—Вошъ почему,

скажу вамъ мимоходомъ, Искусство ваятельное не могло процвѣтать у Евреевъ: вотъ почему самая Поэзія не допускала никакихъ чувственныхъ воплощеній Бога, а одни только символы его власти и свойствъ, какъ мы послѣ увидимъ.

Когда наступило время смерти великаго законодателя, когда почувствовалъ онъ, что долженъ, по призванію Бога, покинуть народъ свой, — какая мысль занимаетъ его въ послѣднюю минуту; о чемъ заботится онъ? о чемъ голосомъ умирающаго говоритъ собравшимся сонмамъ Израильскаго народа? о чемъ послѣдняя земная скорбь его? Не о томъ, что онъ не узритъ земли обѣтованной; — нѣтъ, его тревожитъ мысль всей его жизни. Онъ убѣждаетъ Израильтянъ не измѣнять Богу единому своему, Богу отцевъ ихъ; не служить богамъ языческимъ. Вотъ послѣдній его завѣтъ народу. — «Вы видѣли, говоритъ онъ, и въ Египетской землѣ и у другихъ народовъ, через которыхъ проходили, мерзости ихъ, и кумиры ихъ, древо и каменіе, сребро и злато.» Онъ говоритъ отъ имени Бога: «избирайте: благословеніе или проклятіе, животъ или смерть, благо или зло.—Люби Господа Бога твоего отъ всего сердца твоего, отъ всея души твоея, и ты будешь живъ и благословенъ.—Будь ты расточенъ по землѣ отъ края небесъ до другаго края, — и тогда Господь соберетъ тебя этою сильною любовію къ Нему.» Вотъ въ чемъ заключалъ законодатель основу единства въ народѣ Израильскомъ. — «Если же измѣните

вы Богу, продолжаетъ онъ, и послужите инымъ богамъ, то нѣтъ казни, какую бы не послалъ на васъ Богъ, и спросятъ другіе народы: за что казнится народъ сей? — и скажутъ имъ въ отвѣтъ: за то, что онъ оставилъ завѣтъ Господа Бога отцевъ своихъ и послужилъ инымъ богамъ.»

Кромѣ сего завѣта, Моисей, предчувствовавшій горькую истину, что народъ измѣнитъ своему Богу, завѣщалъ ему пѣснь на тотъ же предметъ, пѣснь соединенія народа Израильскаго. Она сдѣлалась пѣснію народною, пѣснію завѣта Господня и Моисеева. Въ ней содержатся укоры народу Израильскому и напоминаніе всѣхъ благодѣяній Божіихъ, во время странствія по пустынѣ. Въ ней сказано: «Господь единъ вождаше ихъ и не бѣ съ ними богъ чуждь.» Особенно выражается въ этой пѣсни ревность Бога Израильскаго. Особенно замѣчателенъ въ ней духъ Израильтянъ, кои гнушались другихъ народовъ. Законодатели съ великою мыслію старались уединить ихъ, оградить отъ посторонняго вліянія, сдѣлать необщительными. «У народовъ чуждыхъ, говорится въ этой пѣсни, виноградъ отъ виноградовъ Содомскихъ, розга ихъ отъ Гоморры; гроздъ ихъ — гроздъ желчи, гроздъ горести ихъ; ярость зміевъ — вино ихъ и ярость аспидовъ неисцѣльна.» (Второзак. гл. 32, ст. 32, 33). Такъ всѣ дары земли у иноплеменныхъ народовъ прокляты, отравлены, смертельны; въ народѣ же Израильскомъ всѣ эти дары природы благословены Богомъ. Вы видите великую мысль законодателя отчуждить народъ Изра-

ильскій отъ другихъ народовъ. Но съ какою же цѣлію? — Все съ тою же, чтобы посредствомъ этой необщительности, этого отверженія отъ другихъ народовъ, сохранить въ Израильтянахъ вѣру въ единаго Бога.

Когда умиралъ наслѣдникъ Моисея, приведшій народъ Израильскій въ обѣтованную землю, — такой же завѣтъ оставилъ онъ ему; — также нѣсколько разъ повторяетъ онъ: «Отвергните боги чуждые. Если же вы измѣните Богу своему, и прилѣпитесь къ народамъ языческимъ, и смѣшаетесь съ ними, — тогда Господь и не помыслитъ истреблять этихъ народовъ: они будутъ вамъ въ сѣти и въ соблазнъ, и въ гвоздія въ пятахъ вашихъ, и въ стрѣлы въ очахъ вашихъ, до тѣхъ поръ, пока вы всѣ не погибнете на этой благой землѣ, которую далъ вамъ Господь Богъ вашъ.»

Всѣ войны и побѣды совершались именемъ Бога Израильскаго. Руки, воздѣтыя къ небу Пророкомъ, были знаменіемъ побѣды. Отъ неба этѣ руки брали силу для народа, когда онъ воевалъ за землю, ему обѣщанную. Смотря на этѣ воздѣтыя руки, онъ воспламенялся мужествомъ: онѣ опускались — и терялась небесная сила.

Когда народъ сталъ отклоняться отъ истиннаго Бога, онъ попадалъ въ плѣнъ Царей иноземныхъ; но и тогда Богъ посылалъ ему Судей-Пророковъ, которые спасали народъ отъ плѣна и поддерживали Вѣру истинную.

Когда народъ, увлеченный примѣромъ своихъ сосѣдей, не пожелалъ Царя-Бога, а пожелалъ имѣть Царей земныхъ, — и тогда Богъ посылалъ Пророковъ, «и глагола Господь рукою рабовъ своихъ Пророковъ», которые были стражами закона Господня, проповѣдниками Его въ народѣ и Царяхъ, и поддерживали единство Бога и тѣмъ единство народа. Пророки гремѣли противъ идоловъ, противъ капищь, когда идолопоклонство сильно овладѣло народомъ Израильскимъ, когда въ самый храмъ истиннаго Бога внесены были кумиры Ваала. — Во время плѣненія, были также мужи благочестивые, которые не мѣшались съ народомъ иноплеменнымъ, чуждались его сообщества, и сохраняли свою вѣру. Таковъ былъ Товитъ. Эздра, по повелѣнію Артаксеркса Лонгимана, выводя народъ Еврейскій изъ Вавилона, — приказалъ мужамъ оставлять женъ иноплеменныхъ.

Но народъ Израильскій наконецъ вовсе забылъ имя Бога единаго, потерялъ эту мысль, спасавшую его отъ всѣхъ бѣдствій, выкинулъ изъ памяти завѣтную пѣснь Моисееву, не понялъ пророчественнаго значенія своей Вѣры, предвѣщавшей человѣчеству Откровеніе Ново-Завѣтное, — и тогда Богъ расточилъ его и уже не собралъ: ибо звуки пѣсни его соединенія были имъ уже потеряны, и мысль высокая всей его жизни, мысль о единомъ Богѣ, возрожденная въ новой Религіи, сдѣлалась достояніемъ иныхъ народовъ.

Такъ вы видите, что ни одна Исторія не имѣетъ такого глубокаго значенія, такого единства, какъ Исторія народа Израильскаго. Она есть непрерывная бесѣда Бога съ человѣчествомъ въ лицѣ Еврейскаго народа. Потому-то сія Исторія, преимущественно передъ всѣми, заслужила достойно высокое имя слова Божія: таково значеніе всей Исторіи рода человѣческаго, но преимущественно Исторіи Еврейскаго народа.

Какое же было земное званіе этого народа, который былъ исключительно призванъ на служеніе Богу истинному въ древнемъ мірѣ человѣчества? Какой былъ его земный характеръ? Что̀ было его земнымъ занятіемъ? Мы знаемъ, что Ассиріяне первоначально были народъ звѣроловецъ, Финикіяне—торговцы, Египтяне—земледѣльцы; Еврейскій же народъ былъ народъ пастушескій. Онъ имѣлъ этотъ характеръ, когда еще заключался въ одной малочисленной семьѣ Іакова: дѣти Іакова пасли стада. Онъ остался вѣренъ этому характеру и послѣ, когда разросся изъ семьи въ народъ великій, когда образовалъ царство блистательное и побѣдоносное. Вожди Израиля, пришедъ въ землю къ Фараону съ своими стадами, на вопросъ его: что̀ ваше дѣло есть? отвѣчали: мужіе скотопитатели есмы, и мы и отцы наши. Замѣчательно, что Египтяне не могли ѣсть вмѣстѣ съ Евреями, чуждались ихъ, мерзили ими, потому что не могли терпѣть народа пастушескаго (мерзость бо есть Египтяномъ всякъ пастухъ овчій).

Это пастушеское происхожденіе Израильскаго народа положило свою печать на первыхъ законахъ его о собственности, которые касаются болѣе стадъ. Десятая заповѣдь, относящаяся къ обезпеченію чужаго, говоритъ преимущественно о стадахъ: ни вола его, ни осла его, ни всякаго скота его. — На сооруженіе Скиніи Свидѣнія употреблены и *кожи овнін червлени* и *кожи синін*: народъ-пастырь дарами стадъ своихъ украшаетъ свой подвижный храмъ въ пустынѣ. — Земля обѣтованная кипитъ млекомъ и медомъ,—т. е. она богата стадами и пчелами. Тучныя кравы орошаютъ злакъ полей обильнымъ млекомъ своимъ: вотъ богатство страны обѣтованной, страны счастія. Наконецъ, высшій Царь, при которомъ процвѣло царство Израильское, при которомъ Израиль одолѣлъ враговъ своихъ, Царь отецъ премудраго зиждителя храма, Давидъ, вышелъ изъ того же званія, изъ какого и весь народъ Израильскій, изъ пастуховъ.

Египтяне пренебрегали народомъ-пастухомъ, но Богъ не пренебрегъ имъ. «Егда раздѣляше Вышній языки, яко разсѣя сыны Адамовы, постави предѣлы языковъ по числу Ангелъ Божіихъ, и бысть часть Господня, людіе его Іаковъ.»—Богъ возлюбилъ народъ пастырей. Онъ еще издревле любилъ ихъ. «Авель бѣ пастырь овецъ: Каинъ бѣ дѣлаяй землю», — и Богъ полюбилъ Авеля, и Авель сталъ любимымъ жрецомъ Господа. Въ самомъ дѣлѣ, пастырь, съ своими кочевыми стадами, менѣе привязанъ къ землѣ, чѣмъ пахарь. Пастырь свободнѣе, безпечнѣе; его бытъ

независимъ; ему просторнѣе на землѣ, а потому и въ душѣ его, можетъ быть, болѣе простору для молитвы, для безкорыстнаго служенія Богу. Пастырь, при своихъ стадахъ, имѣетъ болѣе досуга созерцать небо и мыслить о Богѣ,—и не даромъ, въ такихъ-то пастырскихъ думахъ и созерцаніяхъ, истинный Богъ являлся Моисею. Земледѣлецъ, напротивъ, вѣчно преклоняетъ глаза къ землѣ, своей кормилицѣ; потомъ орошаетъ эту землю скупую, которая притягиваетъ къ себѣ его корыстную душу и порабощаетъ ее.—Сія-то пастырская жизнь, исполненная отеческихъ преданій и думъ божественныхъ, заслужила народу Израильскому отъ Фараона насмѣшливое прозвище народа празднаго, лѣниваго; но за то отъ Бога заслужила ему имя народа избраннаго и любимаго.

Сіи-то двѣ стихіи, а именно: Вѣра въ единаго Бога, тѣсно связанная съ чувствомъ народнаго единства, и жизнь пастушеская, положили свою печать на Поэзіи Еврейскаго народа, по тому непреложному закону, что Поэзія всегда истекаетъ изъ одного родника съ жизнію. Обѣ этѣ стихіи, какъ мы видѣли, не разнородны другъ другу, а имѣютъ близкое между собою отношеніе. Къ Поэзіи Еврейской, какъ и къ народу Еврейскому, можно отнести эту простую заключительную пѣсню Царя Псалмопѣвца: «Малъ бѣхъ въ братіи моей, и юнѣйшій въ дому отца моего: пасохъ овцы отца моего. Руцѣ мои сотвористѣ органъ, и персты мои составиша псалтирь. И кто возвѣститъ Господеви моему? Самъ Гос-

подь, Самъ услышитъ. Самъ посла Ангела Своего, и взятъ мя отъ овецъ отца моего, и помаза мя елеемъ помазанія Своего. Братія мои добри и велицы: и не благоволи въ нихъ Господь. Изыдохъ въ срѣтеніе иноплеменнику, и проклятъ мя идолы своими. Азъ же исторгнувъ мечъ отъ него, обезглавихъ его, и отъяхъ поношеніе отъ сыновъ Израилевыхъ. «Я не знаю, право, ничего, что бы, съ такою полнотою и вмѣстѣ съ такою краткостію, выражало всю жизнь и Поэзію народа Израильскаго, стихіи, изъ которыхъ онѣ вышли, отношенія этого народа къ другимъ народамъ, какъ все это выражаетъ этотъ краткій псаломъ.—Но кто же могъ лучше и вѣрнѣе выразить все это, какъ не тотъ, кто былъ самъ представителемъ Еврейской лиры, на гусляхъ коего созрѣли ея высокія пѣснопѣнія, и кто самъ, по примѣру своего народа, вышелъ изъ пастырей, и въ своей жизни изображалъ вкратцѣ всю великую жизнь народа Израильскаго?

Разсмотримъ же теперь, какое религіозное воззрѣніе на міръ проистекало изъ этого чистаго понятія о единомъ Богѣ и какимъ образомъ Поэзія Еврейская одушевлялась этимъ воззрѣніемъ, и отсюда выведемъ ея отличительный характеръ.—Чтобы постигнуть надлежащимъ образомъ чистое, отвлеченное понятіе о единомъ Богѣ въ отношеніи къ міру, существовавшее у Евреевъ, — должно отличить его отъ подобнаго, но нечистаго понятія у другихъ народовъ Востока, а именно у Персовъ и Индѣйцевъ.

Древнѣйшее поклоненіе Персовъ было поклоненіе звѣздамъ и огню, машеріальное обожаніе спихій. Но эта вѣра, впослѣдствіи, была очищена Зороастромъ. Онъ признавалъ бога свѣта, добра и правды, которому поклонялись послѣдователи Зенд-а-весты; но вмѣстѣ съ этимъ богомъ онъ признавалъ другаго бога, находящагося въ безпрестанной борьбѣ съ первымъ, бога тьмы и зла. Хотя законодатель Персіи и пророчествовалъ, что начало доброе кончитъ побѣдою надъ злымъ; но, не смотря на то, онъ признавалъ два начала съ равными правами, два начала основныя, слѣдовательно двухъ боговъ, а не одного. Евреи признавали также стихію зла; но подчиняли ее началу высшему, единосущному и благому. Это зло было только отпаденіе отъ Бога, злая самость, а не начало самобытное, отъ вѣка сущее. Эти понятія мы видимъ въ книгѣ Іова, гдѣ діаволъ не смѣетъ нарушить воли и власти Бога, а дѣйствуетъ съ Его соизволенія. Такъ и Исторія человѣчества у Евреевъ не есть борьба двухъ началъ или двухъ царствъ: свѣта и тьмы, Ормузда и Аримана, какъ она представлялась Персамъ. Нѣтъ, она есть непрерывно-гармоническій глаголъ единодержавнаго Бога, глаголъ, съ которымъ ничто не смѣетъ быть въ разнозвучіи.

Индѣйцы признавали также единаго Бога; но они не умѣли отвлекать мысли о Немъ отъ міра, Имъ сотвореннаго. Этотъ богъ разлитъ былъ для нихъ всюду: онъ жилъ въ стихіяхъ, въ свѣтилахъ небесныхъ, во всѣхъ яв-

леніяхъ міра. Этотъ богъ единый разсыпался у нихъ по творенію, — и потому Индѣйскій монотеизмъ, какъ я вамъ уже говорилъ прежде, переходилъ въ пантеизмъ. Индѣйцы не умѣли отвлечь идеи Бога, представить себѣ Его самосущное, безусловное бытіе, отдѣленное отъ своего творенія. Они не могли дойти до этого чистаго, яснаго и глубокаго опредѣленія Бога: *Азъ есмь СЫЙ.*

До этого-то понятія, внушеніемъ Самаго Бога, достигли одни Евреи,—и въ немъ-то заключается существенное различіе ихъ понятія о единомъ Богѣ отъ подобнаго, но нечистаго понятія Индѣйцевъ. Изъ этой-то мысли о Богѣ самосущномъ, отдѣленномъ отъ Своего творенія, проистекаетъ все ихъ воззрѣніе на міръ и духъ ихъ Поэзіи, чуждый всякой чувственности.

Припомните первую главу Книги Бытія, богодухновенное и простое сказаніе о сотвореніи міра. Какимъ образомъ творится этотъ міръ? Богъ не дѣлаетъ никакого усилія для его созданія; не претворяется въ первоначальныя стихіи; не является подъ осмью образами, какъ Индѣйскій Брама; нѣтъ, — Онъ сохраняетъ Свою самобытность, Свое величіе и могущество. Онъ, въ покоѣ Своей мощи, говоритъ, — и цѣлый міръ есть только произведеніе Его Слова, есть это Слово, пріявшее образъ и плоть. Онъ, при всякомъ новомъ созданіи, какъ художникъ, отступаетъ отъ Своего произведенія, и видитъ,

какъ оно прекрасно, и любуется имъ, и творя міръ, нисколько не мѣшается съ этимъ вещественнымъ міромъ. Только при созданіи человѣка, Богъ дѣйствуетъ уже не однимъ словомъ, но и Своимъ дыханіемъ: потому одинъ человѣкъ и божественъ между тварями; потому, божественная душа есть исключительная собственность человѣка, по ученію Ветхаго и Новаго Завѣта, тогда какъ у Индѣйцевъ человѣкъ раздѣляетъ съ животными право свое на божественную душу.

Такъ, по ученію Евреевъ, вся вселенная съ своими красотами есть только овеществленное слово Божіе, и ни одно созданіе въ ней не причастно существу Бога неприкосновенному, кромѣ человѣка. Таково религіозное воззрѣніе Евреевъ на Исторію сотворенія міра; таково же оно и на Исторію человѣчества, какъ продолженіе первой Исторіи. И Исторія человѣчества, по ихъ мнѣнію и нашему, есть также овеществленіе слова Божія, есть непрерывная бесѣда Бога; событія Исторіи суть живыя выраженія, или исполненіе глаголовъ Божіихъ. *И рече Богъ* — есть высокая вина и махина всѣхъ дѣйствій на землѣ, въ мірѣ человѣческомъ совершающихся. Отсюда всякое событіе этой Исторіи, какъ выраженіе слова Божія, получаетъ глубокое, всемірное значеніе, и кромѣ матеріальной своей стороны, какъ событія, представляетъ смыслъ таинственный, пророческій.

Съ такимъ религіознымъ воззрѣніемъ Евреевъ на бытіе

міра и на бытіе человѣчества, происшекающимъ изъ ихъ чистаго и отвлеченнаго понятія о единомъ Богѣ, тѣсно сопряжено и поэтическое ихъ воззрѣніе на міръ. Никакая Поэзія не исполнена такъ Бога, какъ Поэзія Еврейская. Онъ вездѣсущъ во всѣхъ ея пѣснопѣніяхъ. Духъ Его вѣетъ въ каждомъ словѣ ея,—и каждое слово этой Поэзіи есть сѵмволъ Божій. Но ясно, что сія Поэзія, воспѣвая Бога, не могла прибѣгать къ чувственнымъ тѣлеснымъ воплощеніямъ; что она не могла изображать этого Бога незримаго, а только внушать о Немъ предчувствіе. Во всѣхъ преданіяхъ Еврейскихъ, никто изъ первыхъ праотцевъ Израильскихъ не завѣщалъ сказаній о ликѣ Божіемъ. Когда великій законодатель, обрѣтши благость Бога, осмѣлился просить Его о томъ, чтобы Онъ явилъ ему Себя Самого во свидѣтельство этой благости: яви ми Тебе Самого; покажи ми славу Свою,—Господь отвѣчалъ ему: «не возможеши видѣти лица Моего, не бо узритъ человѣкъ лице Мое и живъ будетъ.» И потомъ сказалъ: «се мѣсто у Мене, и станеши на камене. Егда же прейдетъ слава Моя, и положу тя въ разсѣлинѣ камене, и покрыю рукою Моею надъ тобою, дондеже мимоиду. И отъиму руку Мою, и тогда узриши задняя Моя: лице же Мое не явится тебѣ.»

Когда другой Пророкъ, Илія, убѣгая отъ заблудившагося народа на гору Хоривъ, искалъ на ней Бога, дабы Онъ пріялъ душу его;—тогда былъ къ нему глаголъ Господень: «Зачѣмъ ты здѣсь Илія?»—и онъ сказалъ, что

ищешъ Бога, и голосъ повелѣлъ ему утромъ взойти на вершину горы и стать предъ Господомъ, и предупредилъ его: мимо пойдетъ Господь, и буря будетъ великая, сильная, разоряющая горы, сокрушающая камни въ горѣ передъ Господомъ,—но не въ этой бурѣ Господь, — и за бурею землетрясеніе, но не въ землетрясеніи Господь, — и послѣ землетрясенія огонь, и не въ огнѣ Господь, — и послѣ огня *гласъ хлада тонка* (шопотъ тонкаго вѣтерка), — и тамъ Господь.— И покрылъ Пророкъ лице плащемъ своимъ, и слышалъ голосъ Божій въ тонкомъ дыханіи вѣтерка.

Іовъ слышалъ того же Бога, говорящаго сквозь бурю и облака. Сей же Богъ облекался ризою огня, ризою тучи: видѣли ризу Его, слышали голосъ Его; но никто не зрѣлъ лица Его, никто по крайней мѣрѣ не сказалъ о лицѣ Его, — и Поэзія, вѣрная преданіямъ и мысли народа, никакъ не могла уловить безконечнаго Бога въ какомъ нибудь одномъ чувственномъ, видимомъ образѣ.

Всѣ высокія явленія природы, въ Еврейской Поэзіи, служатъ Богу то символами, то аттрибутами, то вѣстниками воли Его. Громъ есть голосъ Бога, голосъ, который понимаютъ святые пѣвцы; свѣтъ — риза Бога, которою Онъ обвивается и которую, въ видѣ утренней зари, Онъ накидываетъ на мрачную ночь; небеса—шатеръ, чертогъ, храмъ Бога; вѣтры и пламенныя молніи — Его вѣстники. Онъ пошлетъ слово—и мразъ истаетъ; дхнетъ

духъ Его—и потекутъ воды. И бури, и облака, и дожди служатъ Его волѣ. И огнь, столпомъ небеснымъ, и облако, снѣжною горою на небесахъ, означаютъ Его присутствіе. Однимъ словомъ, вся Природа, всѣ ея явленія суть одинъ символъ Бога, одинъ слабый намѣкъ о Немъ, одинъ легкій слѣдъ Его незримаго шествія; но ничто на землѣ и въ небесахъ, никакой образъ не можетъ выразить Его безконечности.

Тщетно, для этой цѣли, прибѣгаетъ Еврейская Поэзія къ разнымъ усиліямъ. Она сравниваетъ все великое съ малымъ; она противополагаетъ небо землѣ; она неизмѣримостью небесъ подавляетъ малую землю; именуетъ небо престоломъ Божіимъ, а землю подножіемъ ногъ Его, или называетъ небо, истканное безчисленными звѣздами, однимъ краемъ ризы Божіей. Она берется за Океанъ, за песокъ морской, за все безчисленное, огромное, необозримое, чтобы въ смертнаго и плотскаго человѣка заронить хотя слабую мысль о безконечности Божіей,—и всѣ усилія Поэзіи выразить эту мысль остаются тщетны. Она мѣняетъ образъ на образъ, и изнеможенная, сознается, что вся Природа есть только одинъ слабый намѣкъ на мысль о Богѣ безконечномъ.

Въ сихъ-то непрерывныхъ усиліяхъ выразить безконечнаго и единаго Бога, я полагаю главный отличительный характеръ Еврейской Поэзіи. Она, какъ Іаковъ, вѣчно борется съ Богомъ; вѣчно томится подъ игомъ Его

безконечности; вѣчно стремится выразить ее во всякомъ словѣ— и изнемогаетъ подъ бременемъ своей задачи. Сіи-то усилія даютъ этой Поэзіи характеръ вдохновенный, лирическій, исполинскій. Эта безпрестанная борьба Еврейской Поэзіи съ Богомъ, этѣ усилія несравненно сильнѣе дѣйствуютъ на душу человѣка, чѣмъ гордое убѣжденіе другой Поэзіи, болѣе спокойной, которая думаетъ уловить и изобразить Бога въ чувственномъ, тѣлесномъ образѣ.

Ни чѣмъ лучше не могу я вамъ выразить этой неутомимой жажды Бога, которою вѣчно страждетъ Поэзія Еврейская, какъ словами Псалмопѣвца: «Имъ же образомъ желаетъ елень на источники водные: сице желаетъ душа моя къ Тебѣ, Боже.» — Вотъ вѣчный томительный припѣвъ Еврейской лиры, которая только этимъ безконечнымъ желаніемъ—выразить Бога въ словѣ,—можетъ нѣсколько приблизиться къ выраженію Его безконечности.

ЧТЕНІЕ ОСЬМОЕ.

Слѣды пастушеской жизни на Поэзіи Евреевъ. —Эпосъ отсюда-же имѣетъ начало.—Роды Поэзіи Еврейской.—Духъ и содержаніе Библейскаго слова:—Исторія.—Пророчество. — Законъ. — Премудрость.—Формы Библейскаго слова:—Изреченіе.—Притча.—Соотвѣтствіе.—Видѣніе.—Аллегорія.—Слово Гердера о Еврейской Поэзіи.—Книга Бытія.—Первая пѣснь Моисеева.—Вторая пѣснь Моисеева.—Отъ этихъ двухъ пѣсень двоякій характеръ Еврейской Лиры.

Въ прошедшій разъ, изложивъ вкратцѣ Исторію народа Еврейскаго около одной мысли о единомъ Богѣ и показавъ пастушеское званіе этого народа на землѣ, я заключилъ опредѣленіемъ главнаго отличительнаго характера Еврейской Поэзіи, который состоитъ, по моему мнѣнію, въ безпрерывныхъ усиліяхъ выразить мысль о Богѣ безконечномъ. Такъ главная мысль цѣлой жизни народа Израильскаго отражается и въ Поэзіи его: такъ и на священной лирѣ, съ большею славою, чѣмъ гдѣ нибудь, Поэзія откликается жизни. Въ послѣдствіи, мы увидимъ, какъ изъ этой духовной стихіи развилась лирическая или храмовая Поэзія Евреевъ, бывшая цвѣтомъ развитія всей ихъ Поэзіи.

Но прежде мы должны разсмотрѣть, какимъ образомъ другая стихія жизни этого народа, стихія земная, имѣющая однако связь и съ духовною, какимъ образомъ пастушеская жизнь, изъ которой первоначально вышелъ народъ Израильскій, участвовала также въ этой Поэзіи и что̀ своего она въ нее вложила?

Пастушескій народъ отличается отъ народовъ другихъ званій бо̀льшею охотою къ разсказамъ, къ тому, чтобы передавать потомкамъ и прошедшее и настоящее. Причины этому многія. Во первыхъ, народъ пастушескій гораздо сообщительнѣе, чѣмъ народъ звѣроловецъ: сей послѣдній есть вѣчный врагъ звѣрей, другъ войны и убійства: жизнь его отзывается и въ его характерѣ; онъ дѣлается такимъ же недругомъ и съ людьми. Звѣроловство есть зародышъ войны. Воинственный Вавилонъ пошелъ отъ Нимврода, ловца-исполина. Пастухъ напротивъ есть другъ животныхъ: его дружба со стадами переходитъ и на людей, и отзывается въ кротости его характера. Отсюда происходитъ его большая сообщительность. Пастухъ, какъ я сказалъ и прежде, безпечнѣе, досужѣе, независимѣе, чѣмъ земледѣлецъ. Досугъ его даетъ ему время на то, чтобы вести свои разсказы въ мирныхъ кущахъ. Независимость внушаетъ гордость и благородство, и онъ, по внутреннему побужденію этихъ чувствъ, желаетъ сохранить и память о себѣ и память о своихъ предкахъ.

Эту страсть къ разсказамъ мы видимъ въ кочевыхъ племенахъ Арабскихъ, которыя вели жизнь пастушескую. Эту любовь къ преданіямъ мы видимъ особенно въ народѣ Еврейскомъ. Нигдѣ память поколѣній не сохранилась такъ подробно и въ такомъ чистомъ историческомъ видѣ, какъ у Евреевъ. Это есть единственный въ мірѣ народъ, который посредствомъ исторической родословной ведетъ свое начало отъ одного человѣка и возводитъ эту родословную до человѣка первосозданнаго.

Это *преданіе* чистое, этотъ разсказъ изъ устъ въ уста, отъ праотцевъ къ отцамъ, сынамъ, внукамъ и правнукамъ, мнѣ кажется, имѣлъ начало въ мирныхъ кущахъ пастушескихъ. Вмѣстѣ со стадами, и память поколѣнія переходила къ другому поколѣнію. Здѣсь-то чистый источникъ этого простаго, священнаго эпоса Еврейскаго, который должно отличить отъ эпоса вымышленнаго, чудеснаго. Высокій образецъ его мы видимъ въ книгѣ Бытія. Сія-то Эпическая форма въ Поэзіи Еврейской истекла, какъ мнѣ кажется, изъ простыхъ преданій пастырскихъ, изъ пастушеской жизни Евреевъ.

Мнѣніе это доказывается еще и тѣмъ, что этотъ эпосъ первоначально весь совершается въ пастушескомъ мірѣ, какъ первоначальная жизнь самаго народа, когда онъ былъ еще семьею. Всѣ образы, всѣ событія этого эпоса чисто Историческаго происходятъ въ жизни пастырей.

Такъ пастушеская жизнь положила свою печать на первоначальной Поэзіи Евреевъ: изъ свѣтлаго, мирнаго источника этой жизни, она вытекаетъ простымъ, такимъ же свѣтлымъ, мирнымъ, чистымъ, безпримѣснымъ словомъ преданія. Здѣсь Поэзія есть вмѣстѣ и Исторія.

И въ другихъ отношеніяхъ, пастушеская жизнь означила свои слѣды на Еврейской Поэзіи. Большая часть сравненій и образовъ въ ней берется изъ сельскаго, но особенно изъ пастушескаго міра. Даже Пѣснь Пѣсней, пѣсня того Царя, при которомъ народъ пастырь образовалъ уже великолѣпное Царство и при которомъ жизнь пастушеская должна была выйти во-все изъ городовъ, коихъ великолѣпіе уже несогласно было съ ея простотою, даже пѣсня такого времени переноситъ насъ въ міръ пастушескій. «Возвѣсти ми (говоритъ прекрасная Суламитянка), его же возлюби душа моя, гдѣ пасеши, гдѣ почиваеши вполудни?»

Многіе символы Религіи и Поэзіи Еврейской берутся изъ пастушескаго міра. Эти образы міра кроткаго и простаго перешли даже въ Новый Завѣтъ. Ихъ же или подобные имъ, встрѣчаемъ мы и въ притчахъ Евангельскихъ, вѣроятно потому, что кротость и простота ихъ согласны съ духомъ ученія Евангельскаго. Пастырь и овцы — вотъ образъ всей человѣческой семьи, пасомой Богомъ. Наконецъ, самый высочайшій символъ Христіанской Религіи, Агнецъ заклан-

ный, свидѣтельствуетъ о пастушеском званіи того народа, въ которомъ благоволилъ явиться Искупитель рода человѣческаго.

Такъ пастушеская жизнь Еврейскаго народа была источникомъ первоначальной Поэзіи его и положила свой слѣдъ на самыхъ высочайшихъ Божественныхъ символахъ Религіи, изъ Іерусалима истедшей во все человѣчество.

Только два рода Поэзіи процвѣтали у Евреевъ: *эпическій* и *лирическій*. Къ нимъ можно прибавить еще *дидактическій*. Я уже показалъ вамъ, какимъ образомъ эпическій родъ имѣлъ начало свое въ пастушеской жизни Еврейскаго народа, въ пастырскихъ преданіяхъ. Замѣтьте также (я уже намѣкнулъ объ этомъ), что Эпическая Поэзія была самою первоначальною Поэзіею Евреевъ; а Лирическая, какъ мы видимъ, образовалась гораздо позднѣе. Замѣтьте также, что Эпосъ Евреевъ имѣетъ характеръ чистой, Божественной Исторіи. Это мы лучше увидимъ въ книгѣ Бытія.

Лирическая Поэзія родилась тогда, какъ народъ, освободившись отъ Фараона, почувствовалъ свою независимость и силу въ Богѣ. Гимнъ народный по переходѣ Чермнаго моря былъ блистательнымъ началомъ этой Поэзіи. Эпическая Поэзія разсказывала событія міра, че-

ловѣчества и Исторіи народной, какъ явленія слова Божія на землѣ, какъ символы или знаменія повсюднаго присутствія Бога;—Лирическая же Поэзія или стремилась выразить Его безконечность, или гремѣла о славѣ Его, или пѣла Ему благодарность. Слава народа Израильскаго выражалась въ гимнахъ, посвященныхъ Богу, и національная Поэзія у Евреевъ, прославлявшая ихъ подвиги, была Поэзіею Богохвалебною: ибо всѣ подвиги народа были чудеса руки Божіей. Такимъ образомъ, народность Еврейская исчезала въ чувствѣ любви и преданности къ Богу. Лирическая Поэзія созрѣла на гусляхъ Царя Псалмопѣвца.—При этомъ Царѣ, укротившемъ всѣхъ враговъ народа Израильскаго, уготовилось время мира, время созданія храма. Во всѣхъ народахъ, которые преимущественно развивали религіозное стремленіе, сіе послѣднее переходило наконецъ въ стремленіе художественное, почерпавшее свое начало изъ Религіи. Такимъ-то художественнымъ стремленіемъ отличалось блистательное царствованіе Соломона, уготованное отцомъ его Давидомъ. Благолѣпные псалмы Израилевы были готовы: надо было создать для нихъ достойный храмъ—и премудрый Царь воздвигъ этотъ храмъ;—и псалмы, исполненные Бога, огласили его позлащенныя стѣны. Такъ Лирическая Поэзія народа Еврейскаго созрѣла въ Поэзіи храма;—псалмы Давида и молитва Соломонова при освященіи сего храма—вотъ высшій цвѣтъ этой Поэзіи, какъ и всей Поэзіи Еврейской.

Художественное стремленіе Еврейскаго народа, истекая изъ чистаго источника Религіи, признававшей Бога живаго, но не стихійнаго, ограничилось только созданіемъ дома Господу, храма; ограничилось Зодчествомъ, Искусствомъ самымъ отвлеченнымъ, самымъ идеальнымъ изо всѣхъ искусствъ Образовательныхъ. Но даже и при созданіи этого храма, великій строитель сказалъ: «ежели небо и небо небеси не довлѣютъ Тебѣ, Господи, то гдѣ же храму, мною созданному, обнять Тебя безконечнаго?» —Такъ художество сознавало свою слабость предъ Религіею, но никогда это художественное стремленіе не простирало своей смѣлости до того, чтобы изобразить Бога безконечнаго какимъ нибудь кумиромъ. Храмъ Соломона былъ полонъ Бога, какъ небо и земля Имъ полны; но въ этомъ храмѣ не было Его образа чувственнаго.

Такъ и Поэзія ограничила свое стремленіе только хвалебною пѣснію Богу. Какъ изящное художество у Евреевъ не могло быть инымъ чѣмъ, какъ художествомъ храма: такъ и Поэзія, на высшей степени своего развитія, не могла имѣть другаго назначенія, какъ быть Поэзіею храма, слѣдовательно Поэзіею Лирическою.

Но потомъ, когда Цари и народъ стали отпадать отъ истинной Вѣры, эта Поэзія Лирическая, принявши тонъ угрозы, поученія, плача, страшныхъ видѣній, устами Пророковъ перешла изъ храма въ народъ и гремѣла въ уши его. Тогда приняла она тонъ поучительный,

тонъ послѣдней пѣсни Моисеевой, тогда какъ при Давидѣ и Соломонѣ она имѣла характеръ первой его пѣсни. Такъ Лирическая Поэзія изъ храмовой, торжественной, богохвалебной, сдѣлалась Поэзіею народною, поучительною, пророческою. Таковъ характеръ Поэзіи Пророковъ.

Драматическая же Поэзія, какъ преимущественно Поэзія человѣческая, какъ Поэзія, живущая въ мірѣ земномъ, въ мірѣ чувственномъ, никакъ не могла процвѣтать у Евреевъ.—Вы, можетъ быть, найдете нѣсколько эту стихію драматическую въ книгѣ Іова; но это потому, что здѣсь именно представленъ человѣкъ, борющійся со страданіями. Здѣсь даже есть и форма разговорная. Но эта драма безпрестанно разрѣшается въ Лиру; даже стоны и рыданія страдающаго человѣка переходятъ въ гимнъ о всемогуществѣ Божіемъ.

Такъ эпическій, лирическій и дидактическій родъ, къ коему относимъ Поэзію Пророковъ и нѣкоторыя произведенія Соломона, суть исключительные роды Поэзіи Еврейской.

Я разсматриваю съ вами одну поэтическую сторону Библейской Словесности, однѣ поэтическія ея стихіи; но я долженъ сказать вамъ о внутреннемъ содержаніи Библіи вообще: ибо отъ сего духа и содержанія поэтическіе роды и формы получаютъ особенное значеніе.

Слово есть выраженіе жизни, какъ мы сказали. Словесность человѣческая можетъ обнимать жизнь въ прошедшемъ и настоящемъ, ибо только этѣ стихіи жизни даны человѣку. Слово же Божіе обнимаетъ всю совокупность этой жизни, ибо вся жизнь у Бога: оно обнимаетъ и прошедшее, и настоящее, и будущее, весь кругъ временъ. Прошедшее выражается въ *Бытіи*, въ *Исторіи*; но Исторія здѣсь не есть дѣло рукъ и страстей человѣческихъ; нѣтъ, она есть собственность Божія, исполненіе Его мысли; *Исторія есть Божіе слово совершившееся*. Будущее выражается въ *видѣніи*, въ *пророчествѣ*; оно ясно для очей Божіихъ, но не можетъ быть ясно для каждаго смертнаго; слово человѣческое привыкло говорить только о томъ, что есть или было; оно всѣми своими звуками приковано къ настоящему или прошедшему; слѣдовательно оно не можетъ быть ясно, когда выражается въ немъ будущее; оно есть тогда вдохновенный таинственный лепетъ, который только Богу совершенно понятенъ. Вторая стихія — *Пророчество* есть *слово Божіе, имѣющее совершиться* — Наконецъ, какимъ же образомъ выразится *настоящее* въ словѣ Божіемъ? То, что мы называемъ здѣсь, у себя на землѣ, настоящимъ, т. е. своимъ собственнымъ, есть минутное, преходящее, какъ и мы сами; настоящее же у Бога, Его собственность, какъ Онъ, есть вѣчное. Наше настоящее выражается въ дѣлѣ, въ событіи, въ жизни: — и дѣло и событіе и жизнь, какъ и мы, преходятъ. Въ чемъ же должно выразиться настоящее у Бога, т. е. вѣчное? ибо вѣчное и настоящее у

Бога равны. Разумѣется, въ томъ, что не преходитъ. Что-же не преходитъ?—*Законъ* Бога и Его *Премудрость*. И такъ, если *Исторія* есть выраженіе прошедшаго въ словѣ Божіемъ, *слово Божіе совершившееся;* если *Пророчество* есть выраженіе будущаго въ словѣ Божіемъ, *слово имѣющее совершиться:* то *Законъ и Премудрость* Бога будутъ выраженіемъ настоящаго или вѣчнаго въ словѣ Божіемъ, т. е. будутъ *слово, непрерывно и вѣчно совершающееся.*

Заключимъ же: подобно какъ прошедшее, настоящее и будущее, весь кругъ временъ, весь кругъ жизни, объемлются вѣчностью Божіею: такъ Исторія, Пророчество и Законъ объемлются словомъ Божіимъ. Законъ изрекается или прямо отъ Бога въ видѣ повелѣній, какъ изрекался онъ чрезъ Моисея; или, нисходя къ нуждамъ народа и человѣка, онъ является въ видѣ житейскихъ правилъ, въ видѣ изреченій Божіей премудрости: такъ говорилъ Законъ позднѣе въ народѣ Израильскомъ устами Соломона и Іисуса сына Сирахова. Потому, къ симъ тремъ стихіямъ прибавляется еще четвертая, подъ именемъ *Премудрости.*

Сіи-то четыре стихіи, *Исторія, Пророчество, Законъ и Премудрость*, составляютъ внутреннее содержаніе, духъ Библейской Словесности, и всѣмъ поэтическимъ родамъ и формамъ сообщаютъ духовное божественное значеніе, и даютъ Поэзіи характеръ символиче-

скій. Всѣ Книги Библіи, судя по преимуществу какой нибудь стихіи, получають характеръ или историческій, или законодательный, или премудростный, или пророчественный. Иногда же сіи стихіи сливаются вмѣстѣ. Ветхій Завѣтъ начинаетъ словомъ Преданія, потомъ съ горы Синая говоритъ словомъ Закона, спустя долгое время изъ устъ Царя говоритъ словомъ Премудрости и кончаетъ таинственными глаголами Пророковъ.

Этимъ четыремъ стихіямъ соотвѣтствуютъ и четыре поэтическія формы, въ которыя каждая изъ нихъ преимущественно облекается. Слово Божіе не только не пренебрегло Поэзіею на свое служеніе, но даже всѣ свои четыре стихіи, все свое содержаніе, весь духъ свой выражало въ формахъ поэтическихъ. Только должно замѣтить, что этѣ формы никогда не первенствовали какъ формы, всегда подчинялись духу, и красота ихъ условливалась внутреннимъ ихъ значеніемъ.

Первая, самая простѣйшая поэтическая форма Библейскаго слова, есть *Изреченіе*. Она соотвѣтствуетъ стихіи *Закона*. Законъ принимаетъ на себя самую простую, самую первую, не украшенную форму слова человѣческаго. *Азъ есмь сый. Азъ есмь Господь Богъ твой:* вотъ самыя простыя, самыя первыя сказанія Бога человѣку. Всѣ Книги Законодательныя, т. е. Книги Моисеевы, писаны особенно сею формою простаго изреченія. Даже

въ исторической части его Пятикнижія видна эта форма. *И рече Богъ: да будетъ свѣтъ.* Все міротвореніе совершается посредствомъ такихъ изреченій, какъ бы изреченій Закона Божія: ибо міротвореніе есть исполненіе этого закона.

Такъ какъ законъ, положительными изреченіями вышедшій изъ устъ Моисея, впослѣдствіи перешелъ въ правила житейской опытной премудрости: то и форма изреченія перешла въ послѣдствіи въ округленную *пословицу* или *притчу*. Такимъ является изреченіе въ писаніяхъ Соломона и Іисуса сына Сирахова. Форма эта встрѣчается и въ Книгѣ Іова. Вездѣ, гдѣ Законъ Божій говоритъ устами премудрости житейской, человѣческой; вездѣ, гдѣ онъ выражаетъ правило жизни, извлеченное съ помощію Божіею изъ опыта; вездѣ, гдѣ Законъ переходитъ въ обычай народный: тамъ и строгая, простая форма его, имѣвшая сначала выраженіе положительной общей истины, принимаетъ живую, болѣе чувственную, болѣе осязательную форму поговорки народной. Такъ слово Божіе нисходитъ до слова народнаго, Законъ Его дѣлается обычаемъ живымъ, изреченіе Закона притчею, пословицей. Законъ Моисеевъ говоритъ: «не пріемли имени Господа Бога твоего всуе.»—Премудрость житейская, въ лицѣ Соломона, выражаетъ тоже притчею: «иже хранитъ своя уста и языкъ, соблюдаетъ отъ печали душу свою.» Здѣсь результатъ опыта, здѣсь оправданіе Закона. Да, пословица народная есть опы-

шомъ сдѣланное оправданіе Закона.—Моисей говоритъ: «не укради», даже «не пожелай чужаго богатства.» Соломонъ выражается притчею: «Лучше имя доброе, чѣмъ богатство многое. Богатый и нищій встрѣтили другъ друга: обоихъ Господь создалъ.» Моисей говоритъ: «чти отца твоего и матерь твою.» Соломонъ: «сынъ благоразумный послушливъ отцу, сынъ же непокорливый въ погибель».—Такъ изреченіе имѣетъ видъ истины общей, положительной, заданной задачи; притча, напротивъ, есть олицетвореніе этой истины въ частномъ примѣрѣ, есть замѣта опыта, памятная черта въ книгѣ жизни.

Третья форма Библейскаго слова, форма болѣе поэтическая, есть *Параллелизмъ* или *Соотвѣтствіе*. Эта форма гораздо сложнѣе, чѣмъ форма изреченія и изъ нея проистекаетъ. Она состоитъ изъ двухъ изреченій, какъ двухъ половинъ, въ которыхъ слова симметрично расположены другъ противъ друга; она есть взаимное созвучіе словъ между собою. Эта форма совершенно соотвѣтствуетъ Исторической стихіи Библіи, и совершенно выражаетъ духъ этой Исторіи, которая въ событіяхъ знаменуетъ исполненіе слова Божія. Сіе-то соотвѣтствіе между реченіемъ Божіимъ и событіемъ, его осуществляющимъ, соотвѣтствіе, составляющее главный характеръ Библейской Исторіи, превосходно выражается Соотвѣтствіемъ, параллелью самихъ словъ. Эту форму встрѣчаемъ мы на первой страницѣ Книги Бытія: вотъ самый высочайшій и про-

ептѣйшій образецъ ея: *И рече Богъ: да будетъ свѣтъ—и бысть свѣтъ.* Такъ во всей исторической части Библіи мы видимъ преимущественно эту форму,—и самая форма всей Исторіи Библейской есть эта форма, но только въ большемъ размѣрѣ, есть непрерывная параллель словъ Божіихъ съ соотвѣтствующими имъ событіями. *И рече Господь — и бысть тако:* вотъ общая формула сказаній Библейскихъ.

Никакая форма, съ такою простотою и силою, не выражаетъ могущества Божія, какъ этотъ параллелизмъ. Потому-то сія форма есть господствующая въ Еврейской Поэзіи; ибо она всѣхъ болѣе соотвѣтствуетъ той идеѣ, которую непрерывно стремится выразить Поэзія Еврейская. Эта форма встрѣчается особенно часто въ псалмахъ. Вотъ образцы ея.

Небо престолъ его—земля же подножіе ногу. Что̀ можетъ сильнѣе выразить безконечность Бога? Вотъ примѣръ изъ цѣлаго почти псалма. Замѣтьте дѣленіе стиховъ, которое я буду отмѣчать остановкою въ голосѣ, и замѣчайте симметрію въ количествѣ словъ той и другой половины стиха.

Посылаяй слово Свое земли,—до скорости течетъ слово Его.
Дающаго снѣгъ Свой яко волну,—мглу яко пепелъ посыпающаго.
Метающаго голоть Свой яко хлѣбы: — противу лица мраза Его кто постоитъ?
Послетъ слово Свое, и истаетъ я: — дхнетъ духъ Его — и потекутъ воды.

Этотъ параллелизмъ встрѣчается часто въ книгѣ Іова. Вотъ примѣръ изъ нея:

Премудрость же откуду обрѣтеся?—и кое мѣсто есть вѣдѣнія?
Не вѣсть человѣкъ пути ея,—ниже обрѣтеся въ человѣцѣхъ.
Бездна рече, нѣсть во мнѣ;—и море рече, нѣсть со мною.
Утаися отъ всякаго человѣка,—и отъ птицъ небесныхъ скрыся.
Пагуба и смерть рекоста:—слышахомъ ея славу.
Богъ благо позна ея путь:—Самъ бо вѣсть мѣсто ея.

Этихъ примѣровъ достаточно. Этотъ параллелизмъ принятъ нашею Церковію и выражается, при пѣніи стиховъ священныхъ, дѣленіемъ на двѣ половины; на пр. одинъ хоръ поетъ: «Се что́ добро или что̀ красно?» — другой отвѣчаетъ: «Но еже жити братіи вкупѣ.»

Гердеръ, столько изучавшій Поэзію Евреевъ, даетъ этой формѣ или фигурѣ поэтической самое обширное значеніе въ Еврейской Поэзіи. Въ ней выражается, по его словамъ, безпрестанная параллель неба и земли, и Поэзія Еврейская есть какъ-бы выраженіе непрерывнаго соотвѣтствія или созвучія между небомъ и землею. Сію то параллель Гердеръ видитъ въ картинѣ міросозданія: дни творенія представлены въ этой формѣ. Когда небо распростерто,—и земля явилась и украсилась; когда солнце и луна зажжены на небѣ,—тогда и земля заселяется животными. Эту же параллель неба и земли видитъ Гердеръ въ хвалебныхъ пѣсняхъ Богу, въ псалмахъ, въ книгѣ Іова и у Пророковъ. «Вонми, небо, и возглаголю, — и да

слышитъ земля глаголы устъ моихъ.» Такъ въ книгѣ Іова послѣ стиховъ: «или слѣдъ Господень обрящеши? или въ послѣдняя достиглъ еси, яже сотворилъ Вседержитель?» говорится: «Богъ выше неба: что̀ сотворишь?—Богъ глубже ада: что̀ ты узнаешь?»—Такъ этими внезапными перелетами мысли отъ земли къ небу и отъ неба къ землѣ, Поэзія Еврейская стремится выразить любимую идею свою о Богѣ безконечномъ,—и потому-то я сказалъ, что параллелизмъ есть высочайшая поэтическая форма для выраженія всемогущества Божія.

Наконецъ четвертая форма, соотвѣтствующая пророческой стихіи, есть форма болѣе обширная и самая сложная, коею заключилась Поэзія Еврейская: это есть *Видѣніе* или *Пророческій Символъ*. Характеръ видѣній совершенно соотвѣтствуетъ характеру самаго пророчества, характеру будущаго времени, которое имъ выражается. Оно, какъ и будущее, многосмысленно, темно, таинственно, исполнено предчувствія, предугаданія. Таковы всѣ образы Пророковъ. Сими-то символическими образами, сими-то чудесными видѣніями заключилась Поэзія Евреевъ и должна была ими заключиться: ибо слово Ветхаго Завѣта было словомъ пророчественнымъ. — Есть два рода символа: первый родъ его является тогда, когда еще идея не ясно, не очевидно предстоитъ уму; когда человѣкъ ее объемлетъ внутреннимъ предчувствіемъ, напряженнымъ прозрѣніемъ духа, — и потому выражаетъ эту идею въ неясномъ, таинственномъ образѣ.

Таковъ символъ въ Поэзіи пророчественной, въ Поэзіи будущаго. Онъ есть проблескъ мысли, разрѣзъ неба на мракѣ тучи, первый лучъ зари на тмѣ небосклона. — Символъ втораго рода есть видѣніе ясное, открытое, очевидный образъ, выражающій мысль уже сбывшуюся, словомъ—есть *Аллегорія*. Здѣсь образъ или видѣніе употребляется не для того, чтобы уловить мысль еще неоткрытую, неуловимую, въ какомъ нибудь видимомъ таинственномъ образѣ, но для того только, чтобы дать этой мысли форму, сдѣлать ее осязаемою, доступною для всѣхъ, общенародною, и начертать не въ одномъ умѣ, но и въ воображеніи человѣка. Какъ символъ перваго рода или символъ по преимуществу есть форма, господствующая въ Ветхомъ Завѣтѣ, ибо характеръ его есть болѣе пророчественный: такъ, напротивъ, Аллегорія составляетъ господствующую форму въ Новомъ Завѣтѣ: ибо Евангеліе есть уже ясное совершеніе, есть пророчество сбывшееся, есть символъ разгаданный, а не темное видѣніе Пророка. Отсюда проистекаетъ характеръ аллегоріи или притчи Евангельской: простота и ясность. Посему-то притчи или аллегоріи Евангельскія вошли въ Поэзію всѣхъ Христіанскихъ народовъ: онѣ слышны равно изъ устъ богослововъ, какъ и изъ устъ нищихъ. Хотя символъ есть господствующая форма въ Ветхомъ Завѣтѣ, аллегорія же, родная символу, господствуетъ въ Новомъ Завѣтѣ, но должно замѣтить, что и въ семъ послѣднемъ вы находите символъ въ Апокалипсисѣ, ибо Апокалипсисъ есть книга пророческая; равно

и аллегорія встрѣчается въ Ветхомъ Завѣтѣ въ видѣ сравненія. Таково, на примѣръ, сравненіе народа Израильскаго съ виноградомъ въ Псалмѣ: Пасый Израиля, вонми.

И такъ изреченіе, притча (та-же форма изреченія, но болѣе искусственная), параллелизмъ или соотвѣтствіе, и видѣніе, являющееся въ образѣ пророческаго символа и очевидной аллегоріи: вотъ всѣ формы Библейской Поэзіи. Главныхъ формъ собственно три: изреченіе, соотвѣтствіе и видѣніе. Онѣ относятся къ тремъ главнымъ стихіямъ содержанія или духа Еврейской Поэзіи: Закону, Исторіи и Пророчеству. Какъ Законъ переходитъ въ Премудрость, такъ изреченіе въ притчу или лучше, пословицу. Какъ Пророчество переходитъ въ исполненіе, въ совершеніе, такъ и символъ въ аллегорію. — Мы видимъ, что всѣ эти формы по духу получаютъ глубокое, Божественное значеніе, что онѣ не суть простыя формы Поэзіи, а формы знаменовательныя. Мы видимъ также, что эти формы не исключительно посвящаются на выраженіе той стихіи Библіи, отъ которой каждая изъ нихъ приняла начало, а точно также мѣшаются въ Библейскомъ словѣ, какъ и самыя стихіи, на которыя духъ этого слова разлагается.

Разобравши вообще роды Поэзіи Еврейской, внутреннее содержаніе всей Библейской Словесности, отъ коей

Поэзія принимаетъ свою знаменательность, и формы поэтическія, въ коихъ выражаются стихіи этого содержанія,—приступимъ теперь собственно къ изученію образцевъ Поэзіи въ томъ порядкѣ, какъ ихъ предлагаетъ намъ великая, священная *Книга*. Здѣсь я уже буду извлекать одну только поэтическую часть ея.

При разборѣ образцевъ Еврейской Поэзіи, прошу васъ помнить мудрое слово объ ней Гердера, посвятившаго ей самые ранніе годы своей ученой жизни. Онъ говоритъ: *Поэзія прочихъ народовъ есть ложь, вымыселъ, Миѳологія : Поэзія Евреевъ есть истина.* Не иначе, какъ проникнувшись этою мыслію, мы дерзаемъ раскрыть эту Книгу для того, чтобы наслаждаться духовными красотами ея поэзіи. И первый образецъ Библейскаго слова, Книга Бытія, намъ сей часъ же оправдываетъ ту мысль Гердера, съ какою мы принялись за великую Книгу. Имя этой книги : *Бытіе*, свидѣтельствуетъ вамъ, что это есть *Исторія*, *истина*; но всѣ образы этой Исторіи, всѣ эти событія суть вмѣстѣ высочайшіе поэтическіе образы. Такъ, Книга *Бытія*, сія первоначальная книга всего человѣчества, матерь всѣхъ книгъ, и именемъ своимъ и содержаніемъ свидѣтельствуетъ истину, что Исторія и Поэзія первоначально были одно и тоже: ибо сія Книга, представляя съ одной стороны рядъ истинныхъ событій изъ Исторіи міротворенія, первоначальнаго человѣчества и избранной Богомъ семьи, — раскрываетъ съ другой стороны самый изящный, простой,

поэтическій эпосъ, но не съ однимъ поэтическимъ, а съ глубокимъ Божественнымъ значеніемъ. Вотъ совершенный типъ первобытнаго Богословско-Историческаго эпоса, въ которомъ нѣтъ вымысла, а всякое событіе есть глубоко-знаменательная истина и есть изящно-поэтическій образъ.

Этотъ эпосъ, это Божественное слово, не основано на борьбѣ двухъ началъ, злаго и добраго, князя злыхъ духовъ съ княземъ добрыхъ, какъ основанъ на этомъ эпосъ Индійскій; здѣсь нѣтъ, какъ въ немъ, боговъ, пріявшихъ образъ нѣсколькихъ человѣковъ и животныхъ. Пружины этого эпоса также не суть боги, одушевленные страстями человѣческими, нисходящіе до людей, какъ въ эпосѣ Греческомъ. Нѣтъ,—главная основа, главная пружина, управляющая всѣми событіями этого простаго несложнаго эпоса, есть слово Божіе, воля Бога живаго и единаго. Этотъ эпосъ, какъ я сказалъ и прежде, есть единый гармоническій глаголъ Бога. Всякое событіе, начиная отъ явленія свѣта въ твореніи міра до прихода Іакова въ землю Египетскую, есть воплощеніе слова Божія. Сей характеръ различенъ и по всей Исторіи народа Израильскаго до самаго рожденія и смерти Искупителя. *И рече Богъ*—вотъ высочайшій историческій законъ сего Эпоса-Исторіи; вотъ великая вина или махина всѣхъ событій, въ немъ изображаемыхъ: это есть вмѣстѣ и высочайшая поэтическая форма. Богъ говоритъ во всѣхъ этихъ событіяхъ: вся эта Исторія есть непрерывная,

живая, дѣющаяся бесѣда Божія. Она есть замыселъ, планъ Божій, Его предвѣчное начертаніе: отъ того все имѣетъ въ ней характеръ необходимости, предопредѣленія; вездѣ перстъ Божій; вездѣ пишетъ эта рука, которую видѣлъ послѣдній Царь Вавилона. Отсюда-то всякое событіе этой Исторіи, какъ выраженіе слова Божія, получаетъ глубокое, всемірное значеніе, и кромѣ матеріальной стороны, какъ событія, представляетъ смыслъ таинственный, пророческій.

Форма сего Божественнаго Эпоса-Исторіи есть слово въ его первоначальной, образцовой простотѣ, сказаніе искреннее, нехитрое, вдохновенное Богомъ и потому всѣмъ понятное. Вся Книга Бытія есть высшій образецъ простоты сказанія, въ сравненіи съ которою и языкъ Гомера есть словоизвитіе; но въ этой самой Книгѣ Бытія первая глава о міротвореніи есть цвѣтъ этой простоты, недосягаемой никакому перу человѣческому. Здѣсь нѣтъ ни пышныхъ сравненій, ни блистательныхъ метафоръ: здѣсь слово нагое, не украшенное; оно чисто, какъ первый свѣтъ, какъ первая вода, какъ все первосозданное Богомъ. Слово этой первой главы, описывающей міросозданіе, есть, кажется, само слово первосозданное, слово, истекшее устами человѣческими изъ устъ Божіихъ.

Сей Богодухновенный эпосъ Бытія, сей высочайшій первородный типъ, на которомъ, кромѣ перста Моисе-

ева, напечатлѣнъ и перстъ Божій, соотвѣтствуетъ самой первобытной эпохѣ жизни всего человѣчества, эпохѣ семейной, патріархальной, и жизни пастушеской. И такъ, въ нашей галлереѣ, съ которою, если вы припомните, я сравнилъ Исторію Поэзіи, противъ храма, который воздвигли бы мы для этого Божія слова, для Книги Бытія, слѣдовало бы намъ расположить картину жизни перваго человѣчества, въ глубинѣ которой мы видѣли бы міротвореніе.

На этой картинѣ мы замѣтили бы, какъ изъ первыхъ семей человѣчества выходитъ семья пастырей. Всѣ событія этой жизни основаны на пастушеской стихіи. Человѣкъ еще въ Раю является пастыремъ животныхъ, и впервые слово свое употребляетъ на ихъ наименованіе. Любимый сынъ Адама—пастырь овецъ. Ной въ своемъ ковчегѣ, какъ Адамъ въ Раю, есть также пастырь и сохранитель животныхъ. У Исаака два сына: старшій звѣроловецъ, но любимый младшій, получающій благословеніе отца,—пастухъ. Споры Іакова съ Исавомъ, Іакова съ Лаваномъ совершаются о стадахъ. Со стадами переселяются праотцы изъ земли въ землю. Наконецъ вся трогательная Исторія Іосифа основана на подробностяхъ пастушеской жизни. По цѣлости, по соотвѣтствію всѣхъ событій этого пастушескаго міра, по подробностямъ его обычаевъ, нравовъ, видно, что этотъ міръ дѣйствительно былъ таковъ, какъ онъ тутъ описанъ.

Какъ велики и возвышенны всѣ образы этого міра! Паденіе человѣка какое имѣетъ глубокое значеніе! Братоубійство — продолженіе этого паденія. Каинъ-самость человѣческая; Авель — преданность Богу, убитая ею и воскресшая въ Сынѣ! Какъ страшно это проклятіе надъ Каиномъ: «Ты проклятъ еси на земли, иже разверзла уста своя пріяти кровь брата твоего отъ руки твоея: стеня и трясыйся будеши на земли.» Каину нѣтъ и въ смерти утѣшенія: на челѣ его знаменіе, спасающее братоубійцу отъ чужой руки. — А этотъ потопъ! Этотъ ковчегъ, этотъ малый запасный міръ, подъ хранительною десницею Бога носящійся съ семьею человѣческою по землѣ, которая превратилась въ океанъ! А эта чистая голубица, *не нашедшая покоя ногамъ своимъ* и возвратившаяся въ ковчегъ! И другая, приносящая вѣтвь маслины, вѣтвь надежды усталому на водахъ человѣчеству! А эти отходящіе Патріархи, и благословенія ихъ изъ рода въ родъ! А исторія Іосифа! Всѣ эти событія, по простому своему значенію, по истинѣ своей, сдѣлались общимъ достояніемъ почти всего человѣчества. Мы въ дѣтствѣ ихъ понимаемъ: наши дѣтскія воспоминанія съ ними связаны, какъ воспоминанія того дѣтства въ жизни всего человѣчества, которое онѣ представляютъ. Но чтобы постигнуть достойно ихъ высокое значеніе, нужно возвратить въ мудромъ возрастѣ простоту свѣтлаго младенчества! — Недаромъ всѣ эти событія были любимымъ источникомъ Поэзіи и Художества Христіанскаго въ его лучшія и геніальныя ми-

нушы. Не даромъ перешли они въ простонародныя легенды у всѣхъ Христіанскихъ народовъ!

Вся историческая стихія Библіи сохраняетъ тотъ же характеръ Эпоса, какой мы выше означили. Ту-же стихію видимъ мы и въ Книгѣ Исхода. Прочія же Книги Моисеевы имѣютъ характеръ законодательный.

Въ Книгѣ Исхода находимъ мы первую пѣснь лирическую, первое чадо высокой Еврейской Лиры. Освободился Израиль отъ Фараона, канувшаго какъ олово на дно Чермнаго моря. Первое чувство независимости было источникомъ сильной народной пѣсни; на берегу Чермнаго моря, объ который бились трупы Египтянъ-гонителей, воспѣлъ Моисей пѣснь, и за нимъ весь народъ, и Маріамъ Пророчица взяла тимпанъ, и за нею пошли жены съ тимпанами. Въ какомъ пышномъ народномъ торжествѣ родилась пѣснь Еврейская! Но это чувство народной независимости въ чемъ выразилось? Въ чувствѣ преданности и благодарности Богу: «Поимъ Господеви, славно бо прославися: коня и всадника вверже въ море.» Я не привожу вамъ всей этой пѣсни, потому что она вамъ слишкомъ извѣстна какъ въ подлинникѣ, такъ и въ прекрасномъ преложеніи Поэта и Ученаго, который въ этихъ же стѣнахъ бесѣдовалъ о Священной Поэзіи съ поколѣніями, вамъ предшествовавшими. Я замѣчу только, что въ этой пѣсни вы не найдете чувства гордости народной: народъ не хвалится подвигомъ освобожденія;

онъ отказывается отъ него; онъ всю славу отдаетъ Богу; онъ хвалится тѣмъ только, что онъ любимъ Богомъ, что онъ есть орудіе славы Божіей.

Этотъ главный характеръ первой Еврейской пѣсни, слитіе чувства народности съ чувствомъ славы Божіей, отразился потомъ во всѣхъ звукахъ Еврейской торжественной Лиры, во всѣхъ побѣдныхъ одахъ, и наконецъ отозвался и на гусляхъ Царя—Псалмопѣвца.

Великій Законодатель не пренебрегалъ пѣснію. Кромѣ пѣсни побѣдной, онъ оставилъ еще другую, о которой я уже вамъ говорилъ, пѣснь Господня и своего завѣта.

Богъ, передъ смертію Моисея, повелѣваетъ ему и наслѣднику его, Іисусу Навину, стать передъ дверьми Скиніи Свидѣнія, является Самъ въ облачномъ столпѣ, и говоритъ Моисею: «Когда ты почіешь съ отцами твоими, этотъ народъ пойдетъ въ слѣдъ боговъ чуждыхъ, боговъ той земли, куда Я введу его, и разоритъ завѣтъ Мой. Тогда я наведу на него бѣдствія. Напишите же слова Моей пѣсни; научите ей сыны Израилевы, и вложите ее во уста ихъ: да будетъ Мнѣ пѣснь сія во свидѣтельство въ сынахъ Израилевыхъ. Когда постигнутъ ихъ многія бѣдствія и скорби, да станетъ пѣснь сія предъ лице ихъ, какъ Моя укоризна, какъ Мое свидѣтельство: ея не забудутъ уста ихъ и уста сѣмени ихъ.» Такова сила пѣсни, внушенной народу Бо-

гомъ: вошедши въ уста народа, она уже не исходитъ изъ нихъ. Ея не льзя умертвить: Самъ Богъ сказалъ это Законодателю. Моисей отдалъ книгу закона на храненіе Левитамъ, но пѣснь завѣта вложилъ въ уста народу. «И написа Моисей пѣснь сію въ той день, и научи ей сыны Израилевы. И глагола Моисей во ушеса всего сонма Израилева словеса пѣсни сея даже до конца.» Я вамъ предлагаю ее въ сокращеніи и совѣтую преложить тѣмъ изъ васъ, которые владѣютъ стихомъ Русскимъ.

«Вонми небо, и возглаголю, и да слышитъ земля глаголы устъ моихъ. Да льются слова мои, какъ дождь; да каплютъ глаголы мои, какъ роса, какъ ливень на слабую зелень. Я призвалъ имя Господне: и вы воздайте величіе Богу вашему. Богъ твердъ; истинны дѣла Его, пути Его и судъ; Богъ вѣренъ, въ Немъ нѣтъ неправды. Они согрѣшили: они уже не Его чада; они — родъ строптивый и развращенный. Это ли ты воздалъ Господу, народъ буйный и немудрый? Не Самъ ли Отецъ твой стяжалъ тебя, сотворилъ тебя? Помяните вѣки древніе; уразумѣйте лѣта поколѣній вашихъ; спроси отца твоего, и возвѣститъ тебѣ; спроси старцевъ: они рекутъ. Когда Вышній, разсѣявъ сыновъ Адамовыхъ, раздѣлялъ народы, Онъ поставилъ предѣлы народовъ по числу Ангеловъ Своихъ, и часть Господня былъ Іаковъ; Онъ нашелъ его въ пустынѣ, Онъ утолилъ его жажду въ знoѣ и въ безводіи; Онъ водилъ его, сохранилъ какъ зѣницу ока. Какъ орелъ, покрылъ гнѣздо Свое и пожалѣлъ о птен-

цахъ Своихъ ; Онъ простеръ Свои крылья и принялъ на нихъ птенцовъ, и научилъ ихъ летать въ небеса. Господь одинъ водилъ ихъ, и не было съ ними Бога чужаго. Онъ привелъ ихъ на пиръ земли богатой: они сосали медъ изъ камня; елей точился имъ изъ скалы; они питались масломъ кравіимъ, млекомъ овчимъ, тукомъ агнцевъ и овновъ, житомъ пшеничнымъ; они запивали все это кровью гроздія, виномъ. И насытился Іаковъ, и утолстѣлъ, расширѣлъ. И оставилъ Бога, Который сотворилъ его, родилъ и питалъ, и поклонился богамъ новымъ, богамъ чуждымъ. И возревновалъ Господь, и сказалъ: отвращу же лице Мое отъ нихъ; они замѣнили Меня, Бога своего, идоломъ: поставлю-жъ и Я на мѣсто ихъ, на мѣсто любви Моей, народъ неразумный. Отъ ярости Моей загорится огнь и разгорится до ада преисподняго. Соберу все злое на нихъ — и всѣ стрѣлы мои скончаю въ нихъ. Пошлю на нихъ гладъ и на трупы ихъ птицъ плотоядныхъ: пошлю на нихъ зубы звѣрей, ядъ пресмыкающихся по землѣ. Извнѣ обезчадитъ ихъ мечъ, внутри страхъ: юноша погибнетъ съ дѣвою, младенецъ вмѣстѣ съ старцемъ. Уничтожу ихъ и изгоню память о нихъ изъ человѣковъ.»

Здѣсь умягчается гнѣвъ Бога на народъ: Онъ удерживаетъ ярость Свою для того только, чтобы народы иноплеменные не возгордились и не сказали, что ихъ рука высока, а не Господня. Здѣсь Его гнѣвъ обращается на враговъ Его, на народовъ языческихъ: «Придетъ день ме-

сти Божіей; Господь умилостивится надъ народомъ Своимъ; когда увидитъ его разслабленнымъ, изнеможеннымъ, тогда обратитъ Онъ ярость Свою на враговъ его.» Гнѣвенъ былъ Богъ на Свой народъ, Его покинувшій; но ужаснѣе гнѣвъ Его на враговъ Его народа. «Я наострю мечъ Свой, какъ молнію, говоритъ Онъ; рука Моя возметъ судъ; Я отмщу Моимъ ненавистникамъ; Я упою стрѣлы ихъ кровію; мечъ Мой пожретъ ихъ тѣло; будетъ пить кровь раненыхъ и плѣненныхъ, будетъ пировать на главахъ Князей языческихъ. Возвеселитесь съ Нимъ, небеса; да поклонятся ему всѣ Ангелы Божіи; возвеселитесь, народы, съ Его народомъ; да укрѣпятся за Нимъ всѣ; да будутъ Его сынами: ибо Онъ отмщаетъ кровь сыновъ Своихъ. Онъ очиститъ землю для Своего возлюбленнаго народа.»

Такъ пѣснь, гремящая гнѣвомъ Бога въ началѣ, кончается словомъ милости и утѣшенія, и внушивъ сначала страхъ, смиряетъ его потомъ надеждою; и подъ конецъ пѣсни, народъ, сначала устрашенный, ободряется, когда чувствуетъ, что его Богъ есть первый врагъ его враговъ; что карающій мечъ Бога—въ рукахъ у Его возлюбленнаго народа.

Этѣ двѣ пѣсни, начальныя пѣсни Еврейской Лиры, написанныя великимъ Законодателемъ и Поэтомъ, дали, каждая по духу своему, двоякое направленіе всей Еврейской Лирикѣ. Отъ первой побѣдной пѣсни Моисея ве-

детъ свое начало вся торжественная, побѣдная и наконецъ храмовая Лирика Евреевъ, одушевленная славою имени Божія. Отъ послѣдней пѣсни завѣта Моисеева ведетъ свое начало Лирика народная, поучительная, Лирика Пророковъ. Она имѣетъ тотъ же характеръ укоровъ, напоминаній о благодѣяніяхъ Божіихъ, гнѣва Господня и наконецъ милости. Лира Еврейская или пѣла славу Божію и народную вмѣстѣ; или гремѣла гнѣвомъ Божіимъ на народъ. Такое двоякое направленіе далъ сей Лирѣ еще самъ Законодатель-Поэтъ, и отъ его-то двухъ пѣсень потекли два потока этой Поэзіи: одинъ—мирный потокъ воды, спокойно отражающій въ себѣ небо славы Божіей; другой—потокъ огня, горящій яростью карающаго и мстящаго Бога.

ЧТЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Книга Іова — Историческія о ней свѣдѣнія. — Мнѣніе 70 Толковниковъ. — Мнѣніе Гердера. — Древность книги. — Мысль произведенія. — Поэтическое исполненіе мысли — Содержаніе. — Богатство Іова. — Замыселъ въ небесахъ. — Несчастія Іова — Прибытіе друзей. — Прѣнія съ друзьями. — Рѣчь младшаго изъ друзей — Гласъ Бога изъ тучи. — Картины міротворенія. — Оправданіе Іова. — Это произведеніе представляетъ Судъ Божій. — Связь идеи произведенія со всею Поэзіею Еврейскою.

Отъ Пятикнижія Моисеева перехожу къ разбору Книги Іова, которая, по свидѣтельству многихъ Ученыхъ, еще древнѣе писаній великаго Законодателя. Нѣкоторые же приписываютъ эту Книгу самому Моисею, утверждая, что онъ написалъ ее, когда былъ еще у тестя своего Іофора. Другіе говорятъ, что онъ перевелъ тогда ее съ Арабскаго. Гердеръ не держится этого мнѣнія, основываясь на томъ, что наружный ея характеръ, описанія, мѣстность, стиль, поэзія, ни сколько не согласуются съ прочими твореніями Моисея. Кромѣ того Гердеръ основываетъ мнѣніе свое и на томъ, что не въ характерѣ Моисеева ученія было заимствовать книги и понятія у народовъ чуждыхъ. Съ другой стороны,

понятія этой Книги нисколько не противорѣчатъ понятіямъ Пятикнижія, а напротивъ совершенно согласны съ ними.

Во Введеніи къ этой Книгѣ, помѣщенномъ при переводѣ 70 Толковниковъ, сказано: «Книга Іова переведена съ Сирійскаго. Іовъ жилъ въ странѣ Авситисіи (Авситидійской), лежащей на границахъ Идумеи и Аравіи. Онъ былъ изъ дѣтей Исавовыхъ, пятый отъ Авраама, Царь Эдома, наслѣдовавшій Валаку, сыну Веорову. Всѣ друзья, пришедшіе къ Іову, суть Цари странъ, сосѣдственныхъ Идумеѣ.»

Гердеръ соглашается со всѣмъ этимъ; но думаетъ, что Книга Іова написана прямо на Еврейскомъ языкѣ, и не есть переводъ: ибо онъ не находитъ никакихъ основательныхъ причинъ думать, чтобы она была переводомъ. Написана же она, по его мнѣнію, въ Идумеѣ, въ странѣ, лежавшей на границахъ Аравіи. Вся природа, вся мѣстность, столь подробно изображаемая въ этой Книгѣ, описаніе животныхъ: льва, коня, дикаго осла, страуса, этѣ огромныя пустыни, безводные ручьи, караваны, разбойничьи шайки, жители пещеръ, наконецъ всѣ нравы и обычаи, ни слова о законахъ Моисеевыхъ, Іовъ, этотъ Эмиръ Востока: все показываетъ, что Книга эта есть произведеніе Идумеи, страны, прилежавшей къ Аравіи и имѣвшей съ нею одинъ характеръ. Въ этомъ мнѣніи Гердеръ согласенъ со Введеніемъ 70 Толковни-

ковъ. Чтò же касается до нѣкоторыхъ намѣковъ на Египетскую природу, на Нилъ; чтò касается до упоминанія крокодила и наконецъ до описанія бегемота, который, по мнѣнію Гердера, есть гиппопотамъ, и левіаѳана: то все это есть примѣсь разсказовъ иноземныхъ. Эти намѣки на Египетскую природу заставили думать нѣкоторыхъ Ученыхъ, на пр: Гоге, что Моисей перевелъ эту Книгу съ Сирійскаго языка, но сдѣлалъ къ ней собственныя прибавленія, взятыя изъ жизни Египетской.

Гердеръ, отвергая это мнѣніе, думаетъ даже, что эта Книга перенесена въ Іудею не прежде Царя Давида и имъ самимъ. Онъ основывается на томъ, что Эдомляне не пропустили черезъ свою страну Моисея съ народомъ во время ихъ странствованія; а Царь Давидъ покорилъ Эдомъ. Это мнѣніе подтверждаетъ Гердеръ еще тѣмъ, что въ Псалмахъ Давида есть многія мѣста, схожія съ мѣстами Книги Іова.

Но всѣ Ученые, не смотря на разногласіе своихъ мнѣній о мѣстѣ сочиненія этой Книги, о творцѣ ея, о языкѣ, на которомъ она писана, о времени принятія ея въ число священныхъ книгъ Іудеи, всѣ единогласно утверждаютъ ея древность. Гердеръ говоритъ о ней: «Это голосъ, доносящійся къ намъ отъ трехъ или четырехъ тысящелѣтій.» При одной этой мысли, съ какимъ благоговѣніемъ мы должны вникать въ эту Книгу! Но каково будетъ наше изумленіе и благоговѣніе тогда, ког-

да въ этомъ голосѣ, гремящемъ къ намъ изъ-за сорока столѣтій, мы откроемъ высочайшее знаніе жизни, самый вѣрный взглядъ на природу и созданіе, словомъ, когда увидимъ въ ней разгадку самой мудреной и сокровенной тайны — тайны жизни нашей.

Мысль, одушевляющая Книгу Іова, есть всемогущество Божіе, ничтожность человѣка самаго праведнаго, самаго благочестиваго, передъ Богомъ, и правосудіе Бога, оправданное опытомъ. Эта мысль олицетворена самымъ ощутительнымъ, разговорнымъ образомъ въ жизни человѣка. Этотъ человѣкъ есть Іовъ. Въ немъ двѣ стихіи: онъ есть воплощенное страданіе, слезы и бренность человѣческая; онъ же — эта высокая преданность Богу, та-же преданность, которая одушевляла Авраама во время принесенія въ жертву Исаака. Этотъ Іовъ, лишившись всего, ему принадлежавшаго, какъ человѣкъ, растерзалъ свои ризы, остригъ власы, посыпалъ перстію главу свою; но этотъ же Іовъ сказалъ: «самъ нагой вышелъ я изъ чрева моей матери, нагимъ и отыду отъ свѣта: Господь далъ, Господь отнялъ.»—Этимъ-то чувствомъ преданности къ Богу Книга Іова получила характеръ національный въ Еврейскомъ народѣ, у котораго воспиталась мысль о единомъ истинномъ Богѣ и въ чистой самоотвергающейся преданности къ Нему заключалось высшее чувство народной самобытности.

Но эта мысль о Богѣ, эта преданность Ему не убиваютъ въ Іовѣ человѣчества; нѣтъ — мы видимъ въ немъ

человѣка, который страдаетъ, стонетъ, ропщетъ, проклинаетъ; мы видимъ бездну скорби. Если-бы намъ представлена была въ немъ одна отвлеченная мысль, мы не приняли бы въ Іовѣ человѣческаго участія; мы не раздѣлили бы съ нимъ его страданій. Нѣтъ, Іовъ — человѣкъ, какъ мы всѣ: таже страждущая плоть; это наши слезы, наши вопли, отзывы всей души нашей; но изъ глубины этихъ стоновъ и воплей постоянно звучитъ звукъ, который не во всякомъ изъ насъ есть, звукъ молитвы и преданности, гимнъ вѣры, подъ конецъ оправданной самимъ Богомъ. Тѣмъ-то сильнѣе и дѣйствуетъ этотъ звукъ на нашу душу, что онъ доходитъ къ намъ черезъ эти стоны и вопли человѣческіе, для насъ болѣе понятные и близкіе. Книга Іова есть книга нашей собственной жизни, расчерпнутой въ самой глубинѣ ея, въ глубинѣ страданія. Вникнемъ въ содержаніе Книги, и усмотримъ это на дѣлѣ.

Предупреждаю васъ, что я буду руководствоваться въ мѣстахъ неясныхъ нашего перевода Французскимъ переводомъ и отрывками Гердера, который переводилъ прямо съ Еврейскаго.

Іовъ былъ непороченъ, праведенъ, богочестивъ, богатъ, счастливый супругъ, отецъ семи сыновей и трехъ дочерей прекрасныхъ. Овецъ у него было 7000, верблюдовъ 3000, паръ воловъ 500, ослицъ пасомыхъ 500, и множество слугъ. Какое богатство Царя-пастыря! Пу-

ши его обливались масломъ кравіимъ; стада его полива-ли горы млекомъ своимъ. А какъ уважался онъ въ городѣ, гдѣ жилъ! Когда выходилъ онъ на площадь городскую,—юноши скрывались, старѣйшины вставали передъ нимъ, вельможи умолкали, возложивъ перстъ на уста. Іовъ облекался въ правду, одѣвался въ судъ, какъ въ ризу. Онъ былъ око — слѣпымъ, нога — хромымъ. Старѣйшины ожидали его слова, какъ земля жаждетъ дождевыхъ капель.

Дьяволъ, обтекши поднебесную, замѣтилъ этого счастливца. Когда вмѣстѣ съ чистыми Ангелами Божіими пришелъ онъ къ престолу Господа отдать отчетъ въ своихъ странствіяхъ, Господь спросилъ его объ Іовѣ (внялъ ли еси мыслію своею на раба Моего Іова?): вотъ человѣкъ истинный, непорочный на землѣ. Дьяволъ отвѣчалъ, что Іовъ не даромъ чтитъ Господа, потому что получилъ отъ Него столько милостей. Отними у него богатство — и увидишь, будетъ ли онъ вѣренъ Тебѣ?— Господь позволяетъ дьяволу лишить Іова всего, но только не трогать его самаго. Бѣда за бѣдою сыплется на Іова; вѣстникъ за вѣстникомъ доноситъ ему о потерѣ всѣхъ стадъ, всѣхъ рабовъ, наконецъ дѣтей—и Іовъ даже не возроптал: оправдалось слово Божіе. Дьяволъ говоритъ: человѣкъ все отдаетъ за жизнь свою; но позволь коснуться его самаго, костей и плоти: тогда увидишь. И Богъ позволилъ дьяволу коснуться его тѣла; но велѣлъ пощадить его жизнь.

И этотъ Іовъ — слава своего города, Іовъ, котораго дверь была всегда отверста приходившему, этотъ Іовъ теперь безъ дома, безъ имущества, вмѣсто ризы покрытый струпьями, сидитъ, какъ живая рана, внѣ города, на мѣстѣ нечистомъ. Онъ сдѣлался притчею въ народѣ, гуслями ему. Господь взялъ его, и оборвалъ за власы, и поставилъ какъ примѣту. Іовъ скисся въ болѣзняхъ. Внутренность его сгорѣла отъ плача; вѣчно каплетъ око его. Онъ назвалъ смерть матерью своею, гной братомъ и сестрою. Гусли Іова обратились въ плачь, — пѣсня жизни — въ рыданіе.

И жена его пришла къ нему, и побуждаетъ его произнести проклятіе на Бога и тѣмъ прекратить свою жизнь. Но Іовъ твердъ; онъ отвѣчалъ женѣ: что̀ ты говоришь, безумная? Если благое мы приняли отъ Господа, — уже-ли злаго не стерпимъ?

Услышавъ о несчастіяхъ Іова, пришли къ нему друзья его Цари: Элифазъ, Царь Ѳеманскій, Валдадъ, Царь Савхейскій, и Софаръ, Царь Минейскій. Они сначала не узнали друга, потомъ ужаснулись и растерзали ризы отъ горести. Сидѣли они при немъ семь дней и семь ночей, и никто изъ нихъ не сказалъ Іову слова утѣшительнаго. Тогда нашла на страдающаго минута слабости: онъ проклялъ день и ночь своего рожденія. «Эта ночь да будетъ тьмою вѣчною, да померкнутъ ея звѣзды, да не будетъ ей разсвѣта, да не увидитъ она солн-

ца, за то, что не затворила лона матери моей: тѣмъ отняла бы она болѣзнь отъ очей моихъ.» — Іовъ ищетъ гроба, и не улучаетъ: «Смерть покой мужу болящему. Къ чему свѣтъ живущимъ въ горести? Къ чему жизнь недужнымъ? Смерть все равняетъ: тамъ равны и малый и великій, тамъ и рабъ не боится господина.»

Еще горше становится Іову бремя его страданій, когда воспоминаетъ онъ, что былъ праведенъ, что ничѣмъ не заслужилъ гнѣва Господня. Но не смотря на эти страданія, не смотря на невольные вопли души, онъ и въ терзаніяхъ болѣзни восклицаетъ: «живъ Господь, иже сице ми суди, и Вседержитель, иже огорчи ми душу.» Какъ велико это восклицаніе въ живомъ мертвецѣ, въ которомъ умерло все, кромѣ страданія и Бога: онъ стонетъ, терзается—и, рыдая, вскрикиваетъ: «живъ Господь!»

Друзья укоряютъ его въ стенаціяхъ; вмѣсто утѣшенія, говорятъ ему: «есть ли гдѣ чистый передъ Господомъ? гдѣ мужъ безъ порока? звѣзды нечисты передъ Господомъ, тѣмъ паче человѣкъ гной и сынъ человѣческій червь. И тебѣ Господь наслалъ все это, вѣрно, за нечестіе и беззаконіе. Богъ всемогущъ; а мы что? вчерашни есмы. Житіе наше—тѣнь на землѣ; отцы этому насъ научаютъ словомъ, и изъ сердца ихъ течетъ это слово. Ты хочешь умереть, но что значитъ жизнь одного человѣка передъ Господомъ? Коль ты умрешь, не населена

ли будетъ поднебесная? Вѣдь не совратятся же горы съ основаній.» Такъ, друзья, вмѣсто словъ отрады, повторяютъ Іову все то, что онъ и самъ лучше ихъ знаетъ. Но наконецъ заключаютъ слова надеждою на будущее, особенно первый изъ друзей, Элифазъ, самый снисходительный. Онъ говоритъ: «Ты умрешь въ мирѣ; ты снидешь во гробъ какъ пшеница созрѣлая, пожатая во время.»

Іовъ отвѣчаетъ друзьямъ: «Слышалъ я много всего этого! Ахъ, если-бы ваша душа была на мѣстѣ моей: и я наскочилъ бы на васъ словами; теперь же отъ немощи покиваю главою. Знаю все, что вы знаете; знаю болѣе васъ: и у меня тотъ же разумъ, но у меня сверхъ того и страданіе; вы врачи неправедные, злые цѣлители: лучше бы вамъ онѣмѣть: молчаніе было бы вашею мудростію. Нѣтъ ничего отъ васъ, что бы меня успокоило. Вы на меня клевещете безъ стыда, налягаете на меня. Зачѣмъ же, зачѣмъ притрудну творите душу мою и низлагаете меня словами? Если-бы вы извѣсили мои болѣзни: онѣ тяжелѣ песка морскаго. Вамъ думается, что рѣчи мои злыя, что онѣ отъ ропота происходятъ: стрѣлы Господни во мнѣ, ихъ ярость испиваетъ кровь мою; начну говорить—и онѣ бодутъ меня. Развѣ дикій оселъ ревётъ даромъ? Онъ реветъ, когда голоденъ. Такъ и душа моя вопитъ противъ меня; она не въ силахъ утишиться. Уразумѣйте, что вѣдь Господь Самъ на меня послалъ все это. Усну ли я,—говорю: когда день? Встану ли,—го-

ворю: когда вечеръ? Такъ тяжела мнѣ жизнь. Но пусть Господь уязвляетъ меня, если началъ, только да не убьетъ до конца. Богъ растерзалъ меня окрестъ: Онъ снялъ вѣнецъ съ главы моей; всѣ меня покинули, всѣ, кого любилъ я; сосѣдямъ я, какъ иноплеменникъ; звалъ я раба своего—и тотъ не пошелъ ко мнѣ. Всѣ возгнушались меня. Въ кожѣ сгнила вся моя плоть; кости мои—только въ зубахъ.—И вы на меня, о други! помилуйте, помилуйте! Рука Господня меня коснулась: почто же и вы меня гоните, какъ Господь? Не смѣйтесь надо мною, не довершайте казни Божіей. Убойтесь и вы меча Господня: ярость найдетъ на беззаконныхъ.»

Друзья все говорятъ Іову о нечестивыхъ, о томъ, какія казни посылаетъ на нихъ Господь. Богъ всемогущъ—и крѣпость Свою являетъ въ пораженіи нечестивыхъ болѣзнями. Какая насмѣшка надъ Іовомъ!

«О послушайте, послушайте меня»—отвѣчаетъ страдалецъ—«не утѣшайте меня такимъ образомъ. Нечестивые живутъ и вѣтшаютъ въ богатствѣ; ихъ домы обильны; они не знаютъ страха; ранъ отъ Господа нѣтъ на нихъ; дѣти ихъ пляшутъ и поютъ передъ ними; стада ихъ всегда плодятся счастливо. Однако я знаю, что ихъ свѣтильникъ угаснетъ, что не вѣкъ имъ веселиться; на день пагубы соблюдается нечестивый. Знаю и то, что живъ Господь, пославшій на меня кары, живъ Тотъ, Который придетъ искупить меня, и уповаю. Знаю Его

всемогущество лучше васъ: Онъ глаголетъ солнцу — и не восходитъ; Онъ печатаетъ звѣзды; Онъ сажаетъ Царей на престолы и поясомъ обвязуетъ ихъ чресла. Коль Онъ возметъ, кто возвратитъ? Коль Онъ низложитъ, кто созиждетъ? Коль Онъ затворитъ, кто отверзетъ?»

Такъ Іовъ споритъ непрерывно съ своими друзьями. Друзья говорятъ много прекраснаго; но ихъ слова холодны, какъ слова теоріи; они кажутся общими мѣстами въ сравненіи съ словами Іова, которыя горятъ всею жизнію скорби. Онъ выстрадалъ поэзію словъ своихъ: *стрѣлы Господни говорять въ немъ.* — Изображаетъ ли онъ премудрость Божію — его рѣчи несравненно выше, чѣмъ рѣчи друзей его: они не страдали, а Іовъ узналъ Бога въ страданіи.

Наконецъ, раздраженный недугомъ и рѣчами друзей, которые потомъ уже стали оскорблять его сомнѣніями въ его непорочности и праведности, Іовъ изливается потокомъ, и ужь не даетъ друзьямъ своимъ говорить. *Духъ его воскипѣлъ и не умолкитъ.*

«Кому ты помогаешь?» отвѣчаетъ Іовъ послѣднему изъ говорившихъ друзей, который принялъ на себя дерзкое право защищать судъ Божій передъ лицемъ страдальца, имъ постигнутаго. «Кому ты помогаешь?» говоритъ Іовъ, «Тому ли, Кто силы не имѣетъ? Кого спа-

саешь ты? Не Того ли, у Кого вся крѣпость? — Кому даешь совѣтъ? не Тому ли, у Кого вся премудрость?»

Тутъ сильнымъ словомъ рисуетъ Іовъ всемогущество Божіе въ твореніи.

«Нагъ адъ передъ Нимъ, и нѣтъ покрова пагубѣ. Онъ простеръ Сѣверъ ни на чемъ, Онъ повѣсилъ землю ни на чемъ же; Онъ связалъ воду въ облака, и облака не расторглись; Онъ окружилъ престолъ облаками; Онъ обвелъ край океана до тѣхъ предѣловъ, гдѣ свѣтъ теряется во тьмѣ. Столпы небесъ трепещутъ Его слова. Силою Своею Онъ хлещетъ море; мудростью усмиряетъ гордость волнъ. Дохнетъ—и небо опять прекрасно. Но это лишь часть путей Его; это одинъ шопотъ слова о Немъ: о громѣ же силъ Его кто услышитъ?»

Потомъ Іовъ изливается въ украшенныхъ притчахъ: Поэзія течетъ изъ него потокомъ. Такъ говоритъ онъ о мѣстѣ премудрости: «Есть мѣсто серебру и злату; человѣкъ знаетъ мѣсто камнямъ безцѣннымъ въ горахъ, онъ открываетъ глубины рѣкъ, сѣчетъ горы мрамора съ корней ихъ, проходитъ тамъ, гдѣ и левъ не проходилъ. Но знаетъ ли онъ, гдѣ мѣсто премудрости? Не знаетъ того человѣкъ; нѣтъ ея въ человѣкахъ. Бездна рекла: нѣтъ ея во мнѣ; море рекло: нѣтъ ея со мною. Нѣтъ сокровища, чѣмъ бы купить ее: на серебро всего міра ея не вымѣняешь. Утаилась она отъ всякаго чело-

вѣка, и отъ птицъ небесныхъ скрылась. Пагуба и смерть сказали: мы слышали о славѣ ея. Богъ одинъ знаетъ къ ней путь, ибо Онъ знаетъ ея мѣсто. Онъ взвѣсилъ вѣтры, Онъ смѣрилъ воду.»

Какъ краснорѣчиво и великолѣпно описываетъ потомъ Іовъ время своего блаженства и славы: когда онъ былъ царемъ между храбрыми, и утѣшителемъ между печальными; когда выходилъ на площадь града — и престолъ былъ ему готовъ; какъ онъ облекался въ правду и въ судъ, какъ въ ризу; какъ онъ стиралъ челюсти неправедныхъ и изъ зубовъ ихъ вырывалъ добычу; какъ слово его неслось по городу безмолвному и внимавшему. Какая полная и торжественная жизнь Царя богатаго и любимаго!

Что же теперь? Надъ нимъ ругаются малѣйшіе, тѣ, отцамъ которыхъ онъ не далъ бы прежде подъ надзоръ не только стадъ, но и псовъ своихъ. Всякое слово Іова упитано скорбію, когда онъ описываетъ свои болѣзни, свои страданія ночныя. «Ночью, кости мои ноютъ, жилы разслабли; всею силою я хватаюсь за одежды—и одежды гнетутъ меня, какъ оковы. Знаю, что смерть сотретъ меня, ибо домъ всякому смертному — земля. Если-бъ возможно было, самъ бы себя убилъ или умолилъ бы о томъ другаго.»

Отъ своихъ скорбей Іовъ переходитъ къ описанію своихъ добродѣтелей—и совѣсть его поетъ себѣ торжественный, оправдательный гимнъ, на зло друзьямъ, которые не хотѣли признать его праведнымъ.

«Развѣ сердце мое увлекалось окомъ?» говоритъ онъ. «Не чистъ ли я въ любви моей? Я положилъ завѣтъ очамъ не смотрѣть на дѣвицу. — Не выслушивалъ ли я жалобъ раба и рабыни своей, всегда помышляя о томъ: ка́къ бы самъ я сталъ передъ Господомъ, если-бы не далъ суда рабамъ своимъ? не изъ того же ли я чрева, какъ и они?—Не питался ли около меня сирый? Сострадание росло со мною дитятей; я его взялъ еще изъ лона моей матери. Ока вдовы не утомлялъ я слезами; шерсть овецъ моихъ согрѣвала плеча убогихъ. Если я когда въ златѣ полагалъ крѣпость, если я хотя тайно покланялся солнцу и лунѣ, если радовался я когда паденію враговъ моихъ: то да гремитъ мнѣ въ уши проклятіе. Дверь моя была отворена всякому страннику; я не боялся народнаго множества, когда изрекалъ правду за безсильнаго; я не укрывался отъ нея въ дому своемъ. Кто же меня теперь выслушаетъ? Кто приметъ мое оправданіе? Да слушаетъ меня, да отвѣчаетъ мнѣ Самъ Господь! Пусть противникъ мой пишетъ на меня жалобу: —я возложу ее на плеча свои, обовью ею, какъ вѣнцемъ, главу свою.»

Покраснѣли и умолкли друзья Іова передъ его рѣчами: онъ ослѣпилъ ихъ свѣтомъ своей праведности. Онъ сталъ

побѣдителемъ — и умолкъ торжественно, увѣнчавшись своимъ обвиненіемъ, какъ вѣнцемъ, и ждетъ словъ Господа, и гордо стоитъ на мѣстѣ суда.

Тогда самый младшій изъ собесѣдниковъ, Элiусъ, который до сихъ поръ хранилъ молчаніе, вознегодовалъ на Іова за то, что онъ назвалъ себя праведнымъ передъ Господомъ, и на трехъ друзей его за то, что они не могли отвѣчать ему, и сначала обвиняли его неправо въ нечестіи. И сказалъ Элiусъ: «Я юнѣйшій лѣтами, вы же старѣйшіе; потому и молчалъ я. Я думалъ: время глаголетъ, во многихъ лѣтахъ премудрость. Но духъ есть въ человѣкахъ, дыханіе Вседержителево научаетъ: не многолѣтніе премудры, не старцы вѣдаютъ судъ.»

Изъ устъ вдохновеннаго юноши потекла рѣчь потокомъ; онъ самъ говоритъ о себѣ, что духъ его, *какъ мѣхъ, исполненный молодаго вина*, кипитъ и хочетъ разорваться. Его рѣчи обильны словами, какъ свойственно молодости; но онѣ исполнены свѣжаго вдохновенія. Прекрасно говоритъ онъ о правосудіи Божіемъ; онъ не обвиняетъ Іова въ нечестивой жизни, какъ прежніе собесѣдники, а обвиняетъ его только въ гордости оправданія. «Если ты и согрѣшишь, что ты можешь сотворить? Если ты и правосуденъ, что же и этимъ ты дашь Господу? Твое зло есть вредъ для ближняго; твое правосудіе полезно лишь ближнему.» — Онъ даетъ тѣмъ знать, что кромѣ правосудія, нужна и покорность Богу.

Свои рѣчи заключаетъ онъ картиною всемогущества Божія въ твореніи. Вдохновенный, описываетъ онъ бурю и громъ, какъ голосъ Божій; но не знаетъ самъ, что слова его предшествуютъ самому слову Божію; онъ не знаетъ, что въ этой бурѣ, которую онъ изобразилъ, сей часъ раздастся самъ голосъ Божій, передъ коимъ все смолкнетъ; онъ не знаетъ того, что творится на небесахъ; не знаетъ, что страданіе Іова есть замыселъ Бога; что онъ страдаетъ для того, чтобы оправдать слово Всемогущаго,—и заключаетъ рѣчь свою тѣмъ, что Іовъ не услышитъ Божія голоса.—И внезапно, въ эту же самую минуту, Господь, мимо собесѣдниковъ, говоритъ Іову сквозь бурю и облаки, и зоветъ его на отвѣтъ.

«Кто сей мужъ, скрывающій глаголы въ сердцѣ своемъ? Препояши чресла свои, какъ мужъ—и отвѣчай Мнѣ: гдѣ былъ ты, когда Я основалъ землю?»

Какая высокая укоризна въ этомъ вопросѣ, уничтожающая человѣка передъ Создателемъ міра! «Гдѣ былъ ты, когда Я основалъ землю?» Во всей Священной Поэзіи Востока, гремящей единымъ могуществомъ Божіимъ, какое слово всѣхъ сильнѣе, всѣхъ убійственнѣе для человѣка, какъ этотъ вопросъ: «Гдѣ былъ ты, когда Я основалъ землю?»

Прекрасны были рѣчи Іова и друзей его о міротвореніи Божіемъ; но какъ онѣ слабы передъ рѣчами Того,

Кто до малѣйшей подробности знаетъ всѣ тайны Своего міротворенія! Здѣсь изъ устъ Самаго Бога развивается вся картина мірозданія. Какъ величественъ этотъ рождающійся океанъ изъ чрева своей матери! Богъ принимаетъ его какъ младенца, повиваетъ туманомъ какъ пеленами, одѣваетъ его облакомъ. И океанъ-младенецъ передъ Богомъ: какая неизмѣримость мысли! И этому бурному младенцу Господь положилъ предѣлы, обложилъ его затворами и вратами, и сказалъ: «до сего дойдеши, и не прейдеши, и въ тебѣ сокрушатся волны твоя.»

«При тебѣ ли» — говоритъ Богъ Іову—«составилъ я свѣтъ утренній? Заря знаетъ свое назначеніе: она касается крылъ земли, и грабители, друзья ночи, бѣгутъ въ пещеры.» Вотъ совершенно картины Аравіи, страны разбоевъ и пещеръ, гдѣ заря есть стражъ безопасности.

Въ подобныхъ вопросахъ развиваются всѣ явленія стихій въ Природѣ. «Число лѣтъ твоихъ много»! говоритъ Вѣчный вчерашнему человѣку. «Былъ ли ты у источниковъ моря? ходилъ ли по дну его? Бывалъ ли ты въ сокровищахъ, гдѣ храню я снѣгъ и градъ?» Кто видалъ вѣчно не тающіе Альпы, тотъ пойметъ красоту этого выраженія. «Кто чертитъ путь молніи и грому? Кто отецъ дождю и малой каплѣ росы? Постигаеть ли ты семизвѣздный союзъ Плеядъ? Отверзъ ли ты огражденіе Оріона? Покажешь ли ты знаменія небесныя во

время? Выведешь ли на небесную паству Медвѣдицу съ ея чадами? Привлечешь ли за власы звѣзду вечернюю? Знаешь ли ты всѣ перемѣны небесныя?»

«Призовешь ли ты облако своимъ голосомъ—и трепетомъ воды великой послушаетъ ли тебя? Пошлешь ли ты молніи—и пойдутъ онѣ, и скажутъ: мы здѣсь. Кто далъ женамъ искусство тканія? Кто исчислилъ капли дождя? Кто преклонилъ небо на землю? Земля разсыпалась, какъ прахъ; я спаялъ ее, какъ камнемъ, на четыре угла.»

Вездѣ Творецъ, какъ строитель и какъ хозяинъ, созидаетъ и хранитъ міръ, какъ домъ Свой. Земля поставлена Имъ на четыре угла; Онъ положилъ ей камень краеугольный; Онъ содержитъ запасы снѣга и града. Такъ весь міръ представляется, какъ хозяйство Божіе. Это—мысль чистая, первоначальная, образъ самый простой, самый естественный, истекшій изъ жизни патріархальнаго человѣка Азіи, начальника семьи своей и племени. Всѣ явленія Природы здѣсь не столько описываются, сколько одушевляются сами: земля—домъ Божій о четырехъ углахъ! океанъ—младенецъ, Имъ повитый; заря отгоняетъ разбойниковъ; молніи говорятъ. Но всему вина одна: промышленіе Божіе; всѣ эти явленія Божія дома суть намѣкъ о Томъ великомъ Домостроителѣ, Который Одинъ содержитъ въ Себѣ ихъ тайну.

Потомъ, отъ неодушевленной природы Великій Строитель переходитъ къ богатству живой природы. Какъ превосходно характеризуются обычаи и нравы животныхъ! На примѣръ, необузданная свобода дикаго осла:

«Кто пустилъ дикаго осла свободнымъ и разрѣшилъ его узы? Я далъ ему жилищемъ пустыню. Онъ смѣется надъ многолюдствомъ города; онъ не внимаетъ крику господина. На горахъ онъ ищетъ себѣ пажити; онъ знаетъ слѣдъ каждаго злака.»

Какъ означена безпечность строуса, который покидаетъ яица на землѣ, не согрѣваетъ ихъ, не печется о птенцахъ своихъ. Богъ не далъ ему разума; но когда замашетъ онъ крылами, то посмѣвается коню и всаднику.

За строусомъ слѣдуетъ картина коня, этого питомца Аравіи, красы полей ея, коня воинственнаго. «Ты ли далъ коню силу? Ты ли облекъ его выю страхомъ гривы? Ты ли ополчилъ его всеоружіемъ, славу персей его дерзостію? Копытомъ копая, на полѣ играетъ онъ. Стрѣламъ посмѣвается; отъ желѣза не отвратится. Лукъ и мечъ надъ нимъ играютъ. Онъ гнѣвомъ потребляетъ землю; затрубила труба—и говоритъ онъ: благо! Издали обоняетъ войну, скачетъ и ржетъ.»

«Твоимъ ли умѣньемъ, орелъ, распростерши крылья, висишь на воздухѣ неподвиженъ, и смотришь на солнце полудня? Или строишь гнѣздо на вершинѣ горы, и оттуда видишь добычу?—Гдѣ трупъ, тамъ и онъ.»

И за всею этою прекрасною галлереею животныхъ выходятъ еще два чудовища: одно страшнѣе другаго. Ужасенъ этотъ бегемотъ съ ребрами мѣдяными, съ хребтомъ желѣзнымъ, который не боится наводненій и думаетъ, что самъ Іорданъ (*) втечетъ въ уста его; но еще ужаснѣе левіаѳанъ, царь всѣмъ сущимъ въ водахъ, который шествіемъ пѣнитъ океанъ — и океанъ сѣдѣетъ внезапно, какъ старецъ, отъ его шествія. Это цѣлое воинство въ одномъ животномъ: онъ сплоченъ изъ щитовъ—и ничто ему копья; это цѣлый міръ въ одномъ звѣрѣ: сердце его какъ скала, очи его какъ денница, душа его какъ уголь, изъ устъ его и ноздрей пламя и свѣтъ.

Послѣ этой могущественной картины мірозданія, развивающейся въ гласѣ Божіемъ, Іовъ говоритъ: «вѣмъ, яко, вся можеши; мню себе землю и пепелъ.»

Но Господь не обратилъ своего гнѣва на страдальца: праведникъ оправданъ. Все имѣніе возвращено ему вдвое;

(*) Имя Іордана показываетъ, что эта Книга позднѣе Моисея была внесена въ число Книгъ Священныхъ.

то же число сыновей и дщерей, еще прекраснѣйшихъ, покоитъ его старость. Но на кого же разгнѣвался Господь? На первыхъ трехъ друзей Іова, на мнимыхъ Своихъ защитниковъ, потому что они не сказали объ Іовѣ истины. И къ Іову же они должны были прибѣгнуть, чтобы онъ своею молитвою и жертвою искупилъ грѣхи ихъ у Бога. Такъ оправдалось на землѣ правосудіе Божіе.

Все это величественное произведеніе представляется намъ, какъ судъ Божій. Въ небѣ происходитъ начало дѣйствія; въ небѣ совершается совѣтъ Бога испытующаго; въ небѣ начертаны путь человѣка и цѣль его страданій: Богъ насылаетъ эти страданія для того, чтобы оправдать слово Свое о непорочномъ и благочестивомъ; Іовъ страдаетъ для того, чтобы оправдать Бога. Высокое назначеніе страданія! Но на землѣ этого не понимаютъ: въ небѣ премудрость; на землѣ невѣдѣніе, тьма, и борьба, и словопрѣніе. Холодные мудрецы нападаютъ на страдальца въ минуту его слабости, когда стрѣлы Господни невольно застонали въ немъ; они говорятъ ему о всемогуществѣ Божіемъ, о правосудіи, и говорятъ, что онъ страдаетъ за какое нибудь нечестіе: такъ выходитъ по ихъ земному разсчету; — но они не знаютъ и постигнуть не могутъ, что, по совѣту Божію, нужно, чтобы страдалъ праведникъ; что онъ страдаетъ для оправданія о немъ же слова Божія. Эти защитники Бога гораздо дерзновеннѣе, чѣмъ ропщущій

мученикъ или оправдывающійся праведникъ, потому что они по своимъ земнымъ разсчетамъ разсуждаютъ о страданіяхъ и жизни человѣка; берутъ на себя дерзкое право защищать Бога, входитъ въ Его судьбы — и защищаютъ Его криво: по ихъ защитѣ, Богъ былъ бы неправосуденъ. Іовъ — праведникъ, но человѣкъ онъ и среди стоновъ болѣзни восклицалъ: живъ Господь! Но жарко заспорилъ онъ съ друзьями, когда они задѣли его за живое, когда они задумали отнять у него послѣднее утѣшеніе, утѣшеніе его совѣсти. Онъ отъ всякаго слова ихъ отбивался со славою; онъ покрывалъ ихъ хвалы Богу своими хвалами; онъ, наконецъ, вынужденъ оправдывать самъ себя и перенести судъ отъ людей, неправо рѣшившихъ, къ Богу, и предать дѣло свое въ Его руки. И юный, вдохновенный Пророкъ Эліусъ, смирявшій Іова за гордость оправданія, не узналъ совѣта Божія, и сказалъ, что Судія не явится. — И вдругъ небо растворилось — и Судія явился. Чѣмъ-же рѣшилъ Онъ дѣло? Онъ Своимъ всемогуществомъ уничтожилъ въ Іовѣ этого гордаго человѣка, который самъ себя признаетъ праведнымъ: Онъ заставилъ его назвать себя землею и пепломъ; но, ограничивъ этимъ Свое наказаніе, Онъ честію и славою покрылъ праведника: ибо этотъ праведникъ страдалъ для оправданія Божія слова о себѣ. Дѣло Іова обратилось въ дѣло Божіе. Человѣкъ уничтоженъ, но праведникъ оправданъ, и ему все отдано. Богъ Своимъ вопрошеніемъ низринулъ въ Іовѣ человѣка; но ни однимъ словомъ не коснулся праведника. Онъ и не говоритъ

Іову, что онъ праведникъ: онъ только возвращаетъ ему все. Что Іовъ праведникъ—это тайна Божія; это—оправданіе Его слова; это скажетъ Богъ у Себя на небеси, въ присутствіи всѣхъ Ангеловъ, для посрамленія демона. Это скажетъ Онъ и Іову, когда праведникъ отъ земли перейдетъ на небо.

Отсюда мы видимъ, что это произведеніе есть какъ-бы священная, Богосудебная драма, въ которой жизнь человѣческая представлена страданіемъ по замыслу Божію, по Его святой волѣ: Іовъ есть праведникъ, терзающійся для того, чтобы въ небесахъ оправдалось слово Божіе. Не прообразуетъ ли онъ намъ человѣка вообще, который, здѣсь, на землѣ, страдаетъ для того, чтобы тамъ, на небесахъ, оправдалось первое слово Бога о человѣкѣ, когда Онъ его создалъ и поставилъ главою созданія, слово, которому человѣкъ измѣнилъ сначала? Не прообразуетъ ли этотъ гласъ Бога, говорящаго Іову, того послѣдняго суда, которымъ должна уничтожиться земная самость человѣческая, но которымъ благословится въ человѣкѣ дѣло Бога, и оправдается созданіе человѣка Богомъ? Не есть ли это высочайшая Өеодицея, или божественный приговоръ для всей жизни человѣка, приговоръ, въ которомъ дѣло этой жизни будетъ оправдано сокровенною цѣлію Божіей, и исторія человѣка благословится, какъ мысль и совѣтъ Творца?

Такъ сіе произведеніе своею главною мыслію сливается со всею Поэзіею Еврейскою. Такъ согласуется оно и съ Книгою Бытія, гдѣ все міротвореніе и вся Исторія представлены какъ планъ, какъ замыселъ Провидѣнія, какъ исполненіе на дѣлѣ всемогущаго слова Божія: *и рече Господь.* Что мы тамъ видѣли въ цѣломъ мірѣ и въ цѣлой Исторіи Человѣчества, то самое здѣсь видимъ въ жизни одного человѣка, въ прекрасной и полной миніатюрѣ.

Вникнувши нѣсколько въ эту Книгу по моему изложенію, припомните теперь слова Гердера, которыя я привелъ вамъ въ началѣ нашей бесѣды: «Это голосъ, завѣтъ, дошедшій къ намъ отъ трехъ или четырехъ тысящелѣтій.» И какъ онъ понятенъ и близокъ нашему сердцу, и какъ глубокомысленъ, даже для нашего гордаго 74 столѣтія отъ сотворенія міра! Такъ человѣчество изо всѣхъ вѣковъ откликается намъ своею жизнію. И какъ велики и поучительны уроки первыхъ опытовъ еще юнаго человѣчества! — Невольно скажешь вмѣстѣ съ младшимъ Эліусомъ: «Не многолѣтніе премудры, не старцы вѣдаютъ судъ.»

ЧТЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Исторія торжественной Лирики у Евреевъ. — Гимны при Судіяхъ. — Жизнь Царя Давида. — Соотвѣтствіе жизни Царя Давида съ жизнію его народа. — Псалмы. Ихъ характеръ народный и богохвалебный. — Сужденіе Св. Аѳанасія. — Общечеловѣческій характеръ Псалмовъ. — Отношеніе Псалмовъ къ Христіанству. — Созданіе храма. — Молитва Соломона. — Характеръ Соломона.—Характеръ его твореній. Какимъ образомъ Поэзія Еврейская сошла до изображенія человѣчества? — Пророки. — Назначеніе ихъ слова.—Званіе Пророка. — Исаія. — Содержаніе пророчества. — Призваніе Исаіи. — Его назначеніе. — Гнѣвъ Бога на Израиль. — Видѣніе на всѣ народы Азіи. — Надежда Израиля. — Характеръ Исаіи.

Перейдемъ къ Исторіи торжественной Лирики Еврейской и посмотримъ, какъ она созрѣла на гусляхъ Царя Псалмопѣвца и заключилась молитвою Царя Храмоздателя. Я вамъ уже говорилъ о двухъ пѣсняхъ Моисеевыхъ, какъ о двухъ источникахъ Лирики Еврейской, коихъ чистыя струи мы видимъ во всемъ ея великолѣпномъ потокѣ. Теперь мы будемъ слѣдить побѣдную торжественную лирику, которая созрѣла въ храмовой Поэзіи и которая ведетъ свое начало отъ первой пѣсни Моисея.

Мы видѣли, какъ сія Лирика родилась на берегахъ

Чермнаго моря, при первомъ торжествѣ избавленія. При Судіяхъ, когда наступила для народа Израильскаго борьба съ племенами, его окружавшими, — славныя минуты побѣдъ своихъ онъ выражалъ такими-же гимнами. Таковъ гимнъ пророчицы Деворы, имѣющій характеръ Лиро-эпическій. Въ немъ описывается подробно вся побѣда надъ Сисарою. Это вѣроятно былъ гимнъ, пѣтый всѣмъ народомъ. Гердеръ думаетъ, что при Судіяхъ, Еврейская Поэзія соединилась съ пляскою и музыкою и что эти три искусства, въ дружественномъ сочетаніи, служили тогда для прославленія торжествъ народныхъ. — Самая жизнь Евреевъ, въ это время геройскихъ подвиговъ, представляетъ множество лирическихъ мгновеній. «И сотворили сыны Израилевы злое предъ Господомъ, и предалъ ихъ въ руку Господь, и возопили сыны Израилевы ко Господу, и послалъ имъ мужа пророка въ Судію:» вотъ формы книги Судей. Изъ нихъ мы видимъ, что всѣ подвиги народа совершались по внушенію свыше. Всѣ эти Пророки-Судіи означаютъ своими именами вдохновенныя, лучшія минуты Израильскаго народа, когда воспламенялось въ немъ чувство вѣры въ своего Бога и съ тѣмъ вмѣстѣ чувство народной самобытности.

Еще въ первыя времена Судей, можно было видѣть, что уже запала мысль въ народѣ Израильскомъ имѣть своего Царя. Наконецъ Самуилъ, котораго рожденіе было также воспѣто гимномъ, помазалъ Саула, и исполнилось жела-

ніе народное. При царѣ Саулѣ созрѣлъ Давидъ, Царь-поэтъ. Отъ самой юности, духъ его устремлялся къ Музыкѣ и Поэзіи. Свои прекраснѣйшіе годы онъ провелъ пастухомъ со стадами, и на пажитяхъ научился владѣть свирѣлью, и обогащался тѣмъ высшимъ созерцаніемъ природы, тѣми впечатлѣніями, которыя потомъ отозвались на его гусляхъ. Лукавый духъ нашелъ на Царя Саула: не было другаго средства цѣлить его, какъ пѣсни и музыка. И пѣвецъ-пастухъ съ своими гуслями былъ призванъ къ Царю укрощать его демона. И полюбилъ его Царь; но потомъ, когда юный пастухъ восторжествовалъ надъ Голіаѳомъ; когда вошелъ онъ съ побѣднымъ торжествомъ въ Іерусалимъ, и дѣвы и жены вышли ему на встрѣчу съ ликами, тимпанами и гуслями, и воспѣвали побѣды, отдавая преимущество Давиду передъ Сауломъ: — тогда Саулъ исполнялся подозрѣнія и зависти къ Давиду, — и озлобился на него. Несчастный пѣвецъ едва укрылся отъ злобнаго копія Саула. Онъ бѣгалъ въ горы, долго скитался по нимъ и по пустынямъ Іудеи. Тогда-то гусли стали для него утѣшеніемъ: тогда-то, въ минуты нужды и страха, научился онъ извлекать изъ нихъ сладкія, молитвенныя пѣсни. — Наконецъ съ помощію Бога, избѣжалъ Давидъ руки Саула, сѣлъ на царство и побѣдилъ всѣхъ враговъ своего народа. Наступило время торжества, время священнопѣсненное, время псалмовъ Давидовыхъ. Въ 22-й главѣ 2-й книги Царствъ, содержится пѣсня, заключающая всѣ подвиги трудной жизни Давидовой. Она выражаетъ это чувст-

во отдыха послѣ сильнаго утомленія. «Вѣренъ Давидъ, сынъ Іессеевъ,» говорится послѣ этой пѣсни, «и вѣренъ мужъ, его же возстави Господь въ Христа, Бога Іаковля, и благолѣпны псалмы Израилевы. И духъ Господень глагола въ нихъ, и слово Его на языцѣ моемъ.»

При Давидѣ, Царѣ-пѣвцѣ и музыкантѣ, устроена была вся храмовая Лирика Евреевъ. Еще когда переносился ковчегъ Завѣта, въ этомъ пышномъ торжествѣ шли передъ ковчегомъ Царь и сыны Израилевы съ пѣніемъ, съ органами, гуслями, свирѣлями, тимпанами, кимвалами и цѣвницами. Какая уже полная музыка при Давидѣ, тогда какъ въ торжествѣ Моисея были употреблены одни только тимпаны! — Четыре тысячи Левитовъ, отличенныхъ особою одеждою, были раздѣлены на классы и хоры. Освященіе горы Сіона совершилось при торжественномъ пѣніи псалмовъ Давидовыхъ. Такъ цвѣтъ священной лирики пересаженъ былъ царскими руками, на святую гору Сіонъ, и разцвѣлъ великолѣпно подъ сѣнію славы Божіей. Но тѣ пѣсни, раздавшись съ горы Сіона, снова перешли въ уста народа. Лира Еврейская завѣщана была законодателемъ народу, потомъ перешла въ уста Царя, — и отъ него, украшенная и прославленная, возвратилась снова къ народу, надъ которымъ почивалъ духъ Божій. Царственные псалмы и пѣсни Бога сдѣлались пѣснями всеобщими. Такъ долженствовало быть у Евреевъ; пѣсня, посвященная Богу, стала любимою пѣснію народа; Царь, пѣвецъ Бога, явился вмѣ-

сшѣ и поэшомъ національнымъ. Исшорія Евреевъ, мною изложенная вамъ прежде, оправдываешъ всѣ эшѣ заключенія.

Я уже замѣшилъ, что самый эшошъ Царь во всей своей жизни, изъ кошорой выливались его псалмы, предсшавлялъ крашкій образецъ жизни всего народа Израильскаго, сокращеніе всей его Исторіи. Давидъ, въ юносши, пасъ сшада и игралъ на гусляхъ: не шакова-ли была и пашріахальная, пасшушеская юносшь Израильскаго народа? Давидъ подпалъ подъ гнѣвъ и силу Саула: не шакъ-же ли народъ Изральскій подпалъ подъ иго и гоненіе Фараона? Давидъ освободился ошъ него помощію Божіею, — и по горамъ пусшыннымъ влачилъ свои сшраданія и вынесъ изъ нихъ вдохновенныя пѣсни. Не шакова ли была жизнь Израильшянъ во время сшрансшвія ихъ по пусшынѣ? Давидъ, какъ и народъ Израильскій, подвергался шакже паденіямъ, удалялся ошъ Бога, и Богъ поражалъ его недугами, какъ и народъ несчасшіями, — и шогда скорби его выливались въ пѣсняхъ къ Богу. Эшѣ слабосши человѣческія въ Давидѣ еще болѣе сближали жизнь его съ жизнію его народа. Наконецъ, воцарившись, онъ содѣлался самъ предсшавишелемъ жизни Израильшянъ; боролся съ врагами ихъ и Бога, и окончилъ эшу борьбу, и заключилъ ее Богохвалебною пѣснію.

Геніи, избранники Божіи, предсшавляюшъ всегда въ своей жизни лучшія и выразишельнѣйшія минушы жизни шого народа, изъ среды кошораго они избраны. Но едва-ли

на какой иной біографіи великаго избранника Божія эта истина такъ рѣзко означается, какъ на біографіи Давида. Вотъ почему пѣсни его, вылившись изъ его жизни, вылились какъ будто изъ всей жизни народа и изъ пѣсень Давида сдѣлались пѣснями Израильтянъ. Въ Псалмахъ гремятъ и трубы побѣдныя, и сладко раздается свирѣль пастушеская, и стонетъ печальная арфа. Въ нихъ воспѣваются и священныя торжества Евреевъ и ихъ любимыя пастырскія занятія, и выраженіе предъ Богомъ гоненій и скорбей, какія они терпѣли: здѣсь вся ихъ жизнь, всѣ минуты этой жизни, запечатлѣнныя пѣснями; но всѣ этѣ пѣсни, всѣ эти звуки сливаются въ одной великой пѣсни, въ одномъ великомъ звукѣ. Какъ событія жизни народа Израильскаго примыкаютъ къ единой мысли о Богѣ, такъ и пѣсни его сливаются въ гимнѣ къ Богу. Ни чѣмъ лучшимъ не льзя было заключить этой книги псалмовъ, какъ послѣднимъ 150-мъ, гдѣ всѣ музыкальныя орудія Евреевъ согласились въ одну хвалу о Богѣ. «Хвалите Его во гласѣ трубнѣмъ, хвалите Его во псалтири и гуслѣхъ; хвалите Его въ тимпанѣ и лицѣ, хвалите Его во струнахъ и органѣ; хвалите Его въ кимвалѣхъ доброгласныхъ, хвалите Его въ кимвалѣхъ восклицанія. Всякое дыханіе да хвалитъ Господа.»

Здѣсь Царь-Псалмопѣвецъ выводитъ всю свою блистательную мусикію, весь полный оркестръ, имъ устроенный, для того чтобы играть и пѣть хвалу Бога, — и чѣмъ приличнѣе, стройнѣе, полнѣе могла заключиться

эта пѣснь, какъ не стихомъ: *всякое дыханіе да хвалитъ Господа?*

До сихъ поръ, мы разсматривали Псалмы, какъ Богохвалебныя и молитвенныя пѣсни народа Израильскаго; но это значеніе ихъ совершенно подчиняется иному, высшему. Псалмы имѣютъ значеніе всемірное, какъ и вся исторія Евреевъ, кромѣ своего значенія народнаго. Это оправдалось тѣмъ вліяніемъ, которое они возъимѣли на всю Поэзію Христіанской Европы. Разсмотримъ ихъ въ этомъ отношеніи.

Св. Аѳанасій, Архіепископъ Александрійскій, особенно изучалъ книгу Псалмовъ и оставилъ превосходный разборъ ея, который можетъ намъ послужить руководствомъ при такомъ взглядѣ на сіе твореніе.

Во первыхъ, Св. Аѳанасій разсматриваетъ Псалмы, какъ Библію въ сокращеніи: всякая книга Библіи имѣетъ свое собственное содержаніе; напр. Пятикнижіе описываетъ бытіе міра, дѣянія Патріарховъ, исходъ Израиля изъ Египта, законоположеніе, устроеніе Скиніи, священнодѣйствія. Троекнижіе: т. е. книги Іисуса Навина, Судей, Руѳь, изображаютъ дѣянія судей, народа, и родословіе Давида. — Книги Царствъ и Паралипоменонъ представляютъ дѣла царей. Книги Эздры—освобожденіе отъ плѣна Вавилонскаго. Книги Пророковъ—пророчества о пришествіи Спасителя, воспоминанія о заповѣдяхъ, обли-

ченія законопреступленій, пророчества о разныхъ народахъ. Книга-же Псалмовъ все это, *какъ рай*, *насажденное въ себѣ имѣя*, воспѣваетъ. Книга Псалмовъ, по мнѣнію Св. Аѳанасія, есть великолѣпный вертоградъ всей Библіи.

Такимъ образомъ, три стихіи Библейскія: Исторія, Законоположеніе и Пророчество, о которыхъ я вамъ говорилъ, входятъ въ книгу Псалмовъ, въ видѣ сладкой божественной пѣсни. Но сіи три стихіи общи у нихъ со всею Библіею: что-же имѣютъ они собственно себѣ принадлежащаго? — То, что въ Псалмахъ содержится изображеніе всѣхъ движеній души человѣческой со всѣми ея возможными измѣненіями. Въ нихъ человѣкъ познаетъ и усмотритъ себя, и научится врачевать свои страсти, терпѣть скорби и услаждать ихъ словомъ, обращаемымъ къ Богу. И такъ, книга Псалмовъ есть цѣлительная книга, врачующій органъ души человѣческой: ибо нисходя къ страстямъ ея, изображая чувства ея, Псалмы даютъ средства и укрощать ихъ, погружаясь въ Бога. Вотъ та сила Псалмовъ, посредствомъ которой вдохновенный творецъ ихъ врачевалъ мятежную душу Царя Саула.

Въ словахъ Пророковъ человѣкъ только поучается, но не можетъ относить ихъ къ себѣ. Напр. «Живъ Господь, Ему-же предстою днесь,» говоритъ Пророкъ. Дерзко бы было со стороны человѣка отнести это сло-

во Пророка къ себѣ; но въ Псалмахъ, говоря чужое, мы какъ будто свое, какъ будто отъ себя говоримъ. Псалмы поющему ихъ суть зерцало его собственной души и всѣхъ ея движеній. Кто напр. поетъ 3-й псаломъ: «Господи, что ся умножиша стужающіи ми?» въ минуту скорбную, въ минуту страданія отъ гоненій,—тотъ невольно къ себѣ его примѣнитъ. Кто хочетъ каяться, пускай поетъ псаломъ 50-й: «помилуй мя Боже,» и онъ найдетъ полное выраженіе души своей въ минуту покаянія. Такъ, на всякое состояніе человѣка, на всякое положеніе души его, на всякое чувство, здѣсь найдется пѣснь. Такимъ образомъ Книга Псалмовъ есть книга по преимуществу человѣческой души, или лучшее средство бесѣдовать съ Богомъ во всѣ минуты земной нашей жизни.

Равно какъ Богъ хотѣлъ примѣромъ Своимъ дать намъ образецъ житія человѣческаго и для того воплотился: такъ еще прежде Своего пришествія, въ Псалмахъ, словомъ Божіимъ, чрезъ Царя Давида, глаголалъ намъ; низшелъ къ страстямъ и движеніямъ слабой души нашей, и передалъ ихъ въ пѣсняхъ, показавъ и средство врачевать и услаждать ихъ. Такъ Псалмы суть предварительное, прообразовательное воплощеніе Слова Божія въ человѣческомъ словѣ, пріосѣненномъ благодатію свыше. Вотъ почему они исполнены такихъ пророчествъ о Христѣ! Вотъ почему Книга Псалмовъ, имѣя такое близкое отношеніе къ Христіанской Религіи, сдѣлалась молитвенною книгою для всѣхъ Христіанъ.

Этимъ-то выражается Божественно-человѣческій, Христіанскій и вмѣстѣ лирическій характеръ Псалмовъ: ибо Лира есть пѣсня чувствъ и движеній человѣческихъ; но потому эта лира—Божественная, что на ней всѣ эти неровныя, не гармоническія чувства и движенія земнаго человѣка укрощаются мыслію о Божествѣ, о будущемъ искупленіи человѣчества, и переходятъ всегда въ хвалебное пѣніе Господу.

Благолѣпные Псалмы Израилевы были готовы. Наступило царство мира и славы. Еще Царь—псалмопѣвецъ помышлялъ о созданіи храма: но ему не дано было наслажденія огласить своими Псалмами стѣны дома Божія. «И даде Господь смыслъ Соломону, и премудрость многу зѣло и широту сердца, якоже песокъ при морѣ.»—И сказалъ Соломонъ: «И нынѣ упокои Господь Богъ мой мнѣ окрестъ; нѣсть навѣтника, ниже сопротивника лукаваго: и се азъ глаголю создати домъ имени Господа Бога моего, яко-же глагола Господь Богъ къ Давиду отцу моему.» Подъ звуки готовыхъ Псалмовъ, по слову Соломона, строился великолѣпный храмъ и конченъ былъ въ 440 году по исходѣ изъ Египта, для принятія въ себя пѣсень Израилевыхъ.

Мы видѣли рожденіе торжественной Лирики въ первомъ побѣдномъ торжествѣ освобожденнаго народа у береговъ Чермнаго моря. Какая-же минута въ Исторіи Израильскаго народа представляетъ высокій цвѣтъ раз-

вишія эшой Лирики, когда она уже достигла своего назначенія бышь Поэзіею Храма, служишь Господу? Вошъ сія минуша.

Передъ гошовымъ храмомъ, воздвигнушымъ на горѣ Сіона, освященной еще Давидомъ, собрались и Царь-сшроишель и народъ. И обрашился Царь лицемъ къ своему народу и сказалъ: «Благословенъ Господь Богъ Израилевъ, Иже изрекъ: «съ шѣхъ поръ какъ Я из«велъ людей Моихъ изъ сшраны Египешской, Я не из«бралъ никакого инаго града для созданія храма имени «Моему, кромѣ Іерусалима.» — Такъ изрекъ Господь, и уже ошецъ мой, Давидъ, имѣлъ на сердцѣ эшошъ храмъ, и Богъ благословилъ его за эшошъ помыслъ; но сказалъ, чшо онъ не созиждешъ храма, а созиждешъ оный сынъ его — и азъ создахъ храмъ имени Господа Бога Израилева.»

И сшалъ Царь передъ лицемъ алшаря Господня, и за нимъ весь народъ Израильскій, и воздвигъ руки Царь на небо и сказалъ:

«Господи Боже Израилевъ, нѣсшь якоже Ты Богъ на небеси горѣ, и на земли низу. Я создалъ Тебѣ храмъ по Твоей же волѣ, изреченной ошцу моему Давиду. Но если небо и небо небеси не довлѣюшъ Тебѣ, шо гдѣ-же храму, мною созданному, обняшь Тебя безконечнаго? — Молю Тебя: да будушъ очи Твои ошверсшы на храмъ сей и день и нощь. Придешъ-ли Израильшянинъ молишь Тебя на семъ мѣсшѣ о грѣхѣ своемъ, о недугѣ, или о

врагахъ, его одолѣвающихъ, или о голодѣ: услыши его съ небеси, и сотвори и помилуй. Придетъ-ли иноплеменникъ и помолится Тебѣ на мѣстѣ семъ о своей скорби — и его услыши: да уразумѣютъ всѣ люди земные имя Твое.»

Сею торжественною молитвою, при освященіи храма, въ который внесены благолѣпные Псалмы Давидовы, заключилась достойно лирика Еврейская и достигла своего божественнаго назначенія, — а потомъ, черезъ нѣсколько вѣковъ, изъ храма Соломона разнеслась она по храмамъ всего міра, гдѣ только приносилась жертва безкровная, очищенная Богу Истинному и Единому.

Подвигъ Израильскаго народа былъ совершенъ. Борьба его съ окружающими народами кончена, — и жертва Богу, для которой онъ покинулъ Египетъ, принесена уже не въ кочевой Скиніи Свидѣнія, а съ полнымъ торжествомъ, при славныхъ пѣсняхъ, въ великолѣпномъ храмѣ, воздвигнутомъ на горѣ Сіона. Царствованіе Давида было еще бурно, воинственно: въ произведеніяхъ его отразилась его жизнь, исполненная гоненій, опасностей и побѣдъ. За симъ наступило царство мира, тишины, обилія. Представитель его есть Соломонъ. Имя его означаетъ миръ и счастіе. Въ малолѣтствѣ онъ былъ названъ матерью: Эдедія, любимецъ Бога. Только въ царствѣ тишины и блаженства, могли разцвѣсть Премудрость и Любовь, двѣ стихіи, составлявшія жизнь Соло-

мона. Эта Премудрость была послѣдствіемъ всѣхъ опытовъ жизни народа, перешедшаго черезъ такіе бурные перевороты и въ цѣлости вынесшаго изъ нихъ любимую, сильную мысль души своей. Эта Премудрость сосредоточилась въ одной избранной главѣ, главѣ Царя, представителя своего народа, и изобразилась въ его сочиненіяхъ. Только послѣ опытовъ такой жизни могло быть развито это свѣтлое, глубокомысленное, практическое созерцаніе міра, человѣка, всѣхъ его нравственныхъ, семейныхъ и общественныхъ отношеній, это созерцаніе не отвлеченное, но опытное, какое мы находимъ въ Притчахъ и Экклесіастѣ Соломона (*), и въ позднѣйшихъ сочиненіяхъ Іисуса сына Сирахова, относящихся къ тому же роду. Здѣсь общія предписанія Закона получили уже частное примѣненіе къ жизни. Начало этой житейской, этой практической премудрости есть тоже самое, какъ и начало всей Израильской жизни. «*Начало премудрости страхъ Господень,*» говоритъ опытный мудрецъ Израильскаго народа. «Благочестіе въ Бога начало чувства.»—«Суета суетствій, всяческая суета:» — могъ сказать только тотъ мудрецъ, который отъ созерцанія Бога переходилъ къ созерцанію міра, и съ неба смотрѣлъ на землю.

(*) *Премудрости* Соломона, какъ извѣстно, писаны на Греческомъ языкѣ, и Климентъ Александрійскій, жившій во 2-мъ вѣкѣ, приводилъ текстъ Греческій. См. Краткое руков. къ чтенію кн. Ветх. и Нов. Завѣта, Митропол. Амвросія.

Подобно какъ въ Псалмахъ, слово Божіе воплотилось въ слово человѣческое, приняло на себя выраженіе страстей, чувствъ и всѣхъ движеній человѣческой души съ тою цѣлію, чтобы найти для нихъ врачеваніе въ молитвѣ къ Богу: такъ точно и въ премудрыхъ изреченіяхъ Соломона, это-же слово Божіе, которое такъ строго и положительно устами Моисея изрекало Законъ,—низошло до слабости и нужды человѣческой, приняло образъ премудрости народной, житейской, стало изрекать живые уроки опыта — и прежнюю свою форму Изреченія перемѣнило на форму болѣе народную: притчи или пословицы. — Таковъ духъ и форма поучительныхъ сочиненій Соломона. Это есть нравственное Богомудріе народа Еврейскаго, извлеченное изъ опытовъ жизни, и сказанное въ пословицахъ.

Послѣ Царя-Поэта, который еще воспѣвалъ бурное движеніе жизни, остатокъ борьбы, уготовлявшей миръ, — слѣдовало въ народѣ Израильскомъ явиться Царю-Мудрецу, который, послѣ вдохновенныхъ порывовъ, выразилъ наконецъ спокойное созерцаніе міра и жизни, — и заключилъ лирическій псаломъ отца своего премудрымъ вѣщаніемъ опыта, плода жизни. Это выразилъ Соломонъ въ своихъ сочиненіяхъ поучительныхъ.

Въ царствѣ мира и блаженства, какимъ было царство Соломона, вмѣстѣ съ Премудростію разцвѣло и лучшее

чувство жизни, чувство Любви, но Любви чистой и возвышенной. Какое состояніе человѣка можетъ быть блаженнѣе того, въ которомъ умъ и чувство пришли въ совершенную гармонію, Премудрость и Любовь сочетались въ жизни? — Такова была жизнь Соломона до его паденія. — Сіе-то чувство Любви, просвѣтлѣнной Премудростью, выражалъ Царь-Поэтъ въ своихъ пѣсняхъ, изъ которыхъ осталась намъ одна, дышущая нардомъ, алоэмъ и киннамономъ великолѣпныхъ садовъ его. — Иные осмѣливались наводить дерзкое сомнѣніе на эту пѣснь; но прочтите, что о ней говоритъ Гердеръ, изучавшій ее и религіозно и поэтически. Въ ней вѣетъ, по его словамъ, то высокое и чистое чувство Любви, которымъ Богъ благословилъ первую чету при созданіи и которое, по изгнаніи изъ Рая, осталось ей на землѣ вторымъ раемъ. Эта пѣснь пророчественно предсказываетъ о той Любви высокой, которой исполнено Евангельское слово, и потому достойно прообразуетъ Любовь Спасителя и Церкви. — Вотъ почему эта пѣснь была любимою, святою пѣснію Трубадуровъ и Миннезенгеровъ, у которыхъ чувство чистой Любви Христіанской перешло въ жизнь и Поэзію.

Въ Исторіи Поэзіи другихъ народовъ, гдѣ она имѣла естественное развитіе и болѣе самостоятельное, чѣмъ у Евреевъ, мы видимъ, что Поэзія всегда заключалась Драмою, какъ родомъ, который нисходитъ болѣе до жизни человѣческой, до страстей и дѣятельнѣйшихъ

минушъ, предсшавляя ихъ съ очевидносшію, равносильною самой жизни.

Въ Драмѣ, болѣе чѣмъ въ какомъ либо родѣ, кромѣ Романа, Поэзія сливаешся съ жизнію. Драмы не было у Евреевъ, пошому чшо Поэзія ихъ не ошъ жизни человѣческой приняла свое начало, а ошъ Религіи, — и не ошъ Религіи Миѳологической, какова Индѣйская и Греческая, а ошъ Вѣры, основанной на самомъ чисшомъ поняшіи о Божесшвѣ. Поэзія Еврейская сошла шакже до человѣка; она пѣла не одно Божесшво, но сшрасши и движенія человѣческой души, какъ мы шо видимъ въ Іовѣ и Псалмахъ; — но всегда подъ условіемъ, чшобы все человѣческое разрѣшалось въ божесшвенномъ, чшобы всякое земное несшроеніе переходило въ небесное доброгласіе. Она не могла олицешворишь эшихъ сшрасшей въ дѣйсшвіи; она не могла предсшавишь ихъ на сценѣ, дашь имъ главныя роли, сдѣлашь ихъ занимашельными: эшо было бы прошивно ея духу; пошому чшо ихъ и все земное она считала вшоросшепеннымъ своимъ предмешомъ, подчиненнымъ главному предмешу ея, Божесшву. По шой-же причинѣ, по какой художесшво Еврейское не могло изобразишь Бога кумиромъ, — по шой же причинѣ и Поэзія Еврейская не могла олицешворишь на сценѣ сшрасшей и чувсшвъ человѣческихъ. Теашръ принялъ свое начало ошъ храма языческаго: онъ былъ шакже своего рода храмомъ, но храмомъ сшрасшей человѣческихъ; слѣдовашельно, онъ не могъ бышь воздвигнушъ

у шого народа, который молился въ храмѣ безкумирномъ.

И шакъ, только въ псалмахъ, поучительной Поэзіи Соломона и пѣсняхъ его, Поэзія Еврейскаго народа низошла до человѣчесшва.

Премудрый Царь, подъ конецъ своей жизни, забылъ, что благо ея основываешся на гармоніи Премудрости и Любви. Онъ отринулъ Премудрость, и предался чувственности, и поклонился кумирамъ. — Въ концѣ царствованія Соломонова, уже видно начало паденія царства Израильскаго. По смерти его, оно раздѣлилось. Цари сами вносили идолопоклонство, сами мѣшались съ иноплеменными народами, которые скоро стали угрожать царству погибелью.

Еще при первыхъ царяхъ, Богъ говорилъ устами Пророковъ, которые были непосредственно Имъ избираемы. При Давидѣ жилъ Наѳанъ. При Ахавѣ и Іезавели — Илія. При Іорамѣ—Елисей. — Когда же нечестіе стало болѣе и болѣе распространяться, тогда и слово Пророковъ становилось громче и обильнѣе.

Въ сіи-то времена, лирическая Поэзія Евреевъ должна была принять другое направленіе.—Народъ забылъ Бога, и его политическое единство разрушалось: ужь не было

торжественныхъ побѣдныхъ минутъ въ народной жизни. Нечего было воспѣвать Поэзіи. Слѣдовало обратить слово на дѣло, на жизнь. Таково слово Пророковъ: это слово дѣйствующее, слово жизни по преимуществу.—Ихъ лира должна была настроиваться уже не по звукамъ первой пѣсни Моисеевой, которая вмѣстѣ съ благодарностію Богу пѣла славу народную; — нѣтъ, прошло время славы, — и лира Пророковъ должна была заимствовать свои звуки отъ послѣдней Моисеевой пѣсни, которая грозитъ гнѣвомъ Божіимъ и возбуждаетъ въ народѣ чувство своего Бога, чувство единства, и ведетъ его къ дѣлу. Такова Поэзія Пророковъ. Въ ихъ устахъ, *слово Божіе* по-Еврейски значитъ руководство, совѣтъ, дѣло. Такъ выражается самъ Исаія, говоря о словѣ своемъ. — «Господь говоритъ: подобно какъ дождь и снѣгъ сходятъ съ небесъ и не возвратятся, пока не напоятъ земли, пока она не родитъ, не прозябнетъ, не дастъ сѣмени и хлѣба сѣющему: такъ и глаголъ Мой, когда изыдетъ изъ устъ Моихъ, не возвратится ко Мнѣ тощъ, пока не совершитъ всего того, что̀ Я захотѣлъ.» — Таково слово Божіе въ устахъ Пророка, по его собственному сказанію: оно, падая съ небесъ, впивается въ народъ, какъ дождь въ землю, и не иначе, какъ *дѣломъ*, возвращается къ Богу.

Что̀ такое Пророкъ? Какое было его званіе?—Пророкъ одаренъ былъ отъ Бога свыше даромъ видѣнія; онъ одинъ прозрѣвалъ въ будущее и постигалъ настоящее. Пророкъ

и видящій—значило одно и тоже.—«Вы народъ не покорный закону Божію, говоритъ Исаія: вы говорите *видящимъ видѣнія*:—не повѣдайте намъ видѣній вашихъ, а говорите только угодное, только льстивое.» Такъ Пророки, стало быть, видѣли всю внутренность жизни народной, видѣли начало ея разрушенія.—Но кромѣ провидца, Пророкъ значитъ еще и вѣщателя, возвѣстника воли Божіей.—Господь говоритъ Моисею, посылая его къ Фараону: «Я далъ тебя въ бога Фараону,—Ааронъ же, братъ твой, будетъ твой Пророкъ.»—И въ другомъ мѣстѣ объ Ааронѣ: «Онъ возглаголетъ отъ тебя къ народу; онъ будетъ твоими устами; ты будешь ему въ бога.»—И такъ, Пророкъ есть вѣщатель словъ Божіихъ, *Божія уста на землѣ*, хранитель и проповѣдатель тайнъ Его, орудіе Его слова, посредствомъ котораго это слово въ человѣкахъ должно обратиться въ дѣйствіе.

Не охотно принимали на себя это званіе Богодухновенные Пророки. «Терзается вся моя внутренность,» говоритъ Іеремія, «трепещетъ мое сердце, боится, но не могу молчать.» — Такъ выражается и Исаія: «Господь далъ мнѣ языкъ наученія; Онъ пробуждаетъ меня утромъ, заставляетъ приложить ухо и слушать, и Самъ шепчетъ мнѣ на ухо глаголы, и я не противлюсь имъ, не противоглаголю. Я выдалъ плечи мои на раны, ланиты мои на заушенія, и лица моего не отвратилъ отъ студа заплеваній. Господь былъ при мнѣ: потому я не устрамился, и утвердилъ лице свое противъ народа какъ

камень.»— Столь тяжело было высокое званіе Пророковъ истинныхъ! Потому-то были пророки лживые, угождавшіе народу, о которыхъ говоритъ Господь чрезъ Іеремію: «Я не посылалъ ихъ, Я не глаголалъ имъ: они передаютъ вамъ видѣнія ложныя, волшебства, производы своего сердца.»

Но много было и Пророковъ истинныхъ въ народѣ Израильскомъ; иные не оставили намъ своихъ сочиненій; изъ тѣхъ же, которыхъ пророчества дошли до насъ, трое особенно возвышаются надъ всѣми и называются великими пророками, а именно: Исаія, Іеремія и Іезекіиль. Ихъ-то вдохновенными пророчествами мы заключимъ изученіе Еврейской Поэзіи.

Исаія, отъ племени Іуды, за 750 лѣтъ до Р. Х., во второмъ вѣкѣ до плѣненія Вавилонскаго, пророчествовалъ при четырехъ царяхъ: Осіи, Іоаѳанѣ, Ахазѣ и Езекіи.

Вотъ какъ описываетъ самъ Пророкъ состояніе Израиля въ то время, когда онъ явился:

«Услыши небо и передай землѣ, что̀ рекъ Господь. Я родилъ сыновъ и возвысилъ; они Меня отверглись. Волъ позналъ стяжавшаго его; оселъ позналъ ясли господина: Израиль же не позналъ Меня. Отъ ногъ до головы нѣтъ въ немъ цѣлости; онъ весь трупъ, одна язва, одна рана

воспаленная. Нѣтъ ему ни пластыря, ни елея, ни обвязанія. Земля его пуста; грады сожжены огнемъ; чужіе поѣдаютъ его страну.»

Вотъ въ какое время раздается слово пророческое, да изцѣлится недужный Израиль!

Всякой изъ Пророковъ передаетъ видѣніе, въ которомъ явился ему Господь и сдѣлалъ его Пророкомъ. Такъ предсталъ Господь Исаіѣ:

«Въ лѣто смерти царя Осіи, я видѣлъ Господа, сѣдящаго на престолѣ высокомъ. Шестикрылые Серафимы стояли окрестъ его: двумя крылами покрывали они лица, двумя ноги, двумя же летали. И взывали другъ ко другу: Святъ, Святъ, Святъ Господь Саваоѳъ; исполнь вся земля славы Его. Отъ гласа ихъ отверзлось наддверіе дома Господня, и домъ наполнился дыма. И сказалъ я: нечисты уста мои, ибо живу я среди людей, коихъ уста нечисты. Видѣлъ я Царя Господа Саваоѳа очами своими, но какъ о Немъ повѣдаю? И посланъ былъ ко мнѣ одинъ отъ Серафимовъ, и въ рукѣ его былъ уголь горящій, взятый имъ съ алтаря, и онъ прикоснулся имъ къ устамъ моимъ, и уста мои очистились. И я услышалъ голосъ Господа: кого пошлю и кто пойдетъ къ людямъ симъ? — и я отвѣчалъ Ему: я готовъ; пошли меня. И сказалъ мнѣ Богъ: иди же къ нимъ и скажи имъ: услышите и не уразумѣете, узрите — и не увидите.»

Какое назначеніе Исаіи, какъ Пророка? Онъ самъ говоритъ о немъ: «Духъ Господень на мнѣ. Онъ помазалъ меня, послалъ благовѣстить нищимъ, исцѣлять сокрушенныхъ сердцемъ, проповѣдать плѣнникамъ отпущеніе, слѣпымъ прозрѣніе, наречь лѣто Господне пріятное и день воздаянія, утѣшить плачущихъ, замѣнить духъ унынія украшеніемъ славы.» — Вотъ высокое назначеніе Пророка въ человѣчествѣ!

Гнѣвомъ на Израильскій народъ начинается слово пророческое изъ устъ Исаіи. —«Что мнѣ множество вашихъ жертвъ?» говоритъ Богъ народу, который уже полагалъ исполненіе закона въ совершеніи одиихъ обрядовъ. — «Я исполненъ всесожженій, тука агнцевъ, крови юнцевъ и козловъ. Не нужно мнѣ ни поста вашего, ни начатковъ, ни праздниковъ, ни кадила: руки ваши обагрены кровію. Въ Сіонѣ почивала правда: нынѣ въ немъ убійцы. Серебро ваше поддѣлано; корчемники мѣшаютъ вино съ водою. Князи не покоряются Богу; они за одно съ татями, любятъ дары, сирымъ не даютъ суда, вдовицамъ не внимаютъ.»

Далѣе Пророкъ выражаетъ тоже самое великолѣпнымъ, поэтическимъ образомъ: «Прекрасный былъ у меня виноградъ, говоритъ Богъ. Я посадилъ его на землѣ тучной, и далъ ему ограду; Я окопалъ его; Я посадилъ лозу избранную; создалъ столпъ посреди и точило, и ждалъ отъ него гроздій, а онъ принесъ Мнѣ терніе. Судите же вы,

живущіе въ Іерусалимѣ и сыны Іуды, между Мною и виноградомъ Моимъ. Что́ же сотворю Я съ нимъ? Я лишу его ограды, Я разорю стѣну его: пусть его разграбятъ и попрутъ. Я покину его; онъ не обрѣжется, не окопается; Я заповѣдаю облакамъ лить дождь на него. Виноградъ Господа есть домъ Израилевъ и сыны Іуды.»

Сильно разгорается гнѣвъ Бога въ устахъ Пророка, — при мысли о нечестіяхъ народа, и языкъ его пожигаетъ какъ уголь. «Отыметъ Господь всю славу и красоту народа Израильскаго. Вознеслись дщери Сіона; онѣ ходили возвысивъ выю, едва помизали очами, величались ризами, влача ихъ за собою: смиритъ же ихъ Господь; Онъ отниметъ славу ризъ ихъ и красоту ихъ, и злащыя сѣти съ главъ, и ожерелья и обручи и перстни и серги, и багряницы и виссоны и синету и червленицу: вервь будетъ служить имъ поясомъ; не только злата на главѣ, и власовъ у нихъ не будетъ, и едва рубище найдутъ онѣ, чтобы прикрыть наготу свою. Такъ обезображены будутъ прекрасныя дщери Сіона.»

Превосходно изображаются воинственные, неутомимые народы, которыхъ Господь нашлетъ на Израиля. «Господь Саваоѳъ возъярился гнѣвомъ на людей Своихъ: Онъ подыметъ знамя народовъ отдаленныхъ; Онъ посвищетъ имъ, — и скоро и легко притекутъ они, и ополчатся на Израиля. Они не взалчутъ, не утрудятся, не воздремлютъ, не распояшутъ поясовъ, не отрѣщатъ ремня отъ

саногъ своихъ: ихъ стрѣлы остры, луки натянуты, копыта коней ихъ тверды, какъ камень,—колеса колесницъ ихъ — буря. Они разъярятся какъ львы, и бросятся на народъ, и никто не отниметъ народа отъ глада ихъ, и возстенаетъ онъ какъ море отъ бури, и взглянетъ народъ на землю окрестъ себя, и тьма непроницаемая будетъ отвѣтъ на его недоумѣніе.»

Пророки провидѣли погибель не одного своего народа, они Боговдохновенными очами зрѣли уже разрушеніе всѣхъ царствъ Востока и слитіе ихъ въ одномъ побѣдоносномъ царствѣ. Они принимали участіе не только въ Израильской жизни, но и въ жизни другихъ народовъ, и видѣли тѣ раны, которыя были началомъ смерти каждаго. Всѣ эти народы въ видѣніяхъ Пророковъ характеризованы съ большою точностію и вѣрностію.— Пророки были причастны замыслу Божію касательно всѣхъ народовъ. Такъ говоритъ Исаія, приступая къ своимъ политическимъ видѣніямъ. «*Сей Совѣтъ, Его же совѣща Господь на вселенную, и сія рука на вся языки вселенныя.* Яже бо Богъ святый совѣща, кто разоритъ? и руку Его высокую кто отвратитъ?»—«Грядетъ день неизцѣльный ярости и гнѣва Господня. Онъ положитъ всю вселенную пусту. Нашлетъ Господь на весь міръ народъ оружеборецъ, народъ Мидянъ стрѣлометателей.»—Вотъ пророчество о всеобщемъ Персидскомъ владычествѣ въ Азіи.—Здѣсь начинаются видѣнія на Вавилонъ, на землю Моавитскую, на Египетъ и на Тиръ.

Какъ прекрасно обрисована въ Вавилонѣ гордость, крѣпость и всепоглощающая страсть ко владычеству!

«И не населится Вавилонъ, ни пастухи не найдутъ въ немъ покоя; одни звѣри и строусы будутъ привитать въ немъ, и ежи найдутъ гнѣзда въ домахъ. — Сокрушенъ яремъ Князей и яремъ народовъ. — Вся земля ликуетъ. Кедры Ливанскіе веселятся и говорятъ: онъ уснулъ на вѣки; нѣкому будетъ рубить насъ. Адъ огорчился твоему пришествію. Мертвыхъ послалъ онъ тебѣ на встрѣчу; всѣ князи земли, всѣ цари народовъ встали съ престоловъ своихъ и говорятъ тебѣ: и ты плѣненъ какъ мы, и ты сравнялся съ нами. Твоя слава низшла во адъ: одръ твой — гніеніе, покровъ твой — червь. Какъ спала съ небесъ денница утренняя? Какъ сокрушилась язва всѣхъ языковъ? — Ты говорилъ про себя: на небо взыду; выше звѣздъ небесныхъ поставлю престолъ мой; сяду на горахъ высокихъ; взыду выше облакъ; буду подобенъ Вышнему. Нынѣ же ты низшелъ въ основанія земли. И дивятся народы и говорятъ: это ли человѣкъ, раздражающій землю, попирающій царей, опустошитель вселенной, разсыпающій грады ея, не разрѣшающій узы плѣненныхъ?»

Какъ вѣрно изображено потомъ изобиліе Египта и его богатство, состоящее въ водахъ Нила. «Пріидетъ Господь и на Египетъ: сотрясутся его рукотворные идолы; Египтяне испіютъ воду морскую, ибо рѣка оску-

дѣетъ и изсохнетъ. Изсохнетъ весь водный сонмъ, и злакъ зеленый весь по берегамъ рѣки, и сѣемое при рѣкѣ изсохнетъ отъ палящаго вѣтра. Возстенаютъ рыбари; восплачутъ земледѣльцы, сѣющіе ленъ и ткущіе дорогіе виссоны.»

За этимъ слѣдуетъ погибель народа торговаго, Финикіянъ. «Плачьте корабли Кароагенскіе; погибъ и Тиръ съ его пристанями. Чему можно было уподобить сѣмя купеческое, народъ Финикійскій, ходившій по морямъ? Жатвѣ полной, во градъ вносимой. Такъ Финикійскіе купцы вносили въ Тиръ сѣмяна, возращенныя водами разливающагося Нила. Устрашился ты, Сидонъ, сказало море. Кто умыслилъ сіе на Тиръ? Купцы его были славными Князьями земли.— Господь Саваоѳъ замыслилъ разсыпать всякую гордыню славныхъ и обезчестить всякое славное на землѣ. Изыди, городъ, сынъ моря, изъ земли своей, какъ малый ручей. Плачьте корабли: погибла ваша твердыня!»

Всѣ этѣ видѣнія заключаются общимъ видѣніемъ на вселенную. Здѣсь гнѣвъ и ярость Господня доходятъ уже до конца, въ устахъ Пророка.— «Господь обниметъ рукою Своею вселенную, какъ гнѣздо — и разсыплетъ ее. Тлѣніемъ истлѣетъ земля. Отъидетъ вся радость земли. Преклонится, зашатается земля, какъ упоенная виномъ, и падетъ и не возможетъ встать.—Всѣ народы обречены на закланіе. Раненые и мертвецы повергнутся въ одну громаду, и будетъ отъ нея смрадъ. Горы намок-

нутъ ихъ кровію. Истаютъ всѣ силы небесныя; небо совьется какъ свитокъ; звѣзды спадутъ какъ листы съ лозы. Упьется мечъ Божій, наполнится кровію, отолстѣетъ тукомъ. » — Какое страшное побоище народовъ! Какая великолѣпно-ужасная картина земли! И послѣ этого побоища, какъ ужасенъ этотъ Пророкъ въ кровавыхъ ризахъ! «Кто пришелъ отъ Эдома въ ризахъ червленыхъ?— Я, глаголющій судъ и спасеніе.—Отъ чего червлены ризы твои и упитаны какъ будто краснымъ сокомъ грозділ? — Я попралъ, говоритъ Пророкъ, народы въ своей ярости; я стеръ ихъ какъ персть, я слилъ ихъ кровь на землю и омочилъ свои ризы, и изведши нечестивыхъ, помянулъ Господа.»—Ужасенъ этотъ Пророкъ въ ризахъ, обагренныхъ кровію всего человѣчества: какъ страшно помянулъ онъ Господа!

Но сей же самый Пророкъ, подъ конецъ, надѣваетъ на себя ризу спасенія и ризу веселія. Богъ, говорящій его устами, гнѣвенъ только на все высокое, славное и гордое: Онъ смиритъ и гордаго человѣка, и кедръ Ливана, и дубъ Васанскій, и гору высокую, и храмъ высокій, и столпъ высокій, и стѣну высокую, и корабль на морѣ, и всякаго человѣка, подъемлющаго отъ земли главу свою.— Но тотъ же самый Богъ милостиво воззритъ на кроткаго и молчаливаго и трепещущаго словъ Его; Онъ есть покровъ жаждущихъ, духъ обижаемыхъ. Земля будетъ пустыня; погибнутъ народы; но какъ на отрясенной маслинѣ, какъ на обранномъ виноградѣ, остаются яго-

ды: шакъ осшанушся избранные, и возрадуюшся о Господѣ. Но гдѣ же они осшанушся? — все на Сіонѣ и въ Іерусалимѣ. Безпресшанно Пророкъ, послѣ каршинъ ужаса и ошчаянія, обращаешся къ эшой горѣ, какъ единой надеждѣ спасенія для всего человѣчесшва. Горе прибѣгающимъ къ Египшу помощи ради, уповающимъ на кони и колесницы, но не ищущимъ Господа. Онъ не хошѣлъ, чшобы народъ его, во время угрозы ошъ Ассиріянъ, искалъ помощи въ Египшѣ: ибо и съ шой и съ другой сшороны ожидало народъ рабсшво. Онъ обращаешъ его къ завѣшной горѣ, къ средошочію всей его жизни, гдѣ живешъ и не умрешъ мысль его народа.

Богъ Самъ вѣщаешъ народу: «Не бойся, Я съ шобою; со Мной пойдешь сквозь воду, не ушонешь; сквозь огнь, не опалишься.»—Такъ Пророкъ, послѣ гнѣва Господня, ушѣшаешъ народъ надеждою. Сими словами ушѣшенія вѣрояшно обязанъ былъ народъ благочесшію Царя Езекіи. Пѣсня мира и шоржесшва раздасшся въ Іерусалимѣ. На Сіонѣ Богъ будешъ судишь народъ. Осшанешся ошъ Израильшянъ малый осшашокъ, кошорый обрашишся къ Господу. Падушъ высокіе мечемъ; падешъ Ливанъ съ своими кедрами; но «ошъ корня Іессеева ошкинешся вѣшвь и процвѣшешъ, и Духъ Божій почіешъ на немъ, Духъ премудросши и разума, Духъ совѣша и крѣпосши, Духъ вѣдѣнія и благочесшія, и будешъ препоясанъ правдою по чресламъ, и обвишъ исшиною по ребрамъ. Се Дѣва во чревѣ зачнешъ и родишъ сына.»

Вотъ явное пророчество о Спасителѣ! Сквозь всѣ бури разрушеній, сквозь грозные шесть вѣковъ, онъ провидитъ вдали эту осіянную колыбель, гдѣ возлежитъ Богъ младенецъ и съ Нимъ спасеніе человѣковъ. Это есть тайная мысль Пророка, которая мерцаетъ сквозь всѣ его темныя видѣнія.

Обозрѣвши въ совокупномъ извлеченіи пророчество Исаіи, мы можемъ сказать о характерѣ его слѣдующее: Боговдохновенный Пророкъ сочеталъ гнѣвъ съ кротостію, горе съ надеждою, напасть съ помощію. Сильно живописуетъ онъ ярость раздраженнаго Бога, губящаго языки и народъ избранный; но всякое описаніе пагубы заключаетъ надеждою спастися праведнымъ. Его вдохновеніе не всегда исполнено страшныхъ и печальныхъ образовъ; послѣ бури, онъ всегда растворяетъ облака, отверзаетъ небо на своемъ возлюбленномъ родномъ Сіонѣ, и на тучи наводитъ блестящую радугу завѣта, символъ надежды на спасеніе.

ЧТЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Извѣстіе о пророкѣ Іереміи.—Главный характеръ его.—Содержаніе пророчества.—Укоры народу.—Предсказанія о плѣненіи.—Мѣста сильнѣйшія. Вопль пророка.—Гнѣвъ Бога на народовъ Восточныхъ. —Историческое сказаніе о плѣненіи.—Плачъ Іереміи и значеніе его.—Извѣстіе объ Іезекіилѣ.—Общее сходство его съ прочими пророками и содержаніе пророчества вообще.—Іезекіиль, творецъ образовъ.—Видѣніе славы Господней.—Іерусалимъ въ видѣ жены,—въ видѣ кедра, — въ видѣ львовъ. — Олицетвореніе меча. — Тиръ въ видѣ корабля. — Египетъ въ видѣ крокодила, — въ видѣ кипариса. — Видѣніе костей. — Мнѣніе ученыхъ о изобразительности Іезекіиля.—Общая характеристика трехъ разобранныхъ пророковъ.—Какимъ образомъ каждый изъ нихъ соотвѣтствовалъ своей эпохѣ?

Пророкъ Іеремія, сынъ Хелкіевъ, изъ Священниковъ, современникъ Пиѳагора, писалъ до плѣненія Вавилонскаго и во время онаго, и пророчествовалъ при Царяхъ Іосіи, сынѣ Аммоса, при Іоакимѣ, сынѣ Іосіи, при Седекіи, когда послѣдовало плѣненіе, и послѣ,—всего 40 лѣтъ. Навуходоносоръ позволилъ ему избрать мѣсто пребыванія,—и онъ предпочелъ остаться на развалинахъ Іерусалима. Впослѣдствіи говорятъ, что онъ за оставшимся народомъ убѣжалъ въ Египетъ и тамъ окончилъ жизнь

свою; но это едва-ли имѣетъ основаніе. Творенія Его суть: Пророчество и Плачь во время плѣненія. Пророчествуетъ онъ сначала о плѣненіи Вавилонскомъ, о гибели всѣхъ народовъ Азіи, о пришествіи Мессіи и проч. Въ пророчествѣ его, какъ и въ пророчествѣ Исаіи, находятся иногда отрывки историческіе. Онъ повѣствуетъ также о своихъ собственныхъ бѣдствіяхъ, о гоненіяхъ, какія терпѣлъ отъ Іудеевъ. Книгу сихъ пророчествъ написалъ другъ Іереміи, Варухъ, со словъ Іереміиныхъ, и читалъ ее плѣнникамъ въ Вавилонѣ.

Горестное состояніе отечества, утрата самобытности народной, постыдное плѣненіе, наконецъ собственныя несчастія Пророка, претерпѣвавшаго большія гоненія, положили мрачную печать скорби и унынія на его произведенія, которая самою рѣзкою чертою отличаетъ ихъ отъ писаній другихъ пророковъ.—Такъ разсказываетъ самъ Пророкъ о первомъ словѣ, бывшемъ къ нему отъ Господа: «Прежде чѣмъ *Я* создалъ тебя во чревѣ твоей матери, *Я* уже зналъ тебя; прежде чѣмъ вышелъ ты изъ ложеснъ,—*Я* уже освятилъ тебя и поставилъ пророкомъ въ народахъ.»—Іеремія отвѣчалъ Богу: «я отрокъ, не умѣю говорить.»—«*Н*е говори, что ты отрокъ, сказалъ Господь; куда пошлю, туда и пойдешь; что̀ повелю, то и будешь говорить.»—И прикоснулся Господь рукою устъ Іереміи и сказалъ: «*Я* вложилъ слова Свои въ уста твои; поставилъ тебя надъ языками и царствами, да

искоренишь, разрушишь и потомъ опять созиждешь и насадишь. Ратовать будутъ на тебя, но не премогутъ тебя, ибо Я съ тобою.» Изъ этого видѣнія мы усматриваемъ, что Іеремія отказывался отъ призванія Господня.—Исаія, увидѣвъ Бога въ великолѣпномъ Его чертогѣ, самъ желалъ повѣдать о Немъ и просилъ только очищенія устъ своихъ. Іезекіилю также сладокъ былъ свитокъ, въ которомъ было написано будущее. Іеремія же отрекался отъ призванія: ужь отсюда мы видимъ, что это призваніе было тяжкое, трудное, ибо наступалъ великій переломъ для Израильскаго народа, въ которомъ Іеремія долженствовалъ быть дѣйствующимъ лицемъ, — этотъ плѣнъ, это 70ти лѣтнее искушеніе, въ коемъ могла погибнуть самобытность Израильскаго народа.

Въ томъ же порядкѣ, въ какомъ протекала жизнь пророка и событія историческія, мы пройдемъ и его писанія. Этотъ способъ тѣмъ вѣрнѣе, что въ словахъ пророковъ, уже по самому назначенію ихъ, должна была выражаться современная жизнь; ибо слово ихъ всегда имѣло цѣлію дать истинное направленіе народу. Этотъ способъ особенно приличенъ при разборѣ Пророчествъ Іереміи потому, что въ нихъ болѣе, чѣмъ въ другихъ, преобладаетъ стихія историческая.

Пророчество Іереміи, какъ и прочія, начинается напоминаніемъ о благодѣяніяхъ Божіихъ и укоризнами народу. Характеръ послѣдней пѣсни Моисеевой напечат-

лѣнъ повсюду. Іеремія, еще болѣе чѣмъ Исаія, нападаетъ на идолопоклонство, которое при немъ, какъ видно, стало гораздо болѣе распространяться, отъ вліянія народовъ иноплеменныхъ. Война, торговля, образованіе сближали племена Азіи между собою. По подробной и вѣрной характеристикѣ всѣхъ Азіатскихъ странъ, которую мы видимъ въ пророкахъ, уже можно замѣтить, что этѣ страны все болѣе и болѣе становились извѣстны Израильскому народу. Сіи-то сношенія были причиною того, что идолопоклонство усиливалось. Первые укоры народу изъ устъ пророка Іереміи суть укоры въ поклоненіи кумирамъ и въ томъ, что Израильскій народъ подчинился народамъ чужеземнымъ.

«Сыны Мемфиса и Тафны познали тебя, Іерусалимъ, и поругались тебѣ. За чѣмъ ты ходишь въ Египетъ? За тѣмъ ли, чтобъ пить воду болотную? За чѣмъ путь тебѣ въ Ассирію? За тѣмъ ли, чтобъ напиться воды рѣчной?» Изъ этого вы видите, что Израильскій народъ находился тогда между вліяніями двухъ державъ сильныхъ, Египетской и Ассирійской. Пророки противились и тому и другому. Съ этимъ вмѣстѣ сопряжены укоры и противъ идолопоклонства. Какъ прекрасно говоритъ Господь въ Своей ревности!

«Забудетъ ли невѣста красоту свою, дѣва мониста персей?—а люди Мои Меня забыли. Лжепророки ихъ пророчествовали о Ваалѣ. Древу сказали они: ты мой

отецъ, камени: ты родилъ меня. На всякомъ холмѣ высокомъ, подъ всякимъ древомъ лиственнымъ, они пожрали кумирамъ.»

Пророкъ, изображая ревность Божію и идолопоклонство народа, употребляетъ нарочно образъ самый позорный для того, чтобы указать народу на его униженіе. Онъ сравниваетъ Израиль съ блудницею.

Грозенъ гнѣвъ Господа за эту измѣну, за всѣ грѣхи его. — «Грѣхъ Іудинъ написанъ писаломъ желѣзнымъ на ногтѣ адамантовомъ и начертанъ на скрижали сердца ихъ.» Господь говоритъ: «Если бы даже Моисей и Самуилъ просили Меня о людяхъ сихъ, душа Моя не лежитъ къ нимъ. Да избудутъ они. Куда идти намъ? спросятъ они тебя. Скажи имъ: обреченные на смерть, идите къ смерти, на мечъ—къ мечу, на гладъ—ко гладу, на плѣнъ—во плѣнъ. Четыремя образами казню ихъ: пошлю мечи на закланіе ихъ, псовъ на растерзаніе, птицъ небесныхъ и звѣрей земныхъ—на пожраніе.»

Но откуда Господь нашлетъ всѣ бѣды на народъ Свой? все отъ Сѣвера. «Отъ лица Сѣвера возгорятся злая на всѣхъ живущихъ на земли. Отъ Сѣвера созову всѣ земныя царства, и каждое поставитъ свой престолъ предъ вратами Іерусалима.»—Потомъ далѣе: «Наведу на васъ языкъ съ Сѣвера, языкъ сильный, языкъ старый. Тулъ его какъ гробъ отверстъ. Онъ потребитъ жатву

вашу, хлѣбы, сыновъ, дщерей, овсцъ, тельцовъ, виноградъ и маслины ваши. Гласъ его какъ море шумящее; на коняхъ и колесницахъ ополчится какъ огонь. Не исходите на нивы, на пути: мечъ вражій обитаетъ окрестъ. Дочь Израиля, опояшись врѣтищемъ, посыпли пепломъ главу свою, возрыдай и рыдай горько»!

Такія предсказанія о Вавилонскомъ плѣненіи составляютъ главное содержаніе пророчествъ Іереміи. Исаія предвидитъ также это плѣненіе; но оно еще для него отдаленно. Іеремія же самъ, уже въ настоящемъ, не только предусматриваетъ близость этого плѣна, но даже чувствуетъ и необходимость покориться несчастію. Исаія ощущаетъ еще силу и самобытность своего народа, и эта сила сообщается и гнѣвному слову его. Іеремія также исполненъ укоризны, но гнѣвъ его слабѣе гнѣва Исаіи. Онъ уже чувствуетъ немощь и безсиліе въ своемъ народѣ; онъ видитъ даже ужасную необходимость идти въ плѣнъ, — и потому гнѣвъ его переходитъ въ скорбь и сердце въ плачъ. Тѣ мѣста его пророчества особенно превосходны, въ которыхъ выражается это чувство скорби, основное чувство всей жизни Іереміи:

«Чрево мое, чрево мое болитъ; смущается душа моя; терзается мое сердце: не умолчу, ибо гласъ трубы услышала душа моя, вопль рати и бѣды.» — Пророкъ чуткимъ ухомъ слышитъ издали вопли этой войны, которая кончится плѣномъ его народа, топотъ коней и звукъ мечей

воинскихъ, которые уже сверкаютъ надъ его отчизною. И онъ не въ силахъ схватить меча, и льетъ слезы.

«Кто дастъ главѣ моей воду, очамъ моимъ источникъ слезъ? Да восплачу день и ночь о побіенныхъ людяхъ моихъ. Кто дастъ мнѣ въ пустыни обитель одинокую, да покину народъ свой? Онъ есть сборище преступниковъ. Онъ налящаетъ языкъ свой какъ лукъ и стрѣляетъ безстыдно ложью и неправдою.»—И далѣе: «Призовите лучшихъ плачевницъ, да подымутъ надъ вами плачъ, да изведутъ очи ваши слезы, вѣжды ваши да изліютъ воду. Гласомъ плача огласился Сіонъ. Матери: учите дочерей своихъ рыданію,— и всякая учи подругу свою искреннюю плачу. Смерть взошла сквозь окна ваши.»

Ничто не можетъ лучше изобразить временъ бѣдствія и скорби, въ которыя жилъ Іеремія, какъ эти слова, обращаемыя къ нему Господомъ: «Не бери жены, да не родится у тебя ни сынъ, ни дочь: ибо всѣ изомрутъ лютою смертію и не оплачутся, не погребутся; не преломятъ хлѣба къ утѣшенію надъ мертвымъ, и не будутъ пить надъ нимъ чаши отрадной.—Отниму отъ сего мѣста гласъ радости и гласъ веселія, *гласъ жениха и гласъ невѣсты*. Ужь не будутъ говорить: живъ Богъ, изведшій насъ изъ земли Египетскія, а живъ Богъ, изведшій насъ изъ земли сѣверныя!»

Вотъ какая страшная година наступаетъ для Израильскаго народа, что онъ долженъ будетъ перемѣнить эру свою, ознаменованную избавленіемъ отъ величайшаго бѣдствія, и считать годы своей жизни отъ другаго, еще ужаснѣйшаго.

Иногда горестный вопль Пророка переходилъ въ отчаяніе, особливо тогда, какъ онъ терпѣлъ гоненія народа, ему не внимавшаго. Таково, на примѣръ, это мѣсто: «Проклятъ день, когда я родился. Проклятъ мужъ, возвѣстившій отцу моему, что родился ему сынъ, и возвеселившій его радостію. Да будетъ онъ, какъ грады, постигнутые яростію Бога, за то, что не убилъ меня въ лонѣ матери: лучше бы мать моя была мнѣ гробомъ. За чѣмъ я вышелъ изъ ея утробы? чтобы видѣть труды, болѣзни, и кончить дни свои въ посрамленіи.» Здѣсь плачъ Іереміи напоминаетъ намъ плачъ Іова.—Такъ лучшія поэтическія мѣста его пророчества упитаны слезами. Мы увидимъ въ послѣдствіи, какъ изъ этого чувства скорби вылилось лучшее его произведеніе, въ которомъ выразилась высочайшая минута въ его жизни, минута, для коей онъ былъ призванъ Богомъ изъ среды своего народа.

Чувство непрестанной грусти ослабляетъ силу гнѣва Іереміина; но когда обращаетъ онъ пророчество свое на иноплеменныхъ народовъ, и особенно на Вавилонъ, тогда слово его еще получаетъ силу, и гнѣвъ его дышетъ яро-

сЕнію. Іеремія, шакъ-же какъ и Исаія, провидѣлъ разрушеніе Царсшвъ Азіи и поглощеніе оныхъ Царсшвомъ Персидскимъ.—Гнѣвно ополчаешъ онъ всѣхъ народовъ сѣвера на Вавилонъ. «Мечь на Халдеевъ, глаголешъ Господь, и на жишелей Вавилона, и на князей и на мудрецовъ; мечь на обаяшелей, мечь на сильныхъ его, мечь на коней его, на колесницы его, мечь на сокровища его, на воды его. Отъ гласа плѣненія Вавилонскаго попрясешся земля, и вопль во языкахъ слышанъ будешъ. Чаша злашая—Вавилонъ въ рукѣ Господней: отъ нея пили всѣ народы и потряслись. Внезапу палъ и самъ Вавилонъ: плачьше по немъ. Воздвигнише знамя на земли, вострубише шрубою въ языкахъ, возведише на него языки, Царя Мидскаго и всея земли: ибо Вавилонъ возсталъ на умышленіе Господне. Наступило на Вавилонъ море въ шумѣ волнъ своихъ, и покрылся онъ.»

Прекрасно описаніе этого веселаго пира всей Азіи надъ погибелью Вавилона; но не льзя сравнишь его съ торжественнымъ нисшествіемъ Вавилона въ адъ, какое мы видѣли у Исаіи.

Лучшее поэтическое мѣсто во всемъ пророчествѣ Іереміи на иноплеменныхъ народовъ есть глава 25. Господь вручаетъ чашу Своего гнѣва пророку, и пророкъ подноситъ ее по очереди всѣмъ народамъ, сначала Іерусалиму и Іудеѣ, потомъ Египту, Эдому, Моаву, Тиру, царямъ Аравіи, и Вавилонъ пьетъ изъ нея послѣдній. И всѣ на-

роды пьютъ противъ воли своей изъ этой чаши, и пьянѣютъ, и падаютъ при видѣ меча Господня, который уже идетъ на нихъ. Ничто не можетъ быть величественнѣе этого образа. Мысль объ этомъ образѣ, правда, мы находимъ въ Исаіѣ: у него только земля, какъ упоенная виномъ, шатается и падаетъ. Но здѣсь тотъ же образъ болѣе развитъ,—и этотъ пророкъ, подносящій слово свое въ видѣ чаши гнѣва Господня всѣмъ народамъ, превосходенъ. Зд сь сила Іереміи равняется силѣ Исаіи.

Вмѣстѣ съ горестью пророкъ предлагаетъ и утѣшеніе. Онъ предвѣщаетъ освобожденіе отъ плѣна; но должно сказать, что эта надежда представляется въ отдаленіи. «Не плачьте мертваго, не рыдайте о немъ, говоритъ онъ: плачьте плачемъ о исходящемъ, ибо не возвратиться ему, не увидѣть земли своего рожденія.» — Такъ и въ надеждѣ видна грусть. Но вдали открывается отрада: «Развѣявый Израиля соберетъ его и снабдитъ его какъ пастырь стадо свое. Съ плачемъ они вышли, съ веселіемъ опять введу ихъ.»—Надежда поколѣній погибаетъ, но надежда цѣлаго народа не погибла. Плѣнный будетъ свободенъ, по крайней мѣрѣ, въ своихъ дѣтяхъ и внукахъ, въ своемъ потомствѣ.

Наконецъ наступило для пророка время борьбы, время испытанія. Іерусалимъ осажденъ Вавилонянами. Пророкъ видитъ неминуемую бѣду, видитъ невозможность защиты и долженъ признать необходимость плѣна. Онъ

вынужденъ даже, отъ имени Господа, сказать это горькое слово народу: «кто останется во градѣ семъ, тотъ умретъ мечемъ, гладомъ и моромъ; кто же пойдетъ къ Халдеямъ въ плѣнъ, тотъ живъ будетъ.»—Донесли Царю на Іеремію, что онъ разслабляетъ мужество народа и отнимаетъ у воиновъ духъ, необходимый для защиты, доказывая неизбѣжность плѣна.—Велѣно Пророка заключить въ тинную яму. Авдемелехъ, вельможа Царскій, совѣтуетъ Седекіи призвать къ себѣ Пророка. Онъ призванъ, и передъ лицемъ Царя подтверждаетъ тоже, и опять заключенъ въ ровъ темничный.

Предсказаніе Пророка сбылось. Онъ, освобожденный врагами изъ темницы, былъ свидѣтелемъ ужаснаго событія. На его глазахъ, младый Царь Іудеи, Седекія, отведенъ во плѣнъ и лишенъ очей, и сыны Царя убиты,—и 4600 Іудеевъ отведено въ Халдею. На его глазахъ, сожжены и домъ царскій, и великолѣпный храмъ Соломоновъ, и вынесены изъ нихъ всѣ золотыя и серебряныя сокровища, и столпы мѣдяные, и море мѣдяное (*), которымъ славилась Іудея на Востокѣ, и вѣнецъ, и чаши, и ѳиміамники, и кадильницы, и чашицы.—И видѣлъ Іеремія,

(*) Это мѣдное море могло вмѣстить 3,000 мѣръ воды и служило для омовенія священниковъ: оно имѣло видъ шеститилиственной лиліи и поддерживалось 12-ю волами изъ тогоже метала. См. Начерт. Церковно-Библейской Исторіи Митрополита Филарета, стран. 372.

какъ вся гордость, слава и богатство Іерусалима переносились въ Вавилонъ. Но когда Навуходоносоръ предложилъ Іереміи мѣсто, какое хочетъ онъ избрать для жительства,—Іеремія предпочелъ украшенному Вавилону Сіонское пепелище.

Когда пророкъ увидѣлъ плѣненіе своего народа и невозможность оружіемъ и кровью искупить самобытность своего отечества,—какое послѣднее средство оставалось къ тому, чтобы, по крайней мѣрѣ, поддержать чувство единства въ народѣ плѣненномъ, послѣднее чувство жизни?—Сѣсть на пепелищѣ Іерусалима, пепломъ его посыпать главу свою, и рыдать громкимъ воплемъ, и этимъ воплемъ сзывать сердца къ родному Сіону.—Вотъ временное значеніе Плача Іеремієва, этой высокой отечественной Элегіи, которая избавила на время народъ Іудейскій отъ гражданскаго небытія и въ которой совершенно выразились характеръ и призваніе Іеремія. Изъ пророчествъ его мы видѣли, какъ въ очахъ его уже копились слезы о Сіонѣ,—и вотъ, этотъ скопившійся источникъ вылился обильнымъ потокомъ на пожарищѣ Іерусалима, и Пророкъ нашелъ *главѣ своей воду и очамъ источникъ слезъ,* о которыхъ взывалъ онъ прежде,—и душа его, рожденная для слезъ объ отечествѣ, выразилась въ пѣснопѣніи Боговдохновенномъ.

Видно, что Богъ Израильскій прилагалъ попеченіе о Своемъ народѣ. Въ самую скорбную минуту жизни, Онъ

послалъ ему чувствительную душу Пророка Іереміи, а не гнѣвное слово Исаіи. Во время бѣдствія неизбѣжнаго, гнѣвъ и упорность были бы неумѣстны. Нужна была душа страдательная, уклончивая и терпѣливая, какова была душа Іереміи. Нужны были слезы такой души, для цѣленія ранъ отечества.

«И бысть, повнегда въ плѣнъ отведенъ бѣ Израиль и Іерусалимъ опустошенъ бяше, сядѣ Іеремія пророкъ плачущъ, и рыдаше рыданіемъ надъ Іерусалимомъ.»— Вотъ минута, на которую былъ рожденъ Іеремія! Какое высокое чувство любви отечественной мы находимъ въ этомъ рыдающемъ стражѣ своего роднаго пепелища! Такъ изобразила его кисть великаго Микель-Анжело: онъ сидитъ у него, въ глубокой горести, склонивши главу на лѣвую руку и устремивъ очи внизъ на землю опустошенную.—Представивъ себѣ пророка въ этомъ положеніи, мы поймемъ всю силу и красоту стиховъ его высокой *Элегіи по отечествѣ*.

«Какъ это совершилось, что Іерусалимъ, сей градъ многолюдный, сидитъ какъ вдовица; прежній Царь другихъ градовъ—теперь данникъ?—Онъ проводитъ ночи въ слезахъ: изъ всѣхъ любящихъ его никто его не утѣшитъ. Всѣ друзья вѣроломно его покинули. Пути Сіона рыдаютъ, ибо никто не ходитъ по нимъ въ праздники; врата его вросли въ землю. Жрецы воздыхаютъ. Красота дочерей его обезображена. Князья его, какъ овны

безъ пажити, безсильные, бѣгутъ предъ лицемъ пастыря. Старѣйшины его сѣли на землѣ и умолкли, посыпали перстію главы свои, препоясались вретищемъ.—Младенцы просили хлѣба и отъ голода, отъ ранъ, изливали свои души въ лоно матерей своихъ. Всѣ проходящіе, всплеснувъ руками, покивали главой и говорили: «это ли градъ, вѣнецъ славы, веселіе всей земли?»—Оскудѣли очи мои въ слезахъ, смутилось мое сердце, излилась слава моя на землю слезами отъ сокрушенія душевнаго. Стѣны Сіона, какъ водотеча, да ліютъ слезы день и ночь. Сердце мое да выльется все, какъ вода, предъ лицемъ Господнимъ.»

Этотъ плачъ, содержащій въ себѣ четыре главы, и раздѣленный на стро́фы, по числу буквъ Еврейской Азбуки, заключается утѣшительною молитвою къ Богу объ освобожденіи Іудейскаго народа.

Кромѣ сего возвышеннаго плача, котораго значеніе вамъ теперь ясно, извѣстно посланіе отъ Іереміи къ народу, отводимому въ плѣнъ, противъ идолопоклонства; но ученые толкователи говорятъ, что это посланіе или прямо написано на Греческомъ языкѣ, или есть преложеніе Греческое слишкомъ вольное, обличаемое слогомъ своимъ. (*)

(*) См. Начертаніе Церковно-Библейской Исторіи, соч. Митрополита Филарета. Изданіе. 3-ое. 1827. стран. 303.

Вмѣстѣ съ 4600 плѣнныхъ Іудеевъ, которые отходили въ землю Халдейскую, по повелѣнію Навуходоносора, покидалъ со слезами родную страну свою, юный сынъ священника Вузія. Изо всѣхъ плѣнныхъ, на этого юношу особенно, Господь обратилъ Свое око. — Въ то время, какъ печальный Іеремія оставался на стражѣ отечественнаго пепелища, — нужно было послать къ народамъ другаго вдохновеннаго избранника Божія, который, во время плѣненія, долженъ былъ напоминать народу о Богѣ, поддерживать въ немъ надежду на избавленіе отъ плѣна, и тѣмъ укрѣплять народное чувство. Этотъ избранникъ былъ Іезекіиль. Онъ пророчествовалъ народу во время Вавилонскаго плѣненія, при Царѣ Іоакимѣ, наслѣдникѣ Седекіи.

По мнѣнію Гроція, Іезекіиль есть самый ученѣйшій изо всѣхъ пророковъ. Въ немъ видно особенное глубокое познаніе Государственнаго устройства и торговли всего Востока. Находясь въ землѣ чужой, онъ вѣроятно имѣлъ болѣе случая узнать все это, чѣмъ его предшественники, которые уступятъ ему въ этомъ знаніи.

Іезекіиль также неистощимъ въ укоризнахъ отъ Бога народу, какъ и другіе пророки; также, какъ и Іеремія, предвѣщаетъ онъ народу четыре образа казни: смерть, голодъ, мечъ и расточеніе; также какъ онъ, гремитъ противъ идолопоклонства; заимствуетъ даже въ этомъ случаѣ посрамляющее сравненіе у Іереміи, но еще силь-

нѣе поноситъ Израиля, чѣмъ Іеремія; такъже ратуетъ со лжепророками; также какъ Исаія сначала немилосердъ въ предвѣщаніяхъ и восклицаетъ: «Горе на горе, вѣсть на вѣсть; не будетъ и видѣній отъ пророка; законъ погибнетъ у жреца, совѣтъ у старцевъ;»—но послѣ такихъ гнѣвныхъ предвѣщаній, онъ обѣщаетъ соединеніе расточенныхъ, предлагаетъ въ подробности планъ храма, который имѣетъ быть вновь сооруженъ изъ развалинъ, и дѣлаетъ начертаніе тому, какъ по возвращеніи должны быть разселены племена Израильскія.—Также провидитъ онъ сокрушеніе всѣхъ царствъ Востока, и также каждому изъ нихъ изрекаетъ свою кончину, кромѣ одного Вавилона, о которомъ говоритъ не прямо, но намѣками. Плѣненіе не позволяло ему говорить слишкомъ открыто, дабы не навлечь новыхъ бѣдствій на народъ свой. Часто находитъ онъ отношеніе между Египетскимъ рабствомъ и Вавилонскимъ, вѣроятно съ тою цѣлію, чтобы воспоминаніемъ о Египтѣ возбудить въ народѣ еще большее омерзеніе къ постыдному плѣну Вавилонскому и внушить надежду на вторичное избавленіе отъ руки Господа. Изрекая гибель на Египетъ и на Тиръ, онъ казнитъ ихъ за то особенно, что они не предложили никакой помощи Іудеѣ, что Египетъ былъ для нея тростянымъ жезломъ, а Тиръ еще радовался ея гибели.

Во всемъ этомъ Іезекіиль болѣе или менѣе сходится съ пророками, ему предшествовавшими. Что́ же собственно

характеризуетъ его въ поэтическомъ отношеніи, и его жизнь въ Вавилонѣ не имѣла ли какого нибудь участія въ характерѣ его поэтическихъ образовъ?

Съ перваго взгляда на внѣшнюю только сторону пророчества Іезекіиля мы можемъ замѣтить, что поэтическая ихъ часть блещетъ удивительнымъ богатствомъ образовъ, иногда самыхъ великолѣпныхъ, иногда самыхъ чудесныхъ. Что у Исаіи выражается въ сильномъ, вдохновенномъ, гнѣвномъ словѣ, что у Іереміи выливается въ глубокомъ чувствѣ скорби,—то у Іезекіиля пріемлетъ самый полный, поэтическій образъ.—Сила вообразительная въ высочайшей степени отличаетъ видѣнія Іезекіиля отъ видѣній другихъ пророковъ.—Онъ уклоняется отъ дидактики и краснорѣчія, которыя довольно обильны въ пророчествахъ Исаіи. Онъ любитъ всему дать картину и описать ее въ подробностяхъ. Іезекіиль изъ пророковъ есть изобразитель по преимуществу.

Чтобы увидѣть это на дѣлѣ, мы пройдемъ вкратцѣ его пророчество, замѣтимъ всѣ его образы и остановимся на нѣкоторыхъ изъ нихъ, не столько общеизвѣстныхъ.

Самое первое видѣніе, въ какомъ предстала Іезекіилю слава Господня и которое носится, можно сказать, по всему его пророчеству, характеризуетъ намъ его съ перваго раза. Это есть таинственное видѣніе четырехъ

живошныхъ крылатыхъ, съ лицами человѣка, льва, шельца и орла, и четырехъ колесъ, исполненныхъ очей и неутомимо вращающихся за живошными. Надъ эшимъ видѣніемъ, на шверди небесной, — сапфирный пресшолъ и на немъ ликъ человѣка, весь огненный. Эшо символъ Господней славы, въ кошоромъ явился пророку Адонаи Господь, въ первый разъ.—Тогда-шо онъ палъ ницъ предъ Нимъ, и духъ его поднялъ, и принялъ онъ въ усша ошъ Бога свишокъ книжный, въ немъ же написано было и preднее и заднее, и вписаны рыданіе, жалосшь и горе, и пророкъ напишался эшимъ свишкомъ, и сладокъ былъ онъ ему, какъ медъ. — Исаія видѣлъ Бога въ чершогѣ небесномъ, какъ Царя; Іеремія слышалъ просшо голосъ Божій; но здѣсь вы видише образы гораздо сложнѣе, чудеснѣе, загадочнѣе и досшупнѣе чувсшвамъ.

Іерусалимъ предсшавляешся пророку, сначала въ видѣ прекрасной жены, убранной богашо и великолѣпно, кошорая пошомъ дѣлаешся жершвою развраша всѣхъ народовъ. — Пошомъ сравниваешся Іерусалимъ съ кедромъ: орелъ великій, великокрылый, исполненный ногшьми, занесъ сѣмя кедра въ землю Хананейскую, и разросся онъ великолѣпно,—и другой орелъ, ш. е. царь Вавилона, сокрушилъ его, и кедръ сгнилъ до корней. Но Господь возмешъ избранную вѣшвь ошъ высокаго кедра и посадишъ ее снова на горѣ высокой, и сошворишъ она плодъ, и выросшешъ кедромъ, и почіешъ подъ его сѣнью всякій звѣрь и всякая пшица.

21*

Далѣе, онъ сравниваетъ еще Израиля со львами, изъ которыхъ одинъ попался въ сѣти Египту, а другой Вавилону, потомъ съ виноградомъ. Все является ему въ образахъ.

Прекрасно олицетвореніе меча, которымъ Господь губитъ Израиль. Часто упоминаютъ пророки объ этомъ всегубительномъ мечѣ ярости Господней; но ни одинъ изъ нихъ не сдѣлалъ изъ него такого живаго поэтическаго и полнаго образа, какъ Іезекіиль.

«Мечъ, мечъ, изострися, разъярись, возблистай блескомъ, сѣки, истребляй, отрѣшай всякое древо! Сыны Израиля предаются на усѣченіе мечное. Остеръ сей мечъ, хорошъ на посѣченіе, славно онъ сверкаетъ. Проходи-же, мечъ, какъ молнія; изощряйся справа и слѣва, всюду, куда ни пойдешь. Я самъ буду рукоплескать тебѣ. Мечъ, мечъ, извлеченный на усѣченіе, извлеченный на скончаніе, двигнись, да блеснетъ. Пади на выи беззаконниковъ, но потомъ возвратись въ ножны свои. Я уже на тебя излію гнѣвъ свой. Ты будешь снѣдію огня. Кровь твоя будетъ посреди земли твоея и не будетъ твоей памяти.»

Очень вѣроятно, что въ видѣ этого меча олицетворяется Вавилонъ, завоеватель и бичъ народовъ. Плѣнный Пророкъ долженъ былъ прибѣгать къ олицетвореніямъ

шакого рода. Онъ часто говоришъ объ эшомъ мечѣ—губишелѣ. Адонай Господь глаголешъ пророку: «сынъ человѣчь, я посшавилъ шебя сшражемъ дому Израилеву. Когда увидишь шы мечъ, грядущій на него,—возвѣсши о немъ народу.»—Изъ эшого образа уже видно, чшо эшошъ грядущій мечъ есшь Вавилонъ: ибо слова Пророковъ, сшражей независимосши народной, сшали раздавашься сильнѣе съ шѣхъ поръ, какъ Вавилонъ, эшошъ мечъ между народами, началъ угрожашь блесшящимъ осшріемъ своимъ.

Тѣмъ вѣрояшнѣе эшо олицешвореніе, чшо о паденіи Вавилона нѣшъ никакого особеннаго пророчесшва у Іереміи, если шолько пророчесшво о Гогѣ и Магогѣ не принять за иносказаніе о гибели Вавилона.

Возврашимся къ харакшерисшикѣ образовъ Іезекіиля. Какъ Вавилонъ у него мечъ, шакъ Тиръ есшь корабль, Египешъ крокодилъ, а въ другомъ мѣсшѣ — кипарисъ. — Исаія, въ своихъ видѣніяхъ на сшраны чуждыя, харакшеризуешъ ихъ просшо природою ихъ и заняшіемъ. Іезекіиль же всякую изъ сшранъ воплощаешъ въ особенный образъ. Осшановимся на изображеніяхъ Тира и Египша.

Тиръ предсшавленъ въ видѣ корабля, украшеннаго и нагруженнаго всѣми роскошными дарами шорговли восшока. Здѣсь особенно замѣчашельны всѣ подробносши въ описаніи эшой шорговли.

«Въ сердцѣ моря блисталъ корабль. Сыны Тира его украсили. Истесали на него кедръ изъ Санира. Сошкали его изъ досокъ отъ кипарисовъ Ливана. Изъ дубовъ Васанскихъ сдѣлали ему весла. Тонкій ленъ Египта на парусахъ его. Багряница острововъ Элиссы на его флагѣ. Всѣ безцѣнные камни его украшаютъ. Князи Сидона и Арада—его гребцы; премудрые Тира—кормчіе. Всѣ корабли и суда морскіе вились около него. Всѣ народы нагружали его своими сокровищами. Персы и Лидяне несли ему щиты и шлемы. Карѳагеняне—злато, сребро, мѣдь, желѣзо, олово. Эллада—рабовъ своихъ. Сыны Родоса—зубъ слоновый. Іуда и Израиль—пшеницу, медъ и елей. Дамаскъ—вино Хелвонское, волну блещущую Милета. Ассіилъ—желѣзо дѣланое. Аравія—верблюдовъ, овновъ и агнцевъ.—Купцы Саввы и Раммы—сладости и камни дорогіе.»—Какое богатое описаніе всей торговли Востока!—«Ты пресытился всѣмъ этимъ, корабль, ты отягчалъ въ сердцѣ моря. Вода не сдержала тебя: вѣтръ южный сокрушилъ тебя; всѣ кормчіе и совѣтники пали съ тобою въ сердце моря. Цари народовъ морскихъ сходятъ съ престоловъ, свергаютъ вѣнцы съ главъ, совлекаютъ съ себя испещренныя ризы и ужасаются ужасомъ. Острова въ морѣ мятутся отъ твоей погибели. Купцы разноплеменные сопровождаютъ ее свистомъ: ибо ты былъ имъ обидою, и не будешь тебя во вѣкъ, и на мѣстѣ Тира рыбаки сушатъ свои мрежи.» Великолѣпно это кораблекрушеніе перваго торговаго царства роскошной Азіи. Рѣдко найти можно во всей поэзіи образъ столь

полный, стройный, и вмѣстѣ значительный, какъ это описаніе.

Также Фараонъ или Египетъ сравнивается со зміемъ или крокодиломъ, который говоритъ: «мои всѣ рѣки.» Господь изведетъ его на удѣ и простретъ по землѣ, и наполнитъ имъ поля, и посадитъ на него птицъ небесныхъ, и насытитъ имъ всѣхъ звѣрей земныхъ, и плотью его и кровью наполнитъ горы, землю, дебри, и покроетъ небо и звѣзды тьмою.—Здѣсь изобиліе Египта изображено фигурально, посредствомъ тучности крокодила, а не просто описано, какъ у Исаіи.

Далѣе слѣдуетъ сравненіе Египта съ кипарисомъ. «Се Ассуръ—кипарисъ на Ливанѣ, добръ отраслями, высокъ величествомъ, частъ покровомъ; среди облакъ власть его; вода воспитала его; бездна вознесла его; онъ простеръ свои составы ко всѣмъ древамъ поля. Его величество вознеслось выше древесъ; расширились его вѣтви. Возгнѣздились въ нихъ птицы небесныя; подъ нимъ раждались звѣри; подъ сѣнію его веселились народы. Кипарисы рая питали къ нему ревность. И за гордость его, Господь попустилъ чуждыхъ губителей сокрушить его—и они повергли кипарисъ на горахъ, и по всѣмъ дебрямъ распались его вѣтви, и всѣ птицы съ нимъ пали. Да не возносятся же величествомъ древеса! Да не властвуютъ среди облаковъ! Когда сошелъ онъ въ адъ, плакала о

немъ бездна, и утѣшали его въ аду меньшія деревья; ибо и они сошли съ нимъ вмѣстѣ.»

Наконецъ, какой образъ такъ поэтически—возвышенъ и великолѣпно-ужасенъ, какъ дивное воскресеніе костей человѣческихъ, это пророчественное сказаніе о всеобщемъ воскресеніи, которое одушевляло геній и кисть Микель-Анжело, когда изображалъ онъ Страшный Судъ! Какъ воображеніе художника постигло сильную живопись этихъ словъ: «и совокуплялись кости, кость къ кости, и каждая къ своему составу, и натягивались на нихъ жилы, и росла плоть, и облекались они кожею, а духа въ нихъ не было. И отъ четырехъ вѣтровъ дунулъ въ трупы духъ жизни, и ожили они, и стали на ногахъ: соборъ многій.»—Великій художникъ Италіи понялъ вдохновеннаго Пророка-пѣснопѣвца и кистью перевелъ слова его въ видимые образы.

Изъ предложенныхъ примѣровъ вы можете видѣть, что все у Пророка принимаетъ характеръ зримаго, доступнаго чувству, осязаемаго образа. Изобразительность есть главный отличительный характеръ священной Поэзіи Іезекіиля, въ отношеніи къ другимъ пророкамъ. Въ его созданіяхъ болѣе, такъ сказать, пластическаго и живописнаго искусства, чѣмъ въ двухъ первыхъ Пророкахъ. Въ Даніилѣ мы видимъ тоже самое. Вотъ почему великіе живописцы Христіанскіе имѣли особенное сочувствіе съ Іезекіилемъ,—и оба великіе Генія

кисти запечатлѣли въ чудныхъ произведеніяхъ два великіе его образа. Я уже напоминалъ о томъ, какъ Микель-Анжело одушевился его видѣніемъ оживающихъ костей. Рафаэль изобразилъ видѣніе четырехъ животныхъ и Бога.

Ученые критики говорятъ, что сношенія Іезекіиля съ Халдеями имѣли вліяніе на богатство его образовъ и на ихъ загадочность. Правда, что онъ въ юности своей переведенъ былъ въ Халдею и что новый міръ, среди коего онъ находился, могъ подѣйствовать на его воображеніе. Его окружали чувственные образы, рукотворные кумиры языческаго Вавилона. Эта стихія могла поразить земную стихію его духа, воображеніе, и напечатлѣть свой слѣдъ на нѣкоторыхъ его созданіяхъ. Но она совершенно противилась Божественному духу, его осѣнявшему, — и потому должна была освятиться инымъ значеніемъ, сообразнымъ чистой вѣрѣ пророка. Такъ, въ храмѣ Соломона, мы видимъ вліяніе Финикійскаго зодчества, потому что строилъ его Тирскій художникъ; но Богъ, благоволившій освятить сей храмъ Своимъ присутствіемъ, сообщилъ всѣмъ формамъ этого зодчества высшее знаменованіе.—Такъ и образы Іезекіиля, среди чувственно-образнаго міра Халдеи, освятились высокимъ духомъ Религіи истинной и потомъ перешли въ Символы Христіанства.

Я скажу еще болѣе: когда Евреи подвергались неизбѣжно вліянію идолопоклонства, — можетъ статься, даже необходимо было принять чувственные образы въ міръ поэзіи, дабы сообщить инымъ поэтическое, другимъ болѣе высшее значеніе. Только подобнымъ противодѣйствіемъ можно было удалять народъ отъ поклоненія кумирамъ. Богъ всегда нисходилъ къ слабостямъ людей Своихъ и къ потребностямъ мѣстнаго и временнаго ихъ положенія. — Создавши ихъ изъ плоти и подчинивъ ихъ вліянію всего невѣчнаго, Онъ зналъ ихъ нужды. Можетъ быть, потому Онъ и посылалъ пророку Іезекіилю въ Его видѣніяхъ образы болѣе чувственные, чтобы высокимъ знаменованіемъ оныхъ противодѣйствовать нѣсколько воображенію народа, которое увлекалось кумирами Вавилона.

Сіи три великіе пророка, Исаія, Іеремія и Іезекіиль, будутъ для насъ главными представителями пророческихъ писаній у Евреевъ. Изъ предложенныхъ мною примѣровъ и главныхъ чертъ, постарайтесь теперь въ умѣ своемъ изобразить каждаго съ особенностію его физіогноміи. Внутренній духъ пророковъ есть одинъ и тотъже; въ немъ они совершенно между собою согласны, ибо всѣ шли отъ одного Божественнаго начала. Въ этомъ они отражаютъ общій характеръ Слова Господня, въ которомъ царствуетъ повсюду гармонія; ибо все течетъ отъ единаго источника, отъ Бога. Цѣль пророковъ есть равнымъ образомъ одна и таже: къ дѣйствію ве-

детъ ихъ слово. Кромѣ временной цѣли для Израильскаго народа, слово пророческое имѣло въ виду еще вѣчную цѣль: ибо оно исполнено предсказаній объ Искупителѣ. Временнымъ назначеніемъ слову Пророковъ было поддерживать единство и самобытность Израильскаго народа. Оно, какъ временное, могло исполняться временно. Но вѣчное назначеніе этого дѣйствующаго слова нашло свое исполненіе, свое дѣйствіе, только въ Христіанствѣ.

Духъ пророковъ единъ, но внѣшняя форма, земная, въ какой сей духъ являлся, разнообразна по характеру поэтическому сихъ Пророковъ. Исаія сочеталъ въ себѣ силу воображенія и чувство, въ полномъ равновѣсіи. Это чувство обращалось въ немъ въ сильный гнѣвъ на все высокомѣрное и нечестивое, и въ кроткую милость ко всему малому и смиренному. Оно соотвѣтствовало временному положенію эпохи, но въ немъ пророчески выражалось и Божественное чувство, одушевляющее Евангеліе въ первыхъ словахъ его: « Блаженни кротціи, яко тіи наслѣдятъ землю. »

Между двумя другими пророками раздѣлены были двѣ земныя стихіи поэзіи. Іереміи досталось въ удѣлъ чувство, Іезекіилю—сила вообразительная. Чувство въ Іереміи приняло иной характеръ чѣмъ въ Исаіѣ: гнѣвъ, при сознаніи немощи народной, перелился въ немъ въ скорбь и въ плачъ; чувство милости, смягчающей гнѣвъ, въ чувство отдаленной надежды.

Человѣческій и поэтическій характеръ каждаго изъ Богодухновенныхъ пророковъ соотвѣтствовалъ совершенно эпохѣ, въ какую каждый изъ нихъ былъ посланъ отъ Провидѣнія. Гнѣвъ Исаіи, умягченный чувствомъ самоувѣренности народной, соотвѣтствовалъ той эпохѣ, въ которую еще далека была погибель самобытности народа, и Израиль могъ еще чувствовать въ себѣ силу. Тогда можно было на него дѣйствовать гнѣвомъ.—Чувствительность Іереміи, который долженъ былъ признать необходимость плѣна, кажется, послана была самимъ Провидѣніемъ на то, чтобы постоянными слезами питать послѣднее чувство жизни въ разслабленномъ народѣ, который безъ этихъ слезъ могъ бы угаснуть духомъ на вѣки подъ игомъ Вавилона.—Наконецъ, во время плѣненія Вавилонскаго, когда народъ неизбѣжно подвергался вліянію чувственныхъ кумировъ Халдейскаго міра,—вообразительная сила пророка, неистощимая въ образахъ поэтическихъ, очевидныхъ, но проникнутыхъ высокимъ, Божественнымъ знаменованіемъ той вѣры, за которую дѣйствовалъ Пророкъ, могла отвратить народъ отъ идолопоклонства тѣмъ, что съ одной стороны удовлетворяя нѣсколько своими образами, пораженному воображенію народа,—она поддерживала въ немъ чувство истинной вѣры, давая этимъ образамъ свое, особенное, высшее знаменованіе. Такъ всякой изъ сихъ трехъ пророковъ въ своемъ земномъ характерѣ выразилъ потребность своей эпохи, а тѣмъ самымъ исполнилъ свое временное посланіе.

Сими тремя главными пророками я заключаю изученіе священной Поэзіи Евреевъ и вмѣстѣ древняго Восточнаго періода, въ которомъ мы избрали ее главною представительницею, потому что она, въ духѣ своемъ будучи исполнена пророческихъ вѣщаній о обѣтованномъ Искупленіи, естественно всѣхъ болѣе имѣла вліянія на западную Поэзію временъ Христіанскихъ.

Теперь слѣдуетъ перейти къ изученію періода Греческо-Римскаго.

Конецъ перваго тома.

ЧТЕНІЕ ТРЕТІЕ

ЧТЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Стран

ЧТЕНІЕ ПЯТОЕ.

ЧТЕНІЕ ШЕСТОЕ.

ЧТЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Стран.

ЧТЕНІЕ ОСЬМОЕ

ЧТЕНІЕ ДЕВЯТОЕ

ЧТЕНІЕ ДЕСЯТОЕ

ЧТЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*Строк.*	*Напечатано:*	*Читайте*
143.	21.	мысль	мысли
—	22.	мысли о возможности	о возможности
—	25.	живошныя	живошная
144	10.	но	ни
—	11.	съ	въ
212	15.	мужамъ	мужьямъ
214	7.	употреблены и кожи	употреблены кожи.

